

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

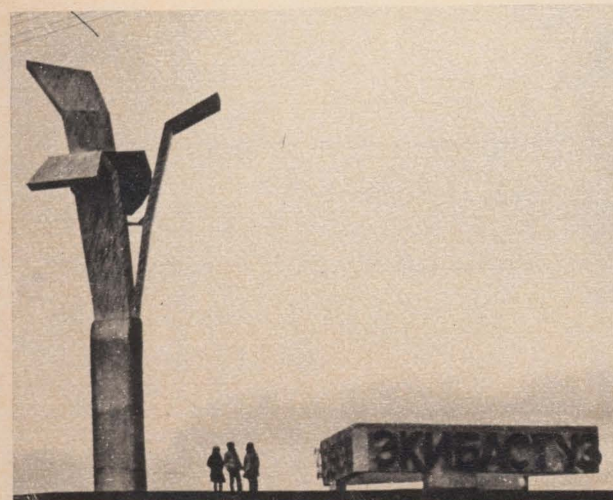
№ 3 ЯНВАРЬ 1979

Молодость Экибастуза.

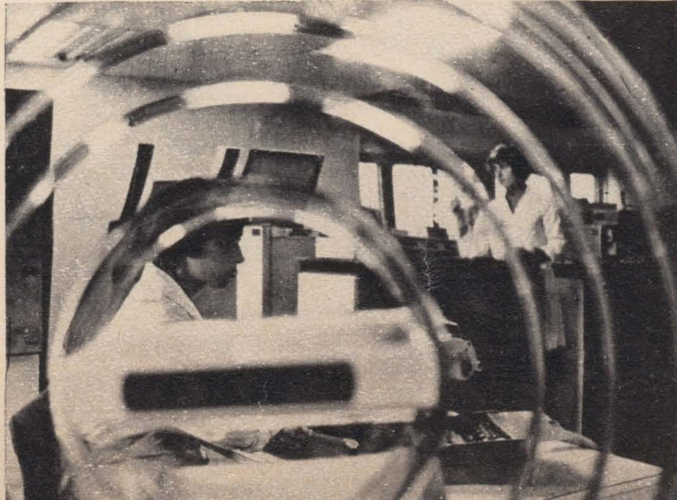

БОГАТЫ

Монумент у въезда в город.

АСУ объединения «Экибастузуголь».

Начальник шеф-монтажа «ЭРШРД-5000» Петр Александрович Горгуль.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 3 (2688)

13 ЯНВАРЯ 1979

адреса великих свершений

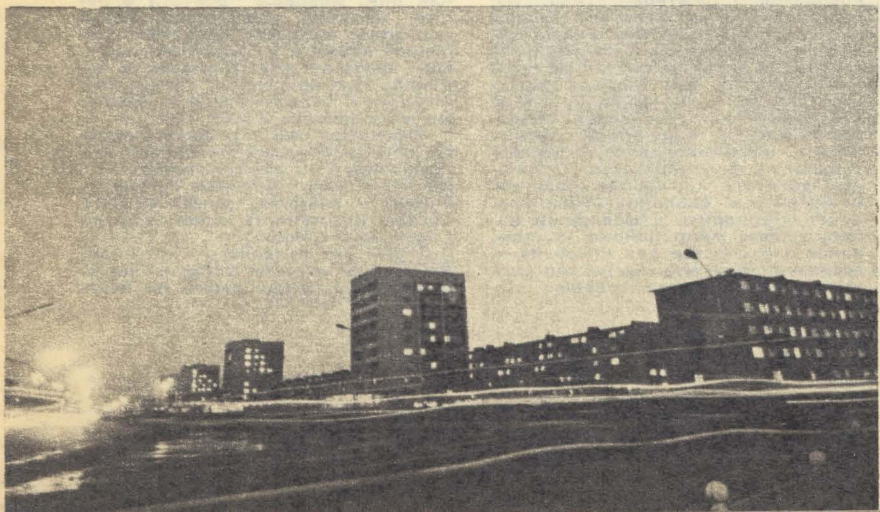

Ю. ЛУШИН, специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

РЬ

Проспект Ленина.

Степлая земля дрогнула. Казалось, еще миг, и она не выдержит тяжкой поступи исполина и поглотит его. А новичок пошел, не ведая страха, пошел, пошел саженьими шагами измерять экибастузскую степь, рывками, с неожиданной легкостью перенося свое громоздкое железное тело вперед. Нет, глуби земные не пугали его. Он как раз и создан был для того, чтобы вгрызаться в неподатливую и неласковую эту землю, сокрывшую в своих недрах фантастические запасы угля. Он спешил в разрез «Богатырь», между прочим, самый крупный на земле, и сам уже ощущал себя богатырем. Да так оно и было на самом деле. Шутка ли сказать, он способен был за час извлечь из земли пять тысяч тонн угля. Поэтому и окрестили его, не мудрствуя лукаво, «ЭРШРД-5000», что означало — экскаватор роторный шагающий... Таких титанов в мире всего три, и все в нашей стране: один добывает уголь в Красноярском крае, а два других — здесь, в Экибастузе.

...Первые метры рядом с ним шли люди, создавшие и собиравшие его из отдельных частей, люди, научившие его ходить. Они чутко вглядывались, вслушивались в каждый шаг стального гиганта, готовые в любой миг прийти ему на помощь. Но помощи не требовалось, и это радовало людей.

— Давай, родненький, шагай, шагай! — говорил вслух, сам того не замечая, начальник шеф-монтажа Петр Александрович Горгуль, инженер из Новокраматорска, где изготовили экскаватор. Горгуль на своем веку обучил двигаться не один десяток экскаваторов, но такого великана в его жизни еще не было, поэтому инженер волновался. Дело понятное...

Я долго смотрел на это шагающее чудо. Представлял, как экскаватор войдет в приготовленный для него забой и как черная река угля хлынет из-под фрезы — успевай только вагоны подставлять. Но сколько же их потребуется, если в самый большой входит только 60 тонн угля? Эти нехитрые арифметические соображения привели меня к большой проблеме, которая встала перед экибастузскими угольщиками. О ней мы говорили потом с первым секретарем Павлодарского обкома КПСС Борисом Васильевичем Исаевым. А начался разговор вот с чего...

— На ноябрьском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев указывал на принципиально новый момент в советской экономике: «создание и развитие ряда территориально-производственных комплексов, прежде всего на востоке страны. Это Западно-Сибирский, Братский, Павлодар-Экибастузский, Оренбургский, Нижнекамский и другие. За три года они обеспечили весь прирост добычи нефти, почти весь прирост добычи газа, значительную часть прироста выработки электроэнергии, добычи железной руды и угля, производства грузовых автомобилей и тракторов». Как раз одной из важнейших забот нашей областной парторганизации в последние годы и стало формирование Павлодар-Экибастузского территориально - производственного комплекса,— рассказывает Борис Васильевич.— В крае, где не было собственной стройиндустрии, металлургии, энергетики, машиностроения, пришлось создавать новые отрасли промышленности. Все это теперь есть. Но масштабы предстоящей работы не менее значительны. Например, после реконструкции Павлодарского завода мы будем выпускать тракторы «К-701», а для этого, по существу, нужно создать новый тракторный завод... В основе всех преобразований лежит энергетика. Поэтому на базе дешевых экибастузских углей нам предстоит создать уникальный по своим масштабам топливно-энергетический комплекс. Достаточно сказать, что на его развитие государством отпущено свыше семи миллиардов рублей. Предстоит

увеличить добычу угля из здешних разрезов в три с половиной раза и довести ее к 1990 году до ста семидесяти миллионов тонн в год. В сжатые сроки будут построены четыре ГРЭС общей мощностью шестнадцать миллионов киловатт. Строительство первой ГРЭС уже идет полным ходом, начинается закладка фундамента второй.

— Значит, в самом скором будущем Экибастуз поспорит по количеству вырабатываемой электроэнергии с Енисеем, Ангарой, Волгой? — спросил я.

— Да, так будет, но уже и сейчас многие называют Экибастуз Энергоградом или Электроградом. К тому же не следует забывать, что нашим угольком многие годы питаются около двух десятков казахстанских, сибирских, уральских ГРЭС и ТЭЦ. Некоторые из них расширяются, и топлива им потребуется еще больше.

— Как будет увеличиваться добыча угля — наращиванием технической мощи или за счет ввода новых угольных разрезов?

— А почему «или»? И тем и другим способом. В эти дни, например, на «Богатыре» вступает в строй еще один экскаватор производительностью пять тысяч тонн в час. В первый же год работы он выдаст на-гора́ более семи миллионов тонн топлива. Ощутимая прибавка, если учесть, что в 1979 году в Экибастузе вся добыча угля составит шестьдесят четыре миллиона тонн. Будет вводиться и другая мощная техника, однако в последние годы угольщиков мучает хроническая нехватка железнодорожного транспорта, случаются срывы государственного плана, отсюда текучесть кадров на разрезах. Парадокс, но мы до сих пор не знаем, на что способна наша новейшая роторная техника. Из-за нехватки вагонов никак не удается загрузить ее в полную силу. Правда, в ближайшем будущем мы будем использовать уголь на месте, но все равно его надо как-то доставить на ГРЭС. Ученые и проектировщики предлагают к строящимся мощным ГРЭС подавать уголь конвейерным транспортом. Тогда отпадет надобность в сотнях и тысячах вагонов. Уже на второй ГРЭС такой вариант будет опробован. Заманчивая идея...

— Борис Васильевич, в связи с грандиозным строительством возникнут, видимо, какие-то новые проблемы?

— Уже возникли, что, впрочем, нормально для всякого крупного дела. Однако ненормальным я считаю вот что. Есть проблемы естественные — технические. Но есть проблемы неестественные. Поясню. В сооружении нашего степного гиганта участвуют многие министерства, республики, города. И вот одному руководителю помешала своевременно решить вопрос нерасторопность или забывчивость, другой не рискнул преодолеть ведомственный барьер, третий нашел способ уклониться от важного задания. А дело, государственное дело, между тем стояло. Это неестественно, ненормально.

Должна быть строжайшая дисциплина на каждом участке работы... Давно признано, что в восточных районах страны вопросам жилья и объектам культурно-бытового назначения на больших стройках необходимо уделять особое внимание. Эту мысль неоднократно подчеркивал Леонид Ильич Брежнев во время поездки по районам Сибири и Дальнего Востока. Однако министерства угольной промышленности, энергетики и электрификации СССР, формируя ввод производственных мощностей, явно забывают о жилье. Разрыв между нарастающим объемом работ и возможностями размещения, закрепления людей увеличивается с каждым днем. Это тоже ненормально. А ведь в Экибастузе должно быть построено к девяностому году шестьсот тысяч квадратных метров жилья. Иначе говоря, должен появиться второй Экибастуз.

«Появится ли? — думал я, въезжая на строительную площадку ГРЭС и вспоминая разговор в обкоме партии. — Появиться-то появится, только с каким напряжением сил, с какими издержками?»

...Огромный голубой корпус ГРЭС вырос перед глазами как-то внезапно, хотя виделся издалека, почти за тридцать километров. Постепенно, незаметно увеличивался и вдруг сразу подавил своей монументальностью. Я остановился у его подножия, как у подножия горы, задрал голову вверх и прочел на вершине: «Даешь 1 миллион квт в 1979 году!» А всего два года назад на этом месте были лишь котлованы, кое-где — фундаменты... И было много казавшихся несбыточными разговоров о монтаже конструкций, колонн, котлов, турбин, о строительстве дымовой трубы высотой 330 метров — таких в нашей стране еще не ставили.

Труба уже строилась, но корпус перегнал ее, вымахал на проектную отметку, и там, на 80-метровой высоте, работали монтажники. Забот у них хватало, но на ежедневных производственных планерках в штабе стройки все чаще стало мелькать слово «котел», и, видимо, «королями» вскоре будут признаны котельщики.

— Когда установите мостовой кран для монтажа конструкций котла?

— Пора начинать сборку секций котла.

— Надо думать о монтаже первой секции котла!

Да, дела на строительстве ГРЭС разворачивались, хотя проблем тут хватало.

— Какие из них вы считаете главными? — спросил я заместителя управляющего трестом «Экибастузэнергострой» Евгения Яковлевича Чжена.

— План, к сожалению, пока не выполняем. А не выполняется он потому, что на стройке не хватает людей. А людей не хватает потому, что нет жилья. А жилья нет потому, что некому строить. Заколдованный круг, — невесело усмехнулся он.

Кто же разорвет этот круг? Сколько раз уже писано о необходимости вести строительство комплексно, не забывать за пусками производственных мощностей о жилье, детсадах, магазинах, кафе, клубах! Особенно это важно для молодежных строек, какой является Экибастузский топливно-энергетический комплекс. Ведь мы знаем примеры, достойные для подражания, — строительство ВАЗа, КамАЗа, БАМа, где показан по-настоящему государственный подход к делу. Этого же вправе ждать Экибастуз, владеющий ключом от уникальных кладовых угля.

ПРИЕМ Л. И.

Во время беседы.

НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

В атмосфере сплоченности советского народа вокруг Коммунистической партии продолжаются в стране предвыборные собрания. Советские люди выдвигают в высший орган власти лучших своих представителей. В числе первых они называют своими кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, других руководителей Коммунистической партии и Советского государства.

Во всех городах и селах в эти дни гостеприимно зажглись огни агитпунктов. Во многих дворцах культуры и рабочих клубах начали работать лектории молодых избирателей.

Об одном из московских агитпунктов публикуемый репортаж.

ЗАБОТЫ АГИТПУНКТА

Секретарь парткома московской ордена Ленина кондитерской фабрики «Большевик» Ирина Васильевна Клаповская в тот день с утра пораньше совещалась с заведующим агитпунктом, бригадиром слесарей-ремонтников Анатолием Владимировичем Заваловым и руководителем агитколлектива, начальником цеха Николаем Ивановичем Акимкиным. Что делать? Небывало крепкие морозы пришли в город, и в такую погоду не каждый решится, как говорят, высунуть нос из дома. А на завтра в агитпункте намечен вечер вопросов и ответов. Евдокия Андреевна Ожина, мастер-кондитер, проработавшая на фабрике четыре с лишним десятилетия, воспитавшая уж и не счесть скольких учеников, хочет поговорить с молодыми избирателями микрорайона о том, какое это счастье для человека — сознание того, что ты честно служишь Родине трудом своим.

Евдокия Андреевна старательно готовилась к этой встрече. Советовалась с Клаповской, Акимкиным. Конечно, не надо никаких общих фраз. Она расскажет о своей трудовой жизни. О том, как бывало тяжко не раз, особенно в суровую военную пору, и о том, как они, молодые девчата в белых халатах, радовались, когда наступило весеннее, солнечное, победное время и из ворот их «вкусной» фабрики стали выезжать вереницы автофургонов, груженных лотками с теплыми еще пирожными и коробками с тортами.

Расскажет она и о своей подруге, пекаре Клавдии Пузаковой, награжденной за многолетнюю безупречную работу орденом Трудового Красного Знамени, делегатке XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза...

Стужа не оказалась помехой. Агитаторы обошли хорошо знакомые им квартиры домов по Бего-

БРЕЖНЕВЫМ АМЕРИКАНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

Фото В. Мусаэльяна и В. Соболева (ТАСС).

9 января Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле вице-президента американской журнальной корпорации «Тайм» Г. Грюнвальда, а также главного редактора журнала «Тайм» Р. Кейва и заместителя главного редактора этого журнала Р. Данкина.

Л. И. Брежнев ответил на ряд вопросов, поставленных редакцией журнала «Тайм», касающихся советско-американских отношений и некоторых других международных тем.

В заключение беседы Р. Кейв попросил Л. И. Брежнева высказать свою оценку нынешних событий в Кампучии. Л. И. Брежнев ответил, что кампучийский народ поднялся на борьбу против ненавистного ему режима, против тирании, навязанной народу Кампучии извне. Это его право, и советская общественность поддерживает справедливую борьбу народа Кампучии под руководством Единого фронта национального спасения. Советский Союз поддерживает и Народно-революционный совет Кампучии, то есть правительство, за которым стоят самые широкие слои населения.

В Кампучии существовал пропекинский режим, так сказать, китайская модель политического устройства, а массовое уничтожение людей в Кампучии — это не что иное, как китайская «культурная революция» в действии на чужой территории.

Китайская пропаганда сейчас шумит о вмешательстве Вьетнама в дела Кампучии. Это грубая попытка извратить действительное положение вещей. Это один из примеров антивьетнамской шовинистической направленности политики нынешнего руководства Китая, которое, как известно, и по ряду других вопросов организует провокации против Вьетнама.

На беседе присутствовал заведующий Отделом международной информации ЦК КПСС Л. М. Замятин.

(ТАСС).

вой улице, микрорайона с населением свыше двух тысяч москвичей, среди которых едва ли не большинство молодые рабочие и работницы. Поговорили с избирателями, приглашали на агитпункт: «Приходите, ребята, будет интересно. Наша Евдокия Андреевна — человек замечательный».

В назначенный час агитпункт был полон. И напрасно волновалась заслуженная работница. Слушала ее молодежь с большим вниманием, засыпала вопросами. Расходясь по домам, говорили друг другу: «Надо же! Столько лет проработать на одном производстве, столько лет любимому делу отдать! Ничего не скажешь — честная жизнь!..»

— Так уж повелось в работе нашего агитпункта,— говорит секретарь парткома И. В. Клаповская.— Составляя план работы в пору предвыборной кампании, мы стараемся, чтобы разговор с избирателями шел по душам, на темы им близкие, темы сегодняшнего и завтрашнего дня, чтобы разговор этот помогал нравственному воспитанию людей. Мы проводим и экскурсии. В ближайшее время в связи с годовщиной Советской Армии состоится коллективный поход по тем местам столицы, что напоминают о подвигах советских воинов. Уверены, что не придется, скажем, дважды приглашать наших избирателей на лекцию представителей Главного архитектурного управления. Тема ее говорит сама за себя: «Москва — столица Олимпиады-80»!

Само собой разумеется, что главное в деятельности наших агитаторов — массовая разъяснительная работа, связанная с подготовкой к проведению выборов в Верховный Совет СССР. Еще и еще раз проверяются по домам списки избирателей. Сейчас по всей стране народ выдвигает своих представителей в высший орган власти страны. И близок день, когда агитаторы начнут знакомить избирателей с нашим кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Секретарь парткома фабрики «Большевик» Ирина Васильевна Клаповская (справа) беседует с агитаторами.

Фото И. Гаврилова

К 60-ЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЛАТВИИ

КРАСНОЕ УТРО

Рига. Фото В. Лисицына (ТАСС)

Н. ХРАБРОВА

Не исследовав своего прошлого, не может оценить настоящего и заглянуть в будущее ни один народ, ни одна страна. Эта бесспорная истина по-новому осмысливается в дни, когда Латвия вместе с другими республиками Советской Прибалтики отмечает 60-летие начала строительства новой жизни на своих землях. Тогда же, 60 лет назад, СДЛ — Социал-демократия Латвии — была переименована в КПЛ — Коммунистическую партию Латвии. Перечитывая архивные документы, мы становимся как бы свидетелями исторических событий, исполненных высокого революционного подъема, событий поистине героических и драматических.

В одной из своих книг первый секретарь ЦК КП Латвии А. Э. Восс пишет о том, что территория Латвийской республики и количество ее населения невелики — капля в сравнении со всей необъятной страной. «Но,— напоминает автор,— как гласит народная мудрость, капля, упавшая в море,— это уже не капля, а море...» Теперь всем нам очевидно, сколь драгоценна каждая такая «капля».

...Октябрь 1917 года расшатал устои, разрушил основы мира насилия. Неслыханные доселе, разнеслись и над Прибалтикой слова: «Мир — народам, земля — крестьянам, власть — Советам». Но германский империализм растоптал появившиеся здесь первые ростки свободы.

В Прибалтику хлынули оккупационные войска. Конфискованные у остзейских баронов земли были отняты у крестьян и вновь возвращены баронам. В ноябре 1918 года, поддержанные штыками, немецкие землевладельцы, фабриканты и националистическая латышская буржуазия организовали контрреволюционное «временное правительство» во главе с Ульманисом. После поражения Германии, прикрывшись условиями Компьенского перемирия 1918 года, в Прибалтику направили свои войска англо-американские империалисты. Их военные корабли вошли в Лиепайскую и Рижскую гавани. Английские оккупационные войска обагрили свое оружие кровью рижских рабочих. Буржуазия радостно торжествовала победу. Но радость была преждевременна. В сентябре 1918 года в Риге был создан подпольный Совет рабочих депутатов. Выходили три подпольные газеты. В городах Латвии создавались Советы рабочих депутатов, на селе — Советы безземельных крестьян. Возникли военно-революционные комитеты. В декабре 1918 года было организовано временное Советское правительство Латвии во главе с Петром Стучкой. Оно обнародовало Манифест о переходе государственной власти в руки Советов. 22 декабря правительство РСФСР признало независимость Советской Латвии. Пролетариат городов и деревень республики пошел в наступление на буржуазию и интервентов. Он был поддержан революционными силами латышей, живших на территории РСФСР. Революционные латышские стрелки двинулись в сторону Риги. Сперва был освобожден город Валка, затем Валмиера и Цесис, и 3 января 1919 года стрелки вступили в Ригу. К концу января от оккупационных и буржуазных войск была освобождена почти вся Латвия.

— Опять смена власти,— говорили в ту пору осторожные обыватели.

Но это была не смена власти — это молодым и сильным светом разгоралось утро новой жизни. Впереди еще предстояли два десятилетия подпольной борьбы. И те, кто стоял у колыбели Советской власти, умели смотреть сквозь эти десятилетия вперед, в будущее. Они были интернационалистами и прежде всего хотели быть в одном строю с теми, кто создавал новую жизнь в России и в Венгрии, в Литве и в Эстонии. Примечателен хотя бы такой пример из деятельности Коммунистической партии Латвии в 1918—1919 годах. Среди многих изданий в Риге в то время выходила газета на эстонском языке, и называлась она «Пунане Хоммик» — «Красное утро». Газета предназначалась для эстонцев, живших в Латвии, и для тех, кто в это время в Эстонии находился уже снова под пятой буржуазии. В ней печатались труды Ленина, рассказывалось о первых шагах Советской власти в РСФСР и о революционных антивоенных выступлениях в оккупированных странах и областях. «Красное утро»... Точнее и ярче трудно было придумать название для газеты.

В январе 1919 года, когда латышский народ утверждал на своей территории свободу и Советскую власть, соседняя Эстония уже изнемогала в борьбе с контрреволюцией, с белой армией. 4 февраля 1919 года глава латвийского правительства Петр Стучка, друг Александра Ульянова и соратник В. И. Ленина, писал в статье «Латвия и Эстония»: «Теперь не остается ничего иного, как выждать, пока внутри Эстонии созреют коммунистические силы и в то же самое время с помощью ростков большевизма разложатся силы иноземных приспешников. Тогда образуется единая, недели-

ПРАЗДНИК БРАТСТВА

325-летию воссоединения Украины с Россией, этому волнующему празднику дружбы и братства, посвящаются в столице нашей Родины Москве встречи, лекции и вечера. Всесоюзное общество «Знание», МГК и МК КПСС провели чтения. С докладом выступил секретарь ЦК КПУ В. Е. Маланчук. Открылась выставка книг издательств Украины. В дни торжеств будет проведен широкий обмен лучшими профессиональными и самодеятельными творческими

мая красная коммунистическая Прибалтика...»

Слова Стучки оказались пророческими.

Все, что было возможно сделать за недолгие месяцы, было сделано Советской властью в Латвии. Возобновили работу около ста предприятий, на которых трудились 10 тысяч рабочих. Был установлен восьмичасовой рабочий день. Правительство молодой Советской республики основало Латвийский государственный университет и Академию художеств. Для трудящихся открылся театр оперы и балета. Эти ныне хорошо известные не только в Латвии, но и во всей Советской стране очаги просвещения и культуры сыграли огромную роль в духовном развитии латышского народа. Они теперь тоже празднуют 60-летие со дня основания.

...В конце 1918-го и в начале 1919 года встревоженные потерей своих позиций в Прибалтике США израсходовали на поддержку контрреволюции в Латвии пять миллионов долларов. На обмундирование, вооружение контрреволюционной армии внесла свою лепту и Англия, пожертвовав 1,3 миллиона фунтов стерлингов. И вот 22 мая 1919 года интервенты прорвались в Ригу. Гражданским губернатором латвийской столицы назначается английский полковник, а военным—американский. Новоиспеченные губернаторы начали свою деятельность с расстрела тысяч рабочих...

Более полугода Латвия ожесточенно сопротивляется интервентам и белогвардейцам. Лишь в январе 1920 года буржуазии удается потопить в крови молодую Советскую республику, но эта республика осталась в сердце и в памяти латышского народа. Отступив за пределы Латвии, на все фронты гражданской войны в революционной России ушли красные латышские стрелки.

Прошло 20 лет, и латышский народ в полной мере применил опыт нескольких месяцев 1919 года в строительстве новой, советской республики — Латвийской ССР.

Много можно рассказывать о том, как развивалась экономика, культура и наука Советской Латвии в послевоенные годы. Но, может быть, самым убедительным свидетельством этого развития будут такие цифры: нынче промышленность Латвии за девять дней выпускает столько продукции, сколько было выпущено за весь 1940 год. 411 новых школ построено за эти годы в республике. Сейчас каждый второй житель Латвии имеет высшее и среднее образование.

коллективами между соревнующимися городами и областями.

Большая группа гостей столицы — передовики промышленности и сельского хозяйства, ученые, деятели культуры братской республики побывали у трудящихся ряда районов Москвы и Московской области, посетили ВДНХ и Московский дом научно-технической пропаганды имени Ф. Э. Дзержинского.

НА СНИМКЕ: Герой Социалистического Труда шлифовщик завода «Арсенал» А. А. Донченко, Герой Социалистического Труда бригадир шахты имени Абакумова (г. Донецк) В. Н. Пихтерев, Герой Социалистического Труда токарь объединения «Прессмаш» (Одесса) А. Г. Саблин и московский новатор токарь В. М. Ремизов.

ФОТО В. ВЕЛИКЖАНИНА (ТАСС)

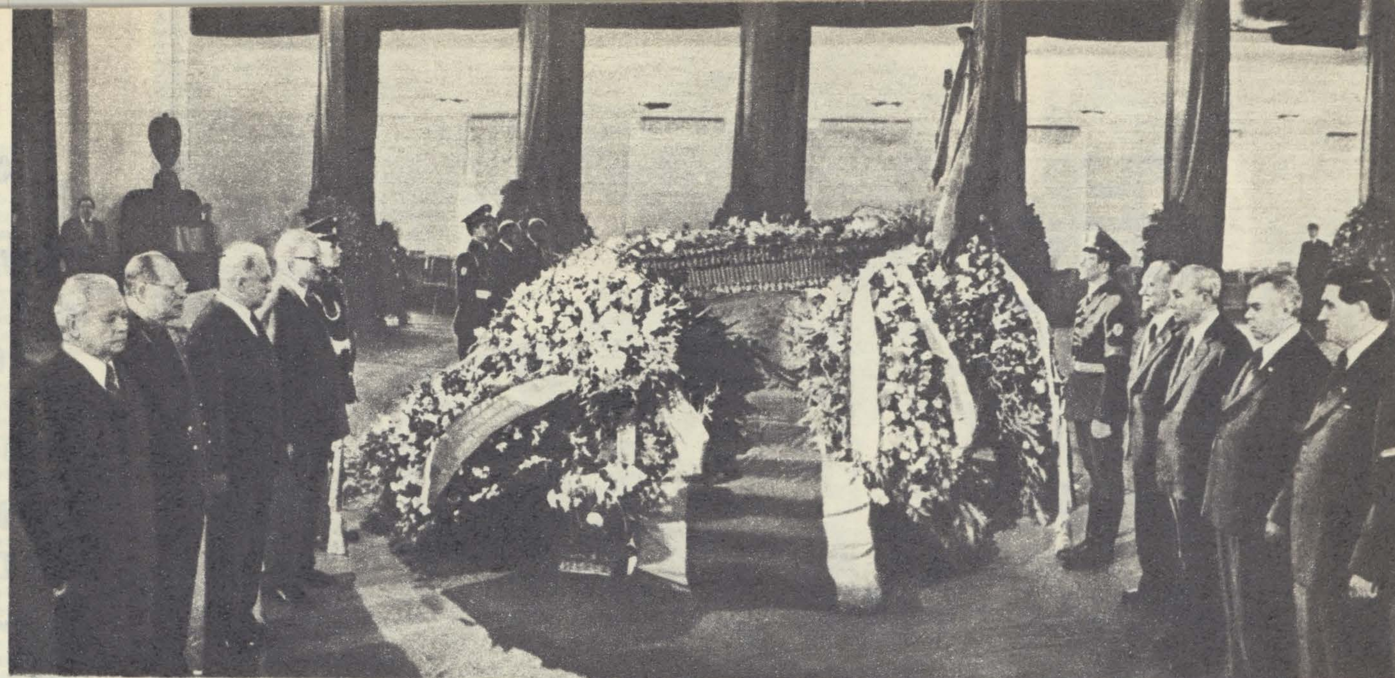

Фото А. Пахомова

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

5 января Москва проводила в последний путь крупного организатора социалистического сельского хозяйства, члена ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР, Героя Социалистического Труда, министра мелиорации и водного хозяйства СССР Евгения Евгеньевича Алексеевского.

В траурном убранстве Краснознаменный зал Центрального Дома Советской Армии имени М. В. Фрунзе. На постаменте, украшенном цветами, установлен гроб с телом покойного. На алом атласе — золотая звезда Героя Социалистического Труда, другие награды, которыми были отмечены заслуги Е. Е. Алексеевского — верного сына Коммунистической партии Советского Союза.

В зале множество венков. На лентах одного из них надпись: «Евгению Евгеньевичу Алексеевскому от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР».

Каждые три минуты сменяется почетный караул.

Траурную вахту несли товарищи А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, В. В. Кузнецов, Н. А. Тихонов, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, Я. П. Рябов, К. В. Русаков, М. С. Горбачев.

В почетном карауле стояли также заместители Председателя Совета Министров СССР, министры СССР, ученые, ответственные работники ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР.

На Новодевичьем кладбище, где похоронен Е. Е. Алексеевский, состоялся траурный митинг. На нем выступили заместитель Председателя Совета Министров СССР З. Н. Нуриев, руководители ряда министерств и ведомств, представители производственных коллективов.

(ТАСС).

---

8 января Москва проводила в последний путь члена ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР, Героя Социалистического Труда, министра промышленности строительных материалов СССР Ивана Александровича Гришманова.

Краснознаменный зал Центрального Дома Советской Армии имени М. В. Фрунзе в траурном убранстве. На постаменте, украшенном цветами, установлен гроб с телом покойного. На алом атласе — золотая звезда Героя Социалистического Труда, другие награды, которыми были отмечены заслуги И. А. Гришманова.

В зале — множество венков. На лентах одного из них надпись: «Ивану Александровичу Гришманову от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР».

Каждые три минуты сменяется почетный караул.

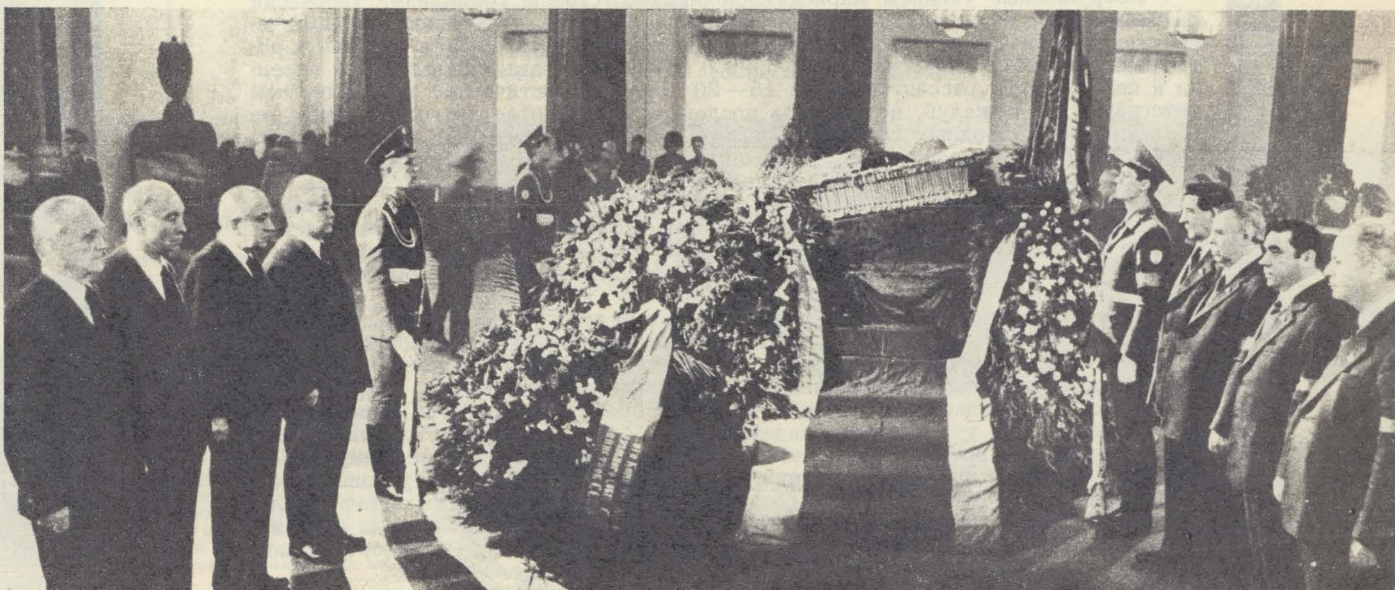
Траурную вахту несли товарищи В. В. Гришин, А. П. Кириленко, В. В. Кузнецов, Н. А. Тихонов, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, Я. П. Рябов, М. С. Горбачев.

В почетном карауле стояли также заместители Председателя Совета Министров СССР, министры СССР, ответственные работники ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР.

На Новодевичьем кладбище, где похоронен И. А. Гришманов, состоялся траурный митинг. На нем выступили заместитель Председателя Совета Министров СССР В. Э. Дымшиц, представители производственных коллективов.

(ТАСС).

Фото А. Гостева

НАШ ВЗГЛЯД

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, СЭВ!

Новелла ИВАНОВА

Этот январь тысяча девятьсот сорок девятого года уже принадлежит Истории. Тогда в шести восточноевропейских столицах было одновременно опубликовано официальное сообщение «К созданию Совета Экономической Взаимопомощи». В нем шла речь о состоявшемся в Москве экономическом совещании с участием посланцев Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии, которое признало необходимым «создать Совет Экономической Взаимопомощи из представителей стран — участниц совещания на основе равноправного представительства с задачей обмена хозяйственным опытом, оказания друг другу технической помощи, взаимной помощи сырьем, продовольствием, машинами, оборудованием и т. д.». Формула «на основе равноправного представительства» была выражением нового социалистического типа международных экономических отношений.

В 1950 году в СЭВ вошла ГДР, спустя двенадцать лет — Монголия, еще через десятилетие — Республика Куба, а в минувшем году — Вьетнам. Сегодня Совет Экономической Взаимопомощи объединяет десять социалистических государств Европы, Азии и Америки с населением более 430 миллионов человек! Активно сотрудничает с СЭВ Югославия, в его работе в качестве наблюдателей участвуют представители КНДР, Лаоса, Анголы и Эфиопии.

В наше динамичное время даже самые большие расстояния не могут служить помехой для сравнений. Два года назад во Вьентьяне, столице недавно рожденной революцией Лаосской Народно-Демократической Республики, я была свидетелем массового паломничества населения на выставку, рассказывающую о жизни СССР и ее молодежи. «Мы пришли сюда, чтобы увидеть свое будущее!» — говорили посетители выставки. Да, людям теперь есть с чем сравнивать, и они видят — за социализмом неоспоримое преимущество. Занимая всего 19 процентов территории и располагая 10 процентами населения, страны — члены СЭВ вышли сегодня на ведущие позиции в мировой экономике. Они производят примерно одну треть промышленной продукции в мире, дают ныне свыше половины прироста промышленного производства, их индустриальная мощь больше, чем у США, чем у государств Западной Европы, вместе взятых. Темпы роста национального дохода в братских странах за минувшие тридцать лет были в три раза выше, а промышленного производства — в четыре раза выше, чем в мире капитала. Таковы факты, а факты — упрямая вещь, с которой вынуждены считаться апологеты капитализма, стремящиеся всячески исказить характер отношений братских государств и деятельность СЭВ.

Тридцатилетний путь, пройденный странами — участницами Совета, убеждает в том, что важным условием их успехов наряду с национальными усилиями являются братское взаимодействие, забота о том, чтобы успешно развивалась не только своя страна, но и другие государства содружества. Это и есть высшее выражение интернационализма.

Вооруженные учением марксизма-ленинизма, страны социализма творчески разрабатывают вопросы развития содружества. По мере углубления экономического сотрудничества все более очевидной становилась потребность соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социализма и перейти к комплексной, рассчитанной на 15—20 лет социалистической экономической интеграции, и, пожалуй, не было за последнее десятилетие другого термина из области международных социалистических отношений, который был бы столь быстро подхвачен и донесен до самой широкой аудитории. Интеграция непрерывно набирает силу, расширяется и наполняется новым содержанием. Многое сделано сегодня странами СЭВ в области международного социалистического разделения труда и прежде всего в специализации и кооперировании производства. Только в машиностроении действуют около 80 многосторонних соглашений о специализации и кооперировании производства, охватывающие более 8000 наименований продукции.

При современных темпах научно-технической революции ни одно государство не может в одиночку удерживать передовые позиции на всех фронтах мирового научно-технического соревнования. И сегодня в реализации Комплексной программы в области научно-технического сотрудничества участвуют свыше 3000 научно-исследовательских и проектно-конструкторских коллективов, вузов, в том числе около 200 учреждений академий наук братских стран. Главный выигрыш — экономия времени, возможность быстро выйти на передовой рубеж науки. Наглядным примером успешного взаимодействия в решении узловых проблем технического прогресса было создание Единой системы электронно-вычислительных машин третьего поколения. Безусловно, одна из впечатляющих страниц, вписанных в тридцатилетнюю историю СЭВ, — сотрудничество в покорении космоса.

Это наш сегодняшний день, и это путь, которым мы идем в завтра.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

КАМПУЧИЯ

ПОБЕДА ПАТРИОТОВ

Пномпень освобожден! Революционные вооруженные силы Кампучии при поддержке восставшего народа разгромили группировку войск реакционной клики Пол Пота — Иенг Сари. Страна, славившаяся древней культурой и высокой цивилизацией, была превращена диктаторским режимом в концентрационный лагерь. Чудовищные беззакония и зверства, чинимые пропекинской группой в Кампучии кажутся просто невероятными: за три года в стране

США

БЕСПАСПОРТНЫЕ ЭМИГРАНТЫ

На границе Мексики и США появились самозваные пограничные патрули, состоящие из американских расистов — членов общества куклукс-клан. Их вожак, некий Д. Дьюк, заявил, что развернет по всей границе «охоту на брасерос» — мексиканских батраков-поденщиков. Переходя от слов к делу, расисты предприняли сначала провокации против тех мексиканцев, которые проживают в США и выступают в защиту своих соотечественников — брасерос. Куклуксклановцы врывались в дома мексиканцев, устраивали погромы и шествия, в ходе которых поджигали свои зловещие кресты.

Доставленные в США без документов, брасерос становятся бесправными батраками. Нелегально переправляясь на север, они думают, что найдут там рай. Однако рай оборачивается адом. Несчастные преследуются на каждом шагу и по любому поводу. Их нещадно эксплуатируют хозяева, угрожая в случае недовольства сдать в руки полиции. Они вынуждены отдавать немалую часть заработанных денег ростовщикам, которые ссужали им деньги на «путешествие». Беспаспортные эмигранты оказываются в Соединенных Штатах в более трудном положении, чем в своей собственной стране.

было казнено около двух миллионов человек — почти четверть ее населения.

Страна трудолюбивых кхмеров была превращена преступной кликой в «государство казарменного социализма». Города были ликвидированы. Горожан переселили в сельскую местность. Население столицы, три года назад превышавшее два миллиона человек, сейчас насчитывает не более 20 тысяч.

Людей загоняли в так называемые «деревни новой жизни». Единственной «платой за труд» были нормированные продукты питания, главным образом рис, и на год один комплект одежды, состоящий из штанов и рубахи.

Пномпеньская клика, проводя политику истребления своего народа, развязала братоубийственную войну против социалистического Вьетнама. Чаша терпения народа Кампучии переполнилась, и он поднялся на борьбу с реакционерами. И вот теперь эта борьба увенчалась успехом.

В освобожденных районах страны Единый фронт национального спасения Кампучии (ЕФНСК) проводит срочные мероприятия по нормализации обстановки в стране. Жители могут вернуться в родные деревни к своим семьям или выбрать место жительства по собственному желанию. Создаются народные комитеты, на которые возлагаются задачи управления, разъяснения и практического выполнения программы ЕФНСК — построить мирную, независимую, демократическую, нейтральную Кампучию.

Кампучийское информационное агентство (СПК) сообщило об образовании Народно-революционного совета Кампучии, который взял на себя всю полноту власти в стране. Председателем Народно-революционного совета стал Хенг Самрин.

На снимке: жители одного из освобожденных районов направляются на митинг.

ЧИЛИ

ЗВЕРСТВА ХУНТЫ

Стало всеобщей гласностью еще одно преступление фашистской хунты в Чили. К северу от Сантьяго в заброшенной шахте недалеко от поселка Куэста-Баррига обнаружено тайное захоронение жертв пиночетовских палачей. Их многие десятки. Трупы полуразложились, но на них отчетливо видны следы зверских истязаний и пыток. У некоторых руки связаны за спиной колючей проволокой. Многие были сброшены в шахту еще живыми, другие убиты выстрелами в затылок. Это не первый случай, свидетельствующий о кровавых расправах Пиночета и его подручных над противниками фашистской хунты. В печати уже сообщалось об обнаружении тайного кладбища на дне океана. Головорезы из ДИНА привязывали груз к ногам своих жертв и сбрасывали их в море.

Раскрываются все новые факты о судьбе 2500 «без вести пропавших» политзаключенных — видных деятелей Народного единства, профсоюзных руководителей, деятелей науки и культуры. Палачи стараются скрыть тайну подлого убийства патриотов, так как боятся расплаты за свои кровавые дела. Бывшего головореза ДИНА, некоего Муньоса, видимо, замучили угрызения совести, и, не выдержав, он записал обширную «исповедь» на магнитофонную пленку, где сообщает, что лично участвовал в убийстве политических заключенных. Большинство «пропавших без вести» было казнено в лагере Пельдеуэ (вблизи столицы) специальной службой ДИНА. Непосредственное руководство осуществлял сам шеф-палач Пиночет.

Спустя некоторое время после публикации этих признаний труп Муньоса был найден на пустыре. На его теле обнаружено 17 ножевых ран. Убийцы не прощают разоблачений своих преступлений. Болтливые свидетели подлежат уничтожению.

На снимке: это фотографии патриотов, чья судьба до сих пор неизвестна.

На снимке: куклуксклановцы отправляются на «охоту на брасерос».

ЗАКРЫЛАСЬ НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Это известие взбудоражило всю Англию: британская достопримечательность, газета газет капиталистического мира «Таймс» перестала выходить. Вместе с ней прекращено издание популярной в Англии воскресной газеты «Санди таймс».

Владельцы концерна «Томсон органиэйшн лимитед», которому принадлежит «Таймс», приняли решение прекратить ее выпуск в ответ на настойчивые требования типографских рабочих, добивающихся увеличения заработной платы и улучшения условий труда. Печатники выступают также против попыток провести «реорганизацию» производства в ущерб их интересам.

Чего же хотят хозяева? Прибылей — и как можно больше. А для этого они требуют от рабочих отказаться от «неофициальных» забастовок, то есть заставить рабочих согласиться с неудержимым ростом цен и замораживанием заработной платы. Второе их условие: переход на новую технологию производства. А это влечет за собой неминуемое увольнение ставших ненужными линотипистов и верстальщиков. Рабочие в принципе согласны с этим нововведением и требуют от хозяев переквалификации. Третье условие концерна: провести значительное сокращение штатов. Ясно, кто в первую очередь пополнит ряды безработных.

На снимке: митинг типографских рабочих «Таймс», протестующих против грозящих массовых увольнений.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. М. ТУМАНОВА

НЕИСЧЕРПАЕМОСТЬ ТАЛАНТА

Многогранен и ярок талант народного артиста СССР Иосифа Михайловича Туманова. Большой, более чем полувековой путь в искусстве пройден им.

Знаю Иосифа Михайловича с детских лет. Ему, как и мне, уроженцу Тифлиса, был по душе этот древний романтический город. Город, славный своей многовековой культурой, дружескими связями с революционным движением и культурой русского народа. Мечтательный, задорный, целеустремленный, остроумный Иосиф Туманов впитывал все лучшее, что было в театральной и музыкальной жизни Тбилиси двадцатых годов.

В начале тридцатых годов я переехал в Москву и здесь вновь встретился со своим старым другом. И. М. Туманов уже стал многообещающим режиссером-новатором, чья творческая судьба сложилась счастливо,— среди его учителей были выдающиеся деятели русского театра: К. С. Станиславский, Вл. И. Немирович-Данченко, В. Э. Мейерхольд, Ю. А. Завадский, А. Я. Таиров, Н. П. Хмелев и другие.

Большой жизненный импульс и творческая энергия позволили ему отдавать свои силы и талант разным жанрам: опере, оперетте, драме, кинематографии, массовым представлениям. Много нового и ценного внес он во все эти виды искусства. Особенно хочется отметить его роль в развитии советской оперетты. Под его руководством был сделан решительный поворот Московского театра оперетты к советской теме, к произведениям советских композиторов.

Все мы помним деятельность Туманова как главного режиссера Большого театра СССР и Кремлевского Дворца съездов. На этих крупнейших сценах он осуществил монументальные постановки: «Дон Карлос» Д. Верди, «Сказание о невидимом граде Китеже...» Н. Римского-Корсакова, «Мазепа» П. Чайковского, а также советские оперы — «Октябрь» В. Мурадели и «Оптимистическая трагедия» А. Холминова. В этих постановках Иосиф Михайлович проявил себя глубоким, вдумчивым художником, тонким интерпретатором классического и советского оперного репертуара.

Я не однажды приходил на репетиции И. М. Туманова, которые он проводил, работая в Московском драматическом театре имени А. С. Пушкина. На репетициях Иосиф Михайлович всегда держит себя просто и непринужденно. Я видел, как он сосредоточенно работает, сопровождая свои советы остроумными, меткими, добродушными замечаниями... Таков он и как педагог — профессор ГИТИСа, возглавляющий кафедру по воспитанию молодых режиссеров и актеров драмы.

Эти свои наблюдения Иосифа Туманова я запечатлел, написав его портрет, который публикуется одновременно со статьей.

Наш юбиляр в расцвете творческих сил. Его талант неисчерпаем. Он не мыслит себя без активной партийной и общественной деятельности. Удивляюсь, как у него хватает времени, энергии, сил, чтобы быть и председателем правления ЦДРИ, и президентом ассоциации театральных деятелей Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, и заместителем председателя правления ВТО, и председателем совета по массовым представлениям и театрализованным праздникам!..

Сейчас И. М. Туманову поручено художественное решение Олимпиады-80 в Москве. Желаю ему и в этом успеха.

Обнимаю своего старого друга Иосифа Михайловича Туманова и шлю ему свои сердечные поздравления!

Д. НАЛБАНДЯН,
Герой Социалистического Труда,
народный художник СССР

УЛИЦА ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ

Алексей Романов. Знакомая улица. М., «Молодая гвардия». 1978. 208 стр.

Возможно, читатели маленькой повести «Люди в степи», открывающей книгу «Знакомая улица», будут удивлены, если обратят внимание на годы 1929—1970, датирующие эту повесть. Однако же у автора «Знакомой улицы» есть и более ранние новеллы и очерки, впрочем, есть и совсем недавние.

Всю жизнь Ал. Романов, написавший эту добрую, обращенную к сердцам людей книгу, считает себя журналистом. Более того, как он сам говорит, он журналист по призванию. Тем не менее, в тонкой, сдержанной и умной прозе, с которой мы встречаемся в «Знакомой улице», очень трудно найти и провести ту незримую черту, какая отделяет один жанр от другого, разграничивая литературные произведения... Публицистика и размышление в творчестве Ал. Романова неотрывны от человеческих судеб и окрашены тем лирическим нравственным чувством постижения характеров, что и превращает очерк, имеющий за собою конкретные имена, адреса и факты, в новеллу, где становится главной не документальная сторона, а глубинный жизненный смысл, извлеченный из этой конкретики писателем. И теперь этот смысл обретает уже более широкое творческое значение.

Так, например, мы почувствуем, что некая, знакомая автору улица, пролегла не просто через города и села. Мы почувствуем, читая книгу, что «улица» эта идет через всю жизнь автора, — через жизнь сменяющихся поколений... Начинаясь трудными тропами строителей первых коммун, она достигает наших нынешних просторов, и между ними нет ощутимого разрыва. Их связь, близость, родство ненавязчиво подсказаны нам автором, и мы почувствуем, что у настоящего человека — в какое бы время он ни жил на свете — не бывает судьбы гладенькой и легкой, словно накатанная дорожка, которая без труда и напряжения катилась бы сама собой. «Знакомая улица» рассказывает нам о таких людях, у которых на первый-то взгляд как будто и нет каких-то особых заслуг. Но для автора, пожалуй, как раз такими людьми и держится народное бытие как вчера, так и сегодня. Это герои подчас вовсе не заметные, скромные, но зато одаренные постоянством и верностью, драгоценным умением делать жизнь и любить ее, несмотря ни на что.

Перечитаем короткий рассказ (или, может быть, это очерк?) «Глухонемая», и он буквально поразит нас редкой человеческой красотой героини, совсем еще молодой девушки. Потеряв способность говорить и слышать, она не озлобилась и не отчаялась; она не живет на свете с ущербным сознанием калеки. Напротив, ее внутренний мир светел; она ценит жизнь за те духовные богатства, мимо которых мы, «нормальные» люди, очень часто проходим равнодушно, не замечая их...

Увлеченность автора, его неравнодушие к людям, да и ко всему бытию народа, а именно оно-то и просматривается на страницах «Знакомой улицы», — вот чем тронет эта книга читателей.

Н. ПАВЛОВА

А. Полюшенко. Род. 1911. РАННИЙ СНЕГ. 1976.

А. Полюшенко. ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ. 1973.

С 17 по 24 января 1979 года состоится Всесоюзная перепись населения. Корреспондент «Огонька» обратился к члену коллегии Центрального статистического управления СССР, начальнику управления Всесоюзной переписи населения Аркадию Александровичу ИСУПОВУ с просьбой прокомментировать это событие.

ШЕСТАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ

— Пожалуйста, несколько слов о предыстории переписи.

— Переписи населения берут начало своей истории в древние времена. Выявить число налогоплательщиков и воинов — такова была их цель. В четырнадцатом — шестнадцатом веках по мере становления централизованного русского государства развивалось и учетно-статистическое дело. Единицей налогового обложения стали земельные участки, поэтому переписи были поземельными. В семнадцатом веке в связи с развитием ремесел и торговли единицей налогового обложения было хозяйство (двор), и переписи становятся подворными. В Москве образован счетный приказ. Указом Петра I в 1718 году было положено начало подушным переписям — ревизиям. Современник первых трех таких ревизий М. В. Ломоносов предлагал использовать их сведения для статистико-географического описания России. Материалы десятой (1856 года) ревизии изучал Карл Маркс при написании труда «Об освобождении крестьян в России». В 1882 году в переписи населения Москвы деятельное участие принимал Лев Николаевич Толстой, написавший под непосредственным впечатлением от знакомства с жизнью бедноты хамовнических трущоб статью «Так что же нам делать?».

Единственная всеобщая перепись населения нашей страны, проведенная в предреволюционную пору, была в 1897 году. При работе над книгой «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин вынужден был привлечь дополнительные статистические источники, чтобы переработать материалы переписи для характеристики распределения населения по классовому составу, поскольку перепись не дала прямых данных о социальной структуре населения. Тем не менее перепись 1897 года представила несомненный научный интерес, обнажив многие стороны экономической и культурной отсталости царской России: только 1,1 процента ее жителей имели образование выше начального.

— Предстоящая в январе Всесоюзная перепись будет шестой за советские годы. Что бы вы хотели сказать о пяти предшествовавших?

— Первая советская перепись населения состоялась в августе 1920 года. Нетрудно представить себе сложнейшую обстановку, в которой она проводилась, равно и как громадное значение ее данных для решения насущнейших и неотложнейших задач строительства новой жизни. Особенность переписи 1920 года была в том, что наряду с демографическими в ней большое внимание уделялось показателям социально-экономического состава населения. По условиям того времени перепись населения объединялась с сельскохозяйственной и кратким учетом промышленных предприятий. Новые хозяева хотели знать все о своей стране. «Для социалистического строительства Советской республики,—писал В. И. Ленин, — данные переписей будут иметь первостепенное и руководящее значение».

Несмотря на огромные трудности, уже в начале сентября 1920 года в ЦСУ стали поступать собранные материалы. В том же году оказалось возможным опубликовать предварительные итоги. Неоценимо было непосредственное организаторское участие Владимира Ильича в осуществлении важнейшего государственного мероприятия. 22 апреля 1920 года В. И. Ленин подписал Декрет Совета Народных Комиссаров, содержащий основные положения программы и порядка проведения переписи. Месяц спустя, 21 мая, Совет труда и обороны принимает постановление об учете статистических сил республики, мобилизующее всех работников, имеющих какое-либо знакомство со статистикой. Тогда же по всем губерниям была разослана телеграмма Владимира Ильича, предписывавшая «оказывать всемерное содействие как во время организационных работ, так и в период производства переписей и срочной разработки полученных материалов Центральному статистическому управлению и его местным органам...».

Вторая советская перепись, которая стала одновременно первой Всесоюзной, была проведена по состоянию на 17 декабря 1926 года. Ее материалы легли в основу разработки первого пятилетнего плана.

В январе 1939 года была осуществлена третья перепись. Ее итоги продемонстрировали всему миру грандиозный процесс преобразования страны аграрной в могучую индустриальную державу, рост численности населения, значительно опережающие в сравнении с крупнейшими западными государствами темпы среднегодового прироста населения...

С пристальным интересом следил весь мир за итогами первой послевоенной переписи, проведенной в нашей стране в январе 1959 года. Велики были жертвы, понесенные советским народом, спасшим человечество от фашистов. Однако, несмотря на тяжелые раны, страна восстановила народное хозяйство и достигла значительных успехов в коммунистическом строительстве. «Лишний раз показаны были всему миру неисчерпаемые резервы социалистической экономики, возможности нашего планового хозяйства, великая мощь страны, которая может в случае необходимости перегруппировать силы, сконцентрировать их на главных направлениях»,—писал в книге «Возрождение» Леонид Ильич Брежнев.

Замечу, что данные переписи засвидетельствовали среди других огромных социальных сдвигов и такую всемирно-историческую победу: Советский Союз стал страной сплошной грамотности.

Очередная Всесоюзная перепись населения проводилась 15 января 1970 года. Основные данные были широко опубликованы. Один из итогов: ведущая сила советского общества — рабочий класс составляет ныне две трети занятого населения страны и насчитывает около 75 миллионов человек.

Хочу обратить внимание читателей на два сопоставления: по переписи населения 1897 года почти три четверти населения России было неграмотным. Ныне более трех четвертей работающих имеют высшее и среднее (полное и неполное) образование. В девятой пятилетке в основном завершен переход ко всеобщему среднему образованию.

— Что наиболее характерно в программе и организации предстоящей Всесоюзной переписи населения 1979 года?

— В ее итогах найдут отражение изменения в численности и составе населения за период, когда претворялись и претворяются в жизнь исторические решения XXIV и XXV съездов КПСС. Материалы переписи представят жизнь развитого социалистического общества.

Одна из особенностей переписи 1979 года— применение принципиально новой формы переписного листа, большинство ответов граждан будет фиксироваться счетчиками графическими метками, с тем чтобы обеспечить ввод информации в электронно-вычислительные машины непосредственно с переписного листа.

Всесоюзная перепись населения — всенародное дело. Большую, решающую помощь работникам статистики оказывают партийные и советские органы. ВЦСПС и Центральный Комитет комсомола приняли специальные решения об участии в переписи профсоюзных и комсомольских организаций.

«Дело переписей не ведомственное дело, а дело Республики, дело всех советских учреждений»,—указывал Владимир Ильич Ленин. В этом залог успеха предстоящей Всесоюзной переписи населения нашей страны.

ДОРОГА ПРИШЛА

Валентин ИВАНОВ-ЛЕОНОВ

С каждым днем становилось теплее. Все выше поднималось солнце. Ослепительно сияли белые снега. Звонко пела, суетилась на заре птичья мелочь. Воздух был насыщен светом и радостью. Мазками цветущего рододендрона покрылись сопки. Реки, вырвавшись из ледяного плена, словно ошалев от свободы, прыгали через пороги, ревели в узких каменных трубах-каньонах, с шумом рассыпались на перекатах.

По утрам, когда солдаты шли умываться к реке, метались от них на глубину хариусы и ленки. Проносились в вышине косяки гусей. На лесной полянке среди стреноженных, испуганно косящих лошадей мирно щипали молодую травку медведица с медвежонком.

Люди с беспокойством поглядывали на это кипение жизни, вздыхали и качали головами. Прогревался, таял наружный слой вечной мерзлоты, уходящей вглубь на много метров. По земле с трудом ползли, проваливаясь в болото, самосвалы.

Воины-железнодорожники прокладывали БАМ сквозь таежные дебри Амурской области и Хабаровского края, шли по местам, где на сотни километров не встретишь жилья. У них был самый трудный, маревый участок. Сейчас солдаты подразделения, которым командовал офицер Михаил Гафурович Гафуров, срочно строили автодорогу, чтобы возить по ней грунт для насыпи. Рельсы прокладывали им навстречу из поселка на запад через станцию. Этого требовала экономика: рельсы выгоднее возить по рельсам, а не на грузовиках. Воины торопились: нелегко проложить за год по марям и болотам, через скалы и сопки автодорогу. Люди Гафурова были опытными строителями. Они знали, что будет трудно, но не представляли еще себе всего, что их ожидает.

Самосвалы возили грунт на автодорогу по зимникам, пробитым бульдозерами. Трудно давалась дорога. Сорокапятиградусный мороз ломал рессоры, крошил зубья ковшей у экскаваторов. От малейшего удара трескались сами ковши. Однажды в соседнем подразделении попытались завести с ходу грейдер, потянув его трактором, и массивная рама лопнула. Это было невероятно, ни на что не похоже. Времени было в обрез, а поломанные машины не работали, требовали ремонта. Но как их ремонтировать, если страшно даже снять рукавицу? Морозы не остановили солдат. Даже моторы меняли и перебирали под открытым небом. Пятнадцать минут работали, полчаса грели руки. И все же возвращали к жизни свои машины. Чтобы не ломались рессоры, водители прогревали самосвалы, гоняя их в первый рейс с половинной нагрузкой.

Не выдерживал металл, но держались люди. Одеты они были в полушубки, теплые бушлаты и валенки. В вагончиках и бревенчатых казармах было тепло. В кабинах автомашин и тракторов стояли «печки».

Несмотря на морозы, техника тонула. Лед здесь обычно полутора-двухметровой толщины. Но иногда на марях из глубин земли бьют ключи. В таких местах лед тонок. Когда самосвал нырял по кабину, казалось, что машина засела до теплых времен. Но не может бригада работать без машины. Чтобы вытащить ее, нужно зацепить трос за крюк, а для этого надо залезать в воду. Доброволец, обычно сам шофер, нырял, привязывал трос и пробкой вылетал из воды. Смерзались волосы, затвердевала гимнастерка за те несколько секунд, пока он добирался до тепла, где менял белье и получал лечебную порцию спирта. Неиссякаем был запас бодрости и оптимизма у этих молодых рабочих в солдатской одежде. Они понимали, что тому, кто впереди, всегда трудно.

Грунт для отсыпки автодороги находился в далеких карьерах за марями. С наступлением тепла от зимников вместо накатанной колеи остались заполненные черной водой канавы. Но ездить-то за грунтом надо. Пришлось строить к карьерам специальные дороги.

Настало жаркое время. Сильно парило. Орали вороны. Падали, как часто бывает перед дождем, подгнившие деревья. И дожди пришли — теплые, проливные, принеся с собой великую беду. Целое море с шумом обрушилось на марь. В грозные потоки превратились ручьи, сносили малые деревянные мосты. Проседала подмытая дождем дорога. Воины сражались со стихией, не щадя сил, старались спасти свое детище. Офицер Владимир Михайлович Дудкин, энергичный, неутомимый, руководивший спасательными работами, забыл, что такое сон. Казалось, его «уазик» присутствовал одновременно всюду. Бульдозеристы солдаты Плаксин и Герк и младший сержант Кузнецов с утра до поздней ночи нагребали грунт для проседающей трассы. Их мощные машины двигали гигантские валы на дорогу и к экскаваторам. Рев моторов гремел над зеленой марью, тревожил птиц и зверей.

День и ночь грузил самосвалы экскаваторщик ефрейтор Александр Першин, и они везли землю на дорогу.

Дожди кончились. По чистому, промытому небу катилось беззаботное, веселое солнце, купалось в тысячах синих бочагов, плавило лед, увеличивая глубину болот. По ночам пел соловей в сопровождении хора лягушек. Хотя дожди и кончились, вред, причиненный ими, продолжал увеличиваться. Под тяжестью машин участки дороги расползались по мерзлотному льду. Их подсыпали, но они вновь разъезжались. Тогда солдаты пошли на крайнюю меру — стали сооружать лежневку: укладывали на лед стволы деревьев и насыпали на них сверху грунт. Надежно, но сколько сил это требовало!

Не могли строители заранее предусмотреть всех таежных сюрпризов. Во время сильных дождей реки в этих местах вздуваются за одни сутки на несколько метров! Они могут сокрушить не только легкую временную автодорогу, но смыть и унести отрезок железнодорожной насыпи. Природа безжалостно отнимала уже отвоеванное у нее. Автодорога была сильно разрушена. Сроки строительства сорваны. Но, видно, крепкие люди пришли в эти суровые края. Они засучили рукава и принялись делать все сначала.

В золотой наряд оделась тайга. В потемневших зеркалах озер отражались улетающие журавли. В грибной прели и опавших листьях истлевала осень. Тщетно состязались строители со временем, выбрасывали вперед на трассу десанты, проваливались сами, топили в болотах машины. Упущенного наверстать так и не смогли. К тридцатому октября, за два месяца до окончания срока работ, из намеченных плановых километров отсыпали немногим больше половины. В тревожной обстановке собрались коммунисты и комсомольцы. Нужно было трезво все оценить. Разве сделаешь за два оставшихся месяца почти столько же, сколько сделали за десять? Подсчитывали так и сяк — нет, не получится. Разве можно увеличить темпы в три раза? Но расчеты расчетами, а капитулировать перед стихией не хотелось. Виктор Иосифович Орлов, пожилой офицер, фронтовик, обратился к коммунистам: «Надо сделать. Мы ведь солдаты. Отцы на фронте прокладывали дороги под бомбами. Давайте так: разобьем оставшуюся трассу на участки и поручим каждый из них коммунисту. Трудный, например, участок можно было бы дать Найденову. Крепкий он товарищ».

А вскоре начался штурм. Обследовав сопки и марь, увидели, что будущая трасса БАМа делает здесь петлю. Офицер Гафуров предложил сократить автодорогу на семь километров, срезав петлю. Решили прежде всего выбросить вперед десант, чтобы увеличить фронт работ. Это было трудное дело, потому что от пункта, до которого уже построили дорогу, до петли семнадцать километров марей и заросших тайгой сопок. Как перебраться через них с тяжелыми бульдозерами, экскаватором, самосвалами, машинами с горючим, электростанцией, кухней, вагончиками для жилья?

Три дня штурмовали марь солдаты. Почва еще не промерзла и не держала техники. Топь засасывала, не пропускала машины. На четвертый день отчаянной борьбы с марью шедший впереди бульдозер провалился в глубокий ручей. «Утопленника» вытащили тракторами. Пришлось снова отходить. Дело принимало неприятный оборот. Похоже было, не одолеть мари, пока она не промерзнет.

И тогда офицер Дудкин, который, кажется, совсем не спал во время этого штурма, отправился на поиски проводника. Летом тот помогал им, провел их десант. Но теперь был сезон охоты. Все охотники в тайге, за двести — триста километров... И все же Дудкин привез проводника, охотника-профессионала Алексея Анисимовича Абраменко. С небольшой бородой, в аккуратном ватнике, с ружьем на плече, он казался человеком городским. Да, говорят, он и был им раньше. Охотник коммунист Абраменко повел наступающих солдат. Усталые, вымазанные, но неунывающие, высадились солдаты на петлю. С криками и шутками разжигали костры, расставляли теплые дома-вагончики. Весело запылал огонь на кухне. Вокруг нее уже бегали неизвестно откуда появившиеся собаки.

И вот первая победа: бойцы подразделений, двигавшихся навстречу друг другу, соединили два отрезка автодороги. До конечного пункта оставалось двадцать километров.

Между тем наступили сильные морозы Стреляли в тайге деревья. Даже дикие животные искали тепла возле людей. А люди ни на минуту не прекращали работы. На последнем участке были собраны все бульдозеры. Офицеры круглые сутки находились на трассе

плечом к плечу с солдатами. Твердо решили: рубеж будет взят.

Три часа ночи. Офицер Виктор Иосифович Орлов, в тулупе, в валенках, выходит из вагончика и направляется на свой участок. За сутки его бойцы должны проложить километр дороги. Это много. А днем они здорово отстали от жесткого графика. На одном из бульдозеров сейчас Виктор Ошецкий. Принят кандидатом в члены КПСС, прекрасно работает. Поэтому и поставлен сюда. Удастся ли ему ликвидировать дневное отставание? Виктор был сначала ремонтником. О нем говорили: золотые руки. Оживало все, к чему бы ни прикасались эти руки. Две испорченные электростанции вернул он к жизни. Но Ошецкому захотелось быть на передовой, на строительстве трассы. Сам, по учебнику, изучил тяжелый бульдозер и стал отличным машинистом... Сегодня надо сделать километр, перейти сопку. Орлову необходимо быть там, с ребятами. Молодые, у многих маловато опыта. Безмолвная тайга с двух сторон теснит дорогу. Мороз кусается. В лесу зашумело: какой-то зверь кинулся прочь от дороги. Опасно в такую пору ходить одному. Может и медведь-шатун нагрянуть. Голодный зверь ничего не боится. Хрустит снег под валенками. В руке у Орлова завернутый в мешок горячий чайник. Под мышкой буханка хлеба.

Вдали видны яркие снопы света, крохотными кажутся тракторы. Орлов направляется к Ошецкому. Тот за рычагами бульдозера размером чуть поменьше тепловоза. Неподалеку — костер. Бульдозер, деловито урча, пашет «клыком» твердую, как бетон, землю, вырезает в сопке дорогу, сталкивает грунт за край откоса, расширяя путь. Ошецкий обходит большой валун, сужающий дорогу. Долго с ним провозился, так и не смог выковырнуть.

Орлов поднялся в теплую кабину.

— Как, Витя, пройдем сегодня сопку?— Виктор Иосифович человек опытный, строил многие железные дороги. К нему относятся с большим уважением. Ошецкий отвечает, подумав:

— Пройдем. Только не могу вот столкнуть валуна.

— А двумя бульдозерами не пробовал? Зови соседа...

Могучие машины упираются отвалами в лобастый камень. Ночь оглашается ревом моторов, летят искры.

— Осторожно, осторожно! Смотри, нырнешь вслед за ним.

Камень сдвигается, с грохотом уходит по склону, подпрыгивает на уступах, сметая все на пути...

Работы шли к окончанию, когда на пути вдруг возник распадок, а мост недостроен. Не перебросить технику через распадок. Большая насыпь у моста требовала грунта. Он был неподалеку, но высоко на склоне сопки, где нашли карьер. Как взять оттуда землю? Тяжелый экскаватор в карьер не поднимется. Это не бульдозер и не автомашина. Но, может быть, все-таки попытаться поднять в карьер экскаватор? Экскаваторщик, опытный человек, взглянул на крутой склон и подниматься отказался. Машина эта не рассчитана на лазанье по горам!

Между тем работы у моста из-за отсутствия грунта почти прекратились. Кто-то предложил строить дорогу в карьер специально для экскаватора. А год уже кончался...

К подножию сопки, кланяясь всем кочкам, подошел другой экскаватор. Ефрейтор Александр Першин, узнав о бедствии, пригнал его издалека, за шесть километров. Был экскаватор весь в инее, а стекла в кабине заморожены. Солдат взялся подняться в карьер.

— Свалишься, машину угробишь, да и сам разобьешься,— отговаривали его специалисты.

Першин перед восхождением долго осматривал склон, чесал в затылке, вздыхал. Нет, видно, не подняться. Снова примерялся. Советов было много, однако он сам нашел выход: на каждый «башмак» поставил по четыре болта, и гусеницы экскаватора оснастились «когтями». Ефрейтор попросил, чтобы в кабину с ним никто не садился.

— Не советую ездить,— сказал экскаваторщик.— Но если что — прыгай!

Слева от машины встал командир подразделения, справа помощник Першина, солдат Грищенков. Они должны были следить за дорогой, предупреждать о неровностях. Внизу — наготове бортовая машина прикрытия и около нее врач. Першин спокойно сел за рычаги, и экскаватор пополз вверх. До самого хмурого неба поднимался склон. Люди с тревогой смотрели снизу на сорокатонную махину. Минут десять карабкался экскаватор, и уже стало казаться, что восхождение окончится благополучно. Но дальше склон пошел круче. Мотор заработал с натугой. И вдруг экскаватор начал скользить вниз, его развернуло.

— Прыгай, прыгай!

Левая гусеница отчаянно заскребла землю. Першин выправил машину. Прошло полчаса. Подъем продолжался. Крутизна склона не уменьшалась. Теперь уже и спуститься было бы трудно. При спуске машина обязательно начала бы скользить. Мотор ревел, задыхался. До площадки карьера еще далеко.

Экскаватор толчком качнуло назад, потом— вперед. Задняя часть гусениц оторвалась от земли. Першин держался! С большим трудом выровнял машину. Метр, еще метр...

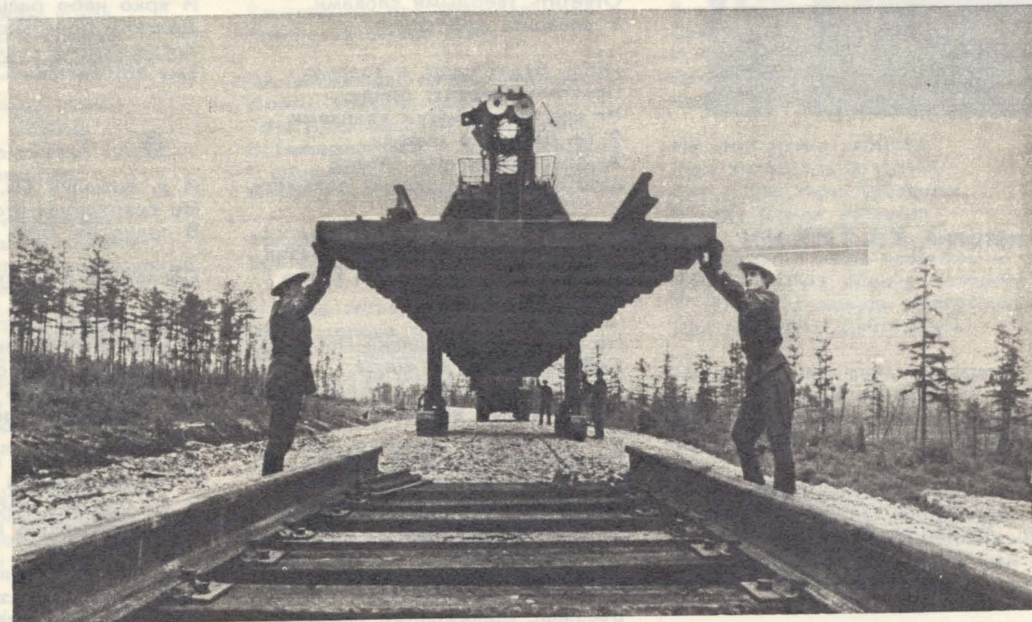
Машина Першина добралась до карьера... Через несколько дней дорога пришла в конечный пункт. Без опоздания.

Здесь пройдет БАМ.

Фото В. Кузнецова

Восточные километры трассы.

БЕЗ ОПОЗДАНИЙ

ПО КРУГУ СО

Анатолий КАЛИНИН

●

...Опять ни звука, ни движения
В саду Саида. Он стоит,
Как в синем озере, и спит,
И нам с тобою возвращение
Опять в былое предстоит.

Нет, то не желуди падучие
По крыше цокотом вразброс,
То я под буркою летучею
Тебя опять с собой унес.

И снова, в гулком унисоне
Звуча с бессонницей моей,
Идут в прорыв казачьи кони,
Воскреснув в эхе желудей.

Клочками пламени папахи
Витают, дóнцами красны,
И твой витает, бурка, запах,
Ему сегодня нет цены.

На сером «виллисе» в тумане —
То появился, то исчез —
Снует все время Селиванов
Своим дивизиям в объезд.

Уже от них из Волновахи
Бегут враги в животном страхе,
Уже донским пришла пора
Коням напиться из Днепра.

Опять и шашкою рука
Могла взмахнуть у казака
В нечастой рубке на войне,
Уздой привязанной к броне.

И снова — цокотом по жести, —
Как беркут алчущий, в седле
Витает он по праву мести
Врагам, застигнутым на месте
В Корсунь-Шевченковском котле.

И вот звезда уже вторая
На плечи, золотом сияя,
Здесь к Селиванову сойдет,
Но перед тем судьба крутая
Возьмет его и в оборот.

Хотел бы знать я генерала,
Чтоб на полученный приказ
В ответ ни много и ни мало,
А дал решительный отказ.

И чтоб сумел на вышний гнев:
«Тебе б командовать волами!» —
Ответить твердыми словами,
У аппарата побледнев:

«Коль будет надо, и волами,
Прикажет партия, пойду,
Но все же конницу с клинками
Я на бетон не поведу.
А долговременный обвод
Мой корпус спешенный возьмет».

И ночью, спешив эскадроны,
Пробил, вошел в прорыв и взял,
И после сам же маршал Конев
Его за это целовал.

Но все ж на празднике Победы,
Себя отдав ей до конца,
В кругу казачьем за обедом
Не он был в качестве отца.

Не он дождался, чтоб лампас
На Альпах вспыхнул и погас,
До наших дней из тьмы веков
Путь озаряя казаков.

Не он из славного похода
В седле комкора в свой Ростов
Въезжал, обласканный народом,
А бывший зам его, Горшков.

Его заслуги несомненны,
Но и ему-то лучше знать,
Кому отныне неизменно
В казачьей памяти нетленной
По праву первому стоять.

По праву славы той казачьей,
Что, взяв разбег издалека,
Венцом сибирским увенчала
Москву рукою Ермака.

По праву той, что, поднимаясь
С народом в зове бунтарей,
Мужала в вольницах, шатая
Престолы древние царей.

По праву той, краснознаменной,
Что в блеске яростном клинков
Звала тропою Первой Конной
За бывшим вахмистром Буденным
С собой в походы казаков.

Нет, он погиб не при бомбежке,
Его не пуля догнала,
Уже за Бугом был он сброшен
Бациллой Коха из седла.

...Но и терзаемый удушьем,
На окровавленной подушке
Лежал, за корпусом следя,
Он, взора с карты не сводя...

Ему заслуг не прибавляя,
Я не скажу, что он решил
Судьбу войны, но, завершая
Свой путь от дедовских могил,
Он Дона честь не посрамил.

Пусть не на фронте знаменитом,
Пусть не у Жукова служил
И не к Берлину след копытный,
А к Будапешту проложил.

Но снова огненный околыш
Внушал, как в дни Бородино,
Врагу уроки старой школы
С наукой новой заодно.

И ярко небо расцветало
Донским тюльпаном над Кремлем,
Когда страна салютовала
Ему торжественным огнем.

●

И я, пожалуй бы, в повторный
Не снарядился этот путь
В седле, не будь той,
в санатории, —
Последней встречи с ним не будь.

С ее волной воспоминаний
О вместе пройденных годах
И с комом горького рыдания
От беспощадного сознания,
Что он уходит навсегда, —

Но и с глазами, воссиявшими
С подушки белой в полутьме,
И со словами, взбунтовавшими
Давно остывшее во мне:

Что мне не стоило б, услугу
Себе плохую оказав,
Свой ранний, начатый на юге
Роман забыть, не продолжав.

Как он увидел, на досуге
Теперь его перечитав:

«Конечно, есть там подражание,
Но лишь вначале, а в конце
Все тверже поступь возмужания
И незаемного страдания
Печать все глубже на лице.

И есть то самое движение
И тот у автора масштаб,
Что позволяет в поле зрения
Держать в едином впечатлении
Бойцов, пространство, время,
штаб...

А то, что там и крест Георгия
Есть наряду с советским орденом,
Так это ведь не кто-нибудь
Их совмещал тогда, а Родина:

Когда за сыном в эскадрон
Вступил и Куркин Парамон
И Недорубовы вдвоем
В бою прославились одном».

...Но не решил я той задачи
Вплоть до сегодняшнего дня,
Как в этом пламени казачьем
Уберeглась ты для меня, —

Когда погоны так сверкали,
Когда так бурки раскрывали
Свои просторы для тебя
И все тебя атаковали,
Бренча, гарцуя и слепя,
Когда, куда ни глянет глаз,
На чекменях — иконостас.

А тут — ни звания высокого
И ни медали даже пусть,
Одни стихи... Ты помнишь, Блоком
Тогда я бредил наизусть:

«И каждый вечер
в час назначенный...»

Но нами было все иначе.
И не шелками стан твой
схваченный
Являлся мне, и не в окне,
А в гимнастерке и в ремне
В глухой степи на буруне.

И кто сказал тебе, что — нами
Дотла ночами сожжена —
Любовь военная, с годами
Уже остыть обречена.

И кто сказал тебе, что с осенью
Уже смириться мы должны,
Когда из сада вновь доносит
К нам обещания весны.

А то, что ты уже не прежняя,
Чего не спрятать никуда, —
Так я люблю тебя не меньше,
А даже больше, чем тогда.

В коварной дымке увядания
Вдвойне, сквозь слезы на глазах,
Она желанней мне, печальная
Твоя прощальная краса.

И ты не спорь со мной впустую
О том, что знаю лучше я,
Молчи, молчи, я протестую,
Любовь военная моя.

●

...Наутро я от сновидений
Звонком был ранним пробужден.
«А как там, если в день рождения
Друзья придут
без приглашения?» —
Спросил Ерёмин в телефон.

Еще и тем тот день рождения
Всегда на памяти при мне, —
В его багровом освещении
Леса горели по стране.

Над всей зеленой — от Камчатки
И до хребтов Кавказских гор —
Огонь, не знающий пощады,
Занес сверкающий топор.

И над красою беспримерной
Тайги и там, где распростер
Свою отраду русский бор,
Занес. Такого браконьера
Страна не знала до сих пор.

Свечами тонкими березы
Вставали трепетно из мглы,
И с сосен аспидные слезы
Текли расплавленной смолы.

Из поэмы

ВЕСТИ И ДОЛГА

Костру ль беспечного туриста,
Стрелку ли, сеющему искры,
Курцу ли глупому народ
Обязан был в тот знойный год,

Что к нам великая беда
Опять пришла, как лютый ворог,
Гоня из чащ под крыльев шорох
Зверей испуганных стада.

И тем еще, должно быть, взор
Запомнил вечер тот — в пожаре,
Нас обступающем кругом,—
В саду Саида за столом,
Что был всему наперекор
Один из нас тогда в ударе...

Вот так и следуй впечатлению,
Что нам диктует иногда
Одно мгновение, чтоб мнение,
Не подлежащее сомнению,
Составить раз и навсегда:
«Умом особым не отмечен
И даже больше: тугодум...»

А Панин взялся в этот вечер
Быть за столом за тамаду,
И тут же он без промедления
С вином в фужере первый тост
Во славу гостя, с днем рождения
Его поздравив, произнес.

«За тот,— сказал он,—
день творения,
Когда на свет мы рождены,
Но и за тот, что с пробуждения
В нас начинается вины».

Еремин тут же встрепенулся:
«Постой, постой-ка, ты о чем?!»
Но Панин слабо улыбнулся:
«Я доскажу тебе потом...»

Вот так и вверься интуиции,
Что, как в анкете,— не со зла,
Но тем не менее с амбицией
Все, все по графам разнесла:

«И вял, и сух, и сер...» — короче,
По всем статьям не идеал.
Увы...
А Панин, между прочим,
Всех больше пел и танцевал,

За тем лишь только прерываясь,
Чтоб под гитары перебор
Кивнуть Еремину, включаясь
В какой-то странный разговор:

«Саперы», «Вертолет», «Заслоны».
«И, если нужно, подрывать!»
«А как с кормами?» «Ни полтонны.
Пока меня нет, не сдавать».

Но мне, должно быть,
по привычке
Свои включая провода,
Узнать из этой переклички
Совсем не стоило труда

И то, что рядом на поляне
Уже стоит, заправлен в рейс,
Тот вертолет, в котором Панин
Летит с утра в горящий лес,

И то, что с дальнего кордона
Вернется вряд ли он, пока
В отъезде будет и Еремин,
По хлебу вызванный в ЦК.

Тверди заученно: «Зеленый...»
А он, анкете поперек,
С улыбкой быстрою к Еремину
Вдруг повернулся и изрек:

«Пожар, конечно, мы потушим,
Но есть страшней еще пожар,
Тот, что зовется равнодушием,
Товарищ первый секретарь».

И вновь Еремин удивился:
«Постой, постой-ка, ты о чем?»
Но Панин снова уклонился:
«Я доскажу тебе потом».

●

Уже протяжный гул пожара
До нас из леса доставал
С густым дыханием угара,
А Панин пел, он у гитары
Тогда чуть струны не порвал.

Уже до нас из чащи леса
И жар волнами набегал,
А Панин, только кончив песню,
Опять другую начинал.

И как-то сразу неприютно
Мне становилось за столом,
Когда и твой, вдруг неотступный,
Я взор улавливал на нем,

Когда черкесом он взвивался
Лихим, танцуя на носках,
Или по-русски рассыпался
Перед тобой на каблуках,
Пока с улыбкою в ответ
К нему не вышла ты на свет.

И тут опять, еще былую,
В ремне военном, молодую,
С осанкой гордой, я тебя
Узнал, ревнуя и любя.

Недаром же ты недотрогой
Наречена мужской молвой —
За то, что ты со всеми строгой
Всегда была... Но не со мной.

И как-то глухо вдруг тоскуя,
Опять узнав в тебе тебя,
Смотрел теперь, вдвойне ревнуя
К нему тебя... и Мерхабя.

Не то чтоб муками терзаясь,
Но и не радуясь тому,
Что и она, не отрываясь,
В тени под дубом укрываясь,
Тянулась с жадностью к нему,

Когда с гитарой над обрывом
Артист и только, хоть куда,
Он пел, как Штоколов,
с надрывом:
«Гори, гори, моя звезда...»

И долго вздрагивая, струны
Торжествовали над Сурой,
Тогда как в небе над Ахунами
Менялись краски чередой,

То черной лавою сверкая,
То жидким золотом струясь
И будто стеблями виясь,
То затухая, то пылая,
Переливаясь и дымясь,

Играя в небе и вставая
Стеною зыбкою кругом
И сад все больше обступая,
Где мы сидели за столом...

Уже могло воображение
Удвоить образ той игры
В его веселом отражении
На остром лезвии Суры.

●

Завороженный той игрою,
Смотри, молчи и вспоминай
Все то же небо фронтовое,
Все тот же твой передний край.

Вот так и вздрогнул в тот момент
Во мне былой корреспондент.
Взыграл тот бес, что гнал меня
Всегда на линию огня,

На танков лязг, на конский топот—
Дойти, доехать, долететь;
То в рейд казачий, то в окопы,
В Новороссийск и в Севастополь
С одной-единственной заботой:
Из боя к проводу успеть.

Тот бес, что требовал суметь
Все только лично посмотреть,

И даже тот кровавый ров,
Что и теперь перед глазами,
Крича о мщении, багров,
Стоит, тогда разрытый нами,
Когда вступили мы в Ростов...

Тот бес, которым не на час,—
На всю войну был дан приказ:

С тридцатьчетверками врываясь
В ночные улочки Фокшан [1],
Через Дунай переплавляясь,
Спеша на штурм Калемегдан [2],

Не прозевать, не опоздать
В Москву об этом передать.

И вряд ли тот я грех тягчайший
Себе б сумел потом простить,
Когда б теперь наиредчайший
Позволил случай упустить:

Не только небом отраженный
Пожар зловещий лицезреть,
А с неба, весь неискаженный,
Его масштаб запечатлеть,

Позволить, чтобы в рейс
над лесом
Тот вертолет ушел чуть свет,
В котором есть, конечно, место...
Но мне пришлось услышать:
«Нет».

●

Уходит все без исключения,
Ушел и этот день рождения,
Отжив свое, как мотылек,
Но я на кромке сновидения
Никак расстаться с ним не мог.

Мелькал в рубахе красной Панин,
Зажав в руке столовый нож,
И чем-то был Еремин странно
На Селиванова похож.

И я плясал, влюбить чтоб женщин
В себя: тебя и Мерхабя,—
И ревновал ее не меньше,
А даже больше, чем тебя,

Вполне уверенный при этом,
Что я и есть ее Саид,
Который здесь же, за беседой,
Мне улыбался без обид.

Внизу при отблесках пожара
Суры татарский меч пылал,
И сад по грудь в дыму угарном,
Как в черном озере, стоял.

В игривом красок сочетании
Свергалось пламя с высоты,
И было в трепетном смыкании
Земли и неба обаяние
Какой-то жуткой красоты.

На этой грани засыпая,
Еще запомнить я сумел,
Как, запах гари побеждая,
В саду Саида возымел

Былую силу запах прежний —
Росой умытых яблонь нежный.
И тут вдруг желудь прогремел
Над головой... Дуб уцелел.

Не мог я знать еще, что вскоре
Тот наяву гром упадет,
Который сразу нитью черной,
Все озарив, переплетет

Тот ближний гром, который снова
С далеким эхом совпадет
И, разбудив меня, встряхнет
Рукой Саида: «За Ломовым
Упал горящий вертолет».

●

Я от водителя Еремина
Уже позднее смог узнать,
Как этот гром успел догнать
В дороге их,— и, потрясенный,
Еремин бросил «Волгу» вспять.

Взревев, на скорости огромной
Она помчалась через лес
Под гул пожара похоронный
И сосен падающих треск.

Во мгле клубящейся, которая
Навстречу искрами сечет.
«Гони, водитель!» — И суровая
Рука впивается в плечо.

Вверху по-беличьи порхают,
Внизу по-лисьи подметают
Листву веселые огни
И на дорогу выбегают,
А ты давай себе гони,

На повороте из сосенок
Навстречу вырвался лосенок,
Машина скачет через пни,
И снова властное: «Гони!»

Уже машина задыхалась,
Дрожа, стеная и бурля.

---

[1] Город в Румынии.
[2] Древняя крепость в Белграде.

«Гони, гони!!» — И снова мчалась
В дыму навстречу им земля.

Как будто в гонке сумасшедшей
За солнцем можно на лету
Догнать и день, уже ушедший
За невозвратную черту.

Как будто шар земной, по кругу
Вдруг повернув наоборот,
Тебя в пространстве подождет,
Чтоб ты успел не дать и другу
Уйти в последний свой полет.

Как будто могут
с ветром встречным
Вернуться вновь из никуда
Под старый дуб и этот вечер,
И этот голос, как тогда:
«Гори, гори, моя звезда...»

Летит машина, как незрячая,
Во мраке ночи среди дня,
И лес летит навстречу мачтовый
Под красным парусом огня.

«Гони, гони!!» — И вдруг ладонью
Глаза прикрыл со стоном: «Нет!»
Наперерез по небосклону
Скользил пожаром обагренной,
Крылатой тучи силуэт.

●

Не смог наутро я испуга
При встрече спрятать своего,
Когда страданием обугленное
Лицо увидел я его,—

Лицо измученное, с черными
Слезами твердыми на нем,
Уже застывшими, как зерна
Смолы, расплавленной огнем.

И что я мог ответить другу,
В глазах незрячих видя муку,
Когда он глухо вопрошал:
«О чем он мне не досказал?»

Когда он тряс меня упрямо
Рукою жесткой за плечо
И выворачивал глазами
Мне душу, требуя: «О чем?!»

Под теми ж самыми ветвями,
Где прошлой ночью стол стоял
И Панин лихо перед нами
Вокруг него джигитовал.

...Потом, с пристрастием законным
Вдаваясь в этот эпизод,
Его изучат всесторонне,
Чтоб делу дать надежный ход.

Притом от точки и до точки
Все-все в орбиту попадет:
Погода. Курс. С горючим бочка.
И то, что выпрыгнули летчики,
Когда взорвался вертолет.

Все-все изучат, факт по факту,
И подошьют по листу лист...
Но не пройдут нигде по акту
Ни тот ликующий турист,

Ни тот разящий как из пушки
Натренированный стрелок,
Что на рябиновой опушке
Былинку первую зажег.

И разве ж кто из них захочет,
Хотя б с собой наедине,
Признаться, что по их вине
Еще молоденькой жене
Меж двух головок русых дочек
Пришлось, подкошенной как сноп,
Вдовой упасть на черный гроб...

Но уж ни с чьей иной сравнима
Вовек та скорбь не может быть,
На долю чью досталось сына
В жестоком мире пережить.

урок нравственности дает экономика

ВОТ ПРИ ЧЕМ ТУТ АРИФМЕТИКА

Мальчишка кинул в трамвайную кассу вместо монеты какую-то железку. Кто-то из взрослых заметил и возмутился. Однако у мальчишки вмиг нашлись защитники. «Подумаешь! — раздались сердитые голоса.— Преступника нашел!.. Пусть бы и без билета проехал мальчик... Разорится из-за трех копеек государство, что ли?!»

Вот так нередко в простой житейской ситуации выходит наружу философия обывателя, всегда готового проявить за счет государства доброту и щедрость. А ведь завтра на трамвайной остановке тот же обыватель не поскупится на гневные реплики в адрес трамвайного депо: почему с такими большими интервалами ходят вагоны?

Какая тут связь? Прямая. Трамвайщики у нас на хозрасчете, «недоброшенные» в кассу монеты отражаются на их работе. Вот и связь: «смышленый» мальчик обворовывает в трамвае своих заступников при их же попустительстве.

...Да, жизнь устроена таким образом, что экономические уроки даются всем, всюду, буквально на каждом шагу, потому что экономика проникает во все клетки нашего бытия, властно вмешивается во все процессы, видимо или невидимо диктует, объясняет и спрашивает, никому не прощая невежественного, неграмотного, тем более наплевательского к себе отношения. И наша партия в связи с задачей повышения эффективности и качества работы уделяет все больше и больше внимания экономическому образованию и воспитанию трудящихся.

В Челябинской области накоплен интересный опыт экономического воспитания, ставшего составной частью комплексного коммунистического воспитания членов социалистического общества. Областная партийная организация занимается этим планомерно и глубоко. Не случайно именно Челябинск избрали весной минувшего года местом проведения всесоюзной научно-практической конференции на тему «Экономическое образование молодежи в условиях развитого социализма».

Внимание делегатов привлек ряд острых проблем. Одна из них: отставание по сравнению с экономическим обучением экономического воспитания людей, особенно молодежи.

Нельзя штурмом приобрести такие качества, как бережливость, деловитость, предприимчивость, расчетливость, организованность. Нельзя всерьез полагать, что развешенные на каждом шагу призывы экономить, скажем, электроэнергию мгновенно сделают всех производственников борцами против лишнего расхода киловатт-часов. Или сказанные в начале учебного года учителем слова о том, что надо беречь учебники, тут же станут для всех ребят законом. Нет! Результат придет лишь тогда, когда к формирующим человека требованиям — знать, уметь, хотеть, успевать — присоединится еще одно: привыкнуть. Но оно не присоединится стихийно. Требуется долгое и терпеливое воспитание.

Ребенок растет, а в родительском университете, как часто оказывается, нет элементарной экономической программы. Услышав настойчивую просьбу дочери или сына «Купи!» (игрушку, безделушку, наряд), папа и мама не считают нужным тут же преподать урок экономики. И диалог порой протекает так: «Мама, почему не купишь?» «У меня нет денег...» «Папа же деньги приносит!» «Мало ли что...» Велика ли ребенку польза от подобного аргумента?! А ведь диалог можно построить и по-другому, так, чтобы ребенок не оставался в неведении относительно папиного заработка, маминого строгого планирования семейного бюджета. Все это, разумеется, следует разъяснять в доступной детскому пониманию форме, на живых, понятных примерах.

Как-то группу школьников попросили расшифровать такие понятия, как расчетливость, предприимчивость, бережливость. И выяснилось, что примерно 20 процентов ребят отождествили расчетливость с жадностью. Не все, оказалось, знали, что предприимчивый человек тот, кто не довольствуется своим опытом и опытом других, а постоянно ищет возможность что-то усовершенствовать, анализирует, что бережливый вовсе не обязательно скряга и скопидом. Бережливый по-хозяйски относится к средствам труда и его результатам, заботится, чтобы все нужное людям и ему самому всегда было в хорошем состоянии, применялось по назначению, не выходило преждевременно из строя.

Стоило социологам прикоснуться к этой стороне жизни, и выяснилось, что родители да и учителя в школах, помогая детям пополнить свой словарный запас, далеко не всегда пекутся о том, чтобы в нем нашли место экономические понятия и чтобы смысл их был хорошо усвоен. Скажем для сравнения, что в учебных программах 1—3-х классов школ ГДР уже обозначены такие требования: сообщать элементарные технологические и экономические знания, знакомить с экономикой родного края, разъяснять простые экономические истины.

Доцент Челябинского педагогического института Борис Павлович Чернышев опросил 1200 работающих семейных людей. Его интересовало, ведут ли они с детьми беседы о том, что такое заработать деньги, сколько надо вложить труда, чтобы он обернулся суммой, достаточной для покупки продуктов питания, книг, игрушек и т. д. Оказалось, что лишь 34 процента опрошенных сознательно, систематически касаются в беседах с детьми этой темы, 23 процента затрагивают ее иногда, мимоходом, случайно, а около 20 процентов ответили, что никогда не задумываются над этим. Остальные просто не нашли что сказать.

Любопытна другая часть исследования. В 37 процентах семей, взятых для изучения, выявилась более или менее стройная система учета доходов и расходов; еще в 37 системы не обнаружилось, но что-то в этом плане здесь предпринимали, а в 26 процентах семей все оказалось в плену стихии. Еще одна грань исследования. 23 процента родителей постоянно привлекают детей к планированию расходов денег — вместе советуются, куда и сколько потратить, когда и что целесообразно купить; 28 процентов — очень редко, а 32 — никогда. В 11 процентах семей дети приучены помогать делать нужные покупки для дома, в 62 — делают это часто, но лишь по поручению родителей, а в 27 процентах опрошенных семей предпочитают обходиться без них.

Карманные расходы детей тоже так или иначе сказываются на экономическом воспитании. Целесообразно используют этот момент, оказывается, всего 37 процентов родителей, причем 42 процента из них придерживаются тут каких-то правил, остальные раскошеливаются либо в ответ на просьбы сыновей, дочерей, либо по настроению, 61 процент пап или мам контролируют, на что тратятся карманные деньги, остальные предпочитают не вмешиваться или просто не интересуются «детской бухгалтерией».

Все больше возможностей наладить экономическое воспитание учащихся на научной основе получает общеобразовательная школа. Однако и тут четкой системы пока нет. Ребят приводят на экскурсию на заводы, стройки, объясняют, что за продукцию делают в цехах, для чего строят корпус или комплекс, показывают оборудование, напоминают о техническом прогрессе, но редко-редко скажут, что сварщик зарабатывает столько-то, а слесарь-сборщик столько-то; что полагается премия в такой-то примерно сумме; что битый кирпич бьет больно и по карману государства и по карма-

ну каждого живущего в государстве. Взрослые почему-то считают, что ребят надо сперва познакомить с техникой, потом технологией, а уж затем дать кое-какие сведения экономического характера.

В 91-й школе Челябинска принцип иной. Объясняют сразу, и что нужно сделать и что может отразиться на качестве труда, стоимости изделия. И не забывают тут же сообщить, сколько стоит оборудование мастерской, в чем конечный смысл экономии материалов, что значит с экономической точки зрения рационализация труда. И у ребят, естественно, не остается сомнения в том, что все это важно, касается всех их.

В Челябинске экспериментально доказано, что старшеклассников целесообразно включать в рейды «Комсомольских прожекторов» на предприятиях и стройках, в бригады по проверке хранения сырья, материалов, готовой продукции.

Известно, какое значение придает школа профориентации. Но при этом порой экономическая сторона дела остается в тени. Както у школьников, изъявивших желание пойти на производство, спросили: что они знают о своих будущих специальностях? Оказалось, меньше десяти процентов знает кое-что о системе оплаты труда на предприятиях, о принципах материального поощрения рабочих, о будущих своих доходах. И столько же—о расходах. И вот...

Социологи выяснили, к примеру, что 15—20 процентов молодых рабочих — выпускников профтехучилищ на первых порах самостоятельной жизни постоянно влезают в долги. Не потому, что мало зарабатывают. А потому, что не научились (и никто их не научил) тратить деньги, соизмерять возможности и запросы, приводить к общему знаменателю желания и умение ими управлять.

Бытует мнение, что никакой науки тут не надо, что сама жизнь, мол, со временем научит всему. Нет! Полагаться на стихию — значит заранее соглашаться на издержки.

Мы растим не только будущих отцов и матерей, которым рано или поздно придется заботиться о благополучии своих семей. Мы растим будущих хозяев страны. А легко ли стать им человеку, не научившемуся с детства взвешивать, считать, оценивать полезность тех или иных затрат, целесообразность новшеств, разумность поисков?! Известно, что научить человека выполнять какую-то работу еще не значит сделать его хорошим работником. Не случайно же в народе бытует выражение «наломать дров» — так говорят о бестолковом, зряшном и неумном применении усилий. Обществу, строящему коммунизм, нужны работники грамотные во всех отношениях, в том числе и экономически. И забота об этой важнейшей потребности общества должна проявляться везде, где формируется человек, и всеми, кто на его формирование хоть в малой степени влияет.

Л. ЭПШТЕЙН,
профессор,
доктор экономических наук,
заведующий кафедрой
политэкономии Челябинского
педагогического института,
А. ЩЕРБАКОВ,
специальный
корреспондент «Огонька»

ГЛУБОКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Эта книга написана ученым, который в послевоенные годы своими работами о Леониде Леонове заложил основы систематического изучения творчества писателя. На протяжении вот уже четверти века В. А. Ковалев возглавляет эту работу, создав научную школу, воспитав многих учеников и последователей.

«Этюды о Леониде Леонове» В. А. Ковалева раскрывают перед читателем как историко-литературные, теоретические достижения науки о творчестве Л. Леонова, так и ее трудные, но увлекательные перспективы.

Автор назвал свою работу этюдами. Но в этой жанровой непритязательности высказывается не предварительный характер предложенных в книге литературоведческих решений, а лишь те свойства «этюдного» искусства, которые сообщают элегантность и стремительность движению литературоведческой мысли, очерчивают основные «пропорции» поднятых автором проблем. В «Этюдах» В. А. Ковалева освещены именно центральные, наиболее важные вопросы леоновского творчества, причем под углом зрения особенностей развития социалистического реализма в русской литературе в целом.

Наряду со статьями сугубо теоретического, историко-литературного характера, которые составляют корпус книги, в нее включен и раздел «Заметки». Здесь на уникальном, как правило, материале (разысканный автором литературный журнал ученического кружка 3-й московской гимназии, где в 1918 году были помещены первые литературные опыты Леонова; анализ черновых рукописей писателя; публикуемые отрывки из писем Леонова к автору книги; малоизвестные биографические материалы и др.) освещаются проблемы соотношения первых опытов художника и его зрелого творчества, роль подтекста в леоновской художественной ткани, диапазон многогранной общественной деятельности писателя и другие вопросы. В монографии широко используются материалы личных встреч автора с Леоновым. В. А. Ковалев впервые столь обстоятельно представляет и ряд зарубежных интервью писателя.

Основные усилия исследователя сосредоточены на том, чтобы раскрыть особенности леоновского метода художественного познания мира, приведшего к созданию таких шедевров романистики XX века, как «Барсуки», «Вор», «Соть», «Русский лес»...

По утверждению автора, одна из важнейших черт леоновского творчества состоит в том, что Леонов последовательно соединяет логику и метод современной науки с логикой и методом литературы. Доказывая это, В. А. Ковалев проводит сопоставление материалов психологической науки 20-х годов и результатов художественного исследования Леоновым психологии анархической личности в «Воре»; подчеркивает не только художественное, но и сугубо научное значение экономических проблем, поднятых в «Соти».

Но поистине блестяще В. А. Ковалев развертывает свою аргументацию в связи с романом «Русский лес». Проследив основные этапы развития отечественной науки о лесопользовании и тот резонанс, который вызвал «Русский лес» в науке о лесе, ученый показывает, что художественные идеи романа на равных с наукой правах вторглись в действительность, и, более того, они самым активным образом участвовали в ее созидании: писатель сумел повлиять на ход решения многих не только художественных, но и социально-экономических, в частности лесоводческих, вопросов общегосударственного масштаба.

Оригинальность исследовательского почерка автора раскрывается не только в жанровом разнообразии статей, в многообразии выдвинутых в книге проблем, но и в умении раскрыть перед читателем разные грани леоновского поэтического мира. Так, например, статья, посвященная «Вору», сосредоточена на выявлении сложного идеологического содержания леоновского романа, в котором человеческая жестокость, бессердечие осмыслены художником как катастрофа. А проведенный В. А. Ковалевым анализ повести «Evgenia Ivanovna» привлекает точным прочтением художественного текста. Автор сумел выявить, кажется, самые потаенные движения сердца

потерявшей родину леоновской героини, горькие радости и неутешные печали которой рисуются у Леонова не в снисходительно-покровительственных тонах, а предстают как достояние всечеловеческой жизни. Статья В. А. Ковалева о повести «Evgenia Ivanovna», пожалуй, как вряд ли какая другая работа в леоноведении, раскрывает нам бездонные глубины и неохватную красоту человеческих переживаний леоновских героев.

Появившаяся в преддверии 80-летнего юбилея Л. М. Леонова глубокая и яркая книга В. А. Ковалева дарит радость нового знакомства с творчеством художника и приобщает читателя к сложному и увлекательному литературоведческому поиску.

Н. ГРОЗНОВА

Ленинград.

В. А. Ковалев. Этюды о Леониде Леонове. М., «Современник», 1978, 327 стр.

Ю. ПШОНКИН
Фото Л. ГУРСКОГО

(Хабаровск. На фотоконкурс.)

ОЛЕНИЙ КРАЙ, СТРАНА ВУЛКАНОВ

Есть на земле страна Корякия. Сказать, что страна эта красивая,— почти ничего не сказать. Ее надо увидеть, чтобы обрести радость открытия. Олений край, страна вулканов! Земля тысяч разноцветных озер и студено-жгучих рек, перекресток тихоокеанских ветров — вот такая она, советская Корякия, занявшая добрую половину Камчатки. Если записать на пластинку ее звуки, то потом прозвучат грохот океанского прибоя, бьющего в гранитные бока берегов, крики чаек и оглушительный гомон птичьих базаров, песня оленевода и глухие удары бубна на праздниках, рев медведя и могучий всплеск царь-рыбы чавычи, лай сторожевых собак и великая белая тишина продрогшей тундры.

У каждой страны есть главное богатство. У Корякии это стовосьмидесятитысячное стадо оленей. Олень для коряка, эвена, чукчи — больше чем мясо, шкура или средство передвижения. Олень для северянина, если хотите, олицетворение самой матери Природы — щедрой, мудрой, но и легкоранимой. Олень сегодня такой же, как и столетия назад, но как неузнаваемо преобразилась жизнь вокруг в Корякии с того времени, когда над стойбищами, поселками заалели красные флаги новой жизни. Эти перемены молодым не очень заметны, они росли уже в преображенном крае, зато старикам есть что вспомнить, что сравнить.

Как и века назад, бродят по Корякии оленьи стада, а главными инструментами управления ими остались все те же гортанный крик, чаут-аркан и ноги пастуха. Да еще неизменная, проверенная-перепроверенная легкая, уютная палатка-чум (из оленьих шкур, конечно). Впрочем, сегодня палатка постепенно сдает свои позиции — на маршрутах, во всех хозяйствах все больше уютных домиков с библиотечками, кроватями, печками и зачастую с небольшим электродвижком. А к чауту прибавились бинокль, портативная радиостанция, по которой можно вызвать вездеход, вертолет, вызвать врача или ветврача, попросить доставить продукты, кинофильмы, газеты, журналы.

Да, олень все тот же, и тундра и сопки такие же, но сам пастух далеко не тот. И не только внешние атрибуты его житья-бытья в тундре изменились. Многие оленеводы имеют не только среднее образование, но еще и специальное, полученное в сельском профессионально-техническом училище, в техникуме. Время такое настало: оленеводство переходит на научную основу. Уже не первый год в оленеводство внедрены правильные пастбищеобороты. Это дает возможность рационально использовать кормовую базу — основу развития оленеводческого хозяйства. Здесь разработаны и внедряются различные виды минеральной подкормки оленей, способы защиты животных против оводов, методы лечения их.

Палана — административный центр округа. Пока еще поселок. Пока... Но не первый год око местной «Орбиты» из поднебесья ловит волны и почти в каждом доме окна по вечерам светятся бледно-фиолетовым отсветом, излучаемым экранами телевизоров. Почти в каждом селе или поселке округа есть музыкальные школы. В Палане дети оленеводов, охотников, рабочих учатся в школе искусств. А шефом их, и шефом очень заботливым, является композитор Д. Б. Кабалевский.

Ну, а о том, что в местном Доме культуры находится «штаб» известного корякского ансамбля «Мэнго», вам скажет любой житель Камчатки. «Мэнго» — гордость Корякии, его знают не только в нашей стране. Улан-Батор, Париж, Берлин, Нью-Йорк, София горячо аплодировали самобытному ансамблю.

Палана — свидетельство отеческой заботы Коммунистической партии, Советского государства о малых народностях Севера, Дальнего Востока. Сегодня самые высокие многоквартирные дома, построенные местными СМУ,— трехэтажные. Но уже закладывается фундамент четырехэтажного. А ведь построить здесь многоквартирный дом со всеми удобствами непросто. Все приходится везти из далекого далека, иногда через всю страну. И потом перегрузить материалы, оборудование с палубы теплохода на баржу, чтобы затем на автомашине, на тракторе доставить с берега до поселка,— это тоже требует большого труда и больших средств. Ну, а то, что строить приходится и под проливными холодными дождями и в лютые морозы,— это привычные будни.

Есть в Корякии населенный пункт, который стоит как бы особняком. Это село Тигиль, что на берегу одноименной своенравной реки. Оно только на семь лет моложе Петропавловска-Камчатского. Долгое время Тигиль был центром торговой и общественной жизни на огромном пространстве северной части полуострова. И первое педагогическое училище, где готовились первые учителя начальных классов из детей пастухов, охотников, оленеводов, находилось в свое время в Тигиле. Сегодня это и райцентр и усадьба крупнейшего оленесовхоза «Тигильский». Всей Камчатке известен здешний большой знаток оленного дела, кавалер нескольких орденов Иван Ичевич Етекьев, который знаменит еще и тем, что растит для тундры работящих, знающих молодых пастухов из вчерашних школьников, демобилизованных воинов. А в общем, село как село: школа-интернат, Дом культуры с недавно созданным детским кукольным театром, музыкальная школа, хлебопекарня, почта, на улицах — машины, мотоциклы, мопеды, велосипеды.

А на другом побережье Корякии, у залива Корфа, стоит другой интересный поселок — Тиличики, административный центр Олюторского района. Здесь живут рыбаки, оленеводы и охотники. Стоит он у самого залива, и вместе с курами по берегу расхаживают грудастые чайки.

Тиличики — поселок красивый, уютный. Недавно тут же начала действовать «Орбита», засветились экраны телевизоров. «Орбиту» строил весь поселок, строил с энтузиазмом, и многие поступались самым дорогим в выходные дни — рыбалкой и охотой. А рыбалка и в самом заливе и в ближайших реках знатная. Одна корюшка чего стоит. Вытянутая за крючок из лунки, даже в сорокаградусный мороз она пахнет свежим огурцом. Оттого и зовут ее местные жители «огуречником»... И новую просторную школу-интернат тоже строил, можно сказать, весь поселок. Зато какой красивой получилась она.

Живут здесь внуки, правнуки бывших пасынков России, дети коряков, чукчей, эвенов, ительменов, юные граждане одной матери Родины, живут дружно, интересно.

Знаменитому оленеводу Ивану Етекьеву вымпел вручил первый секретарь Тигильского райкома партии М. С. Орешкин ● На просторах тундры.

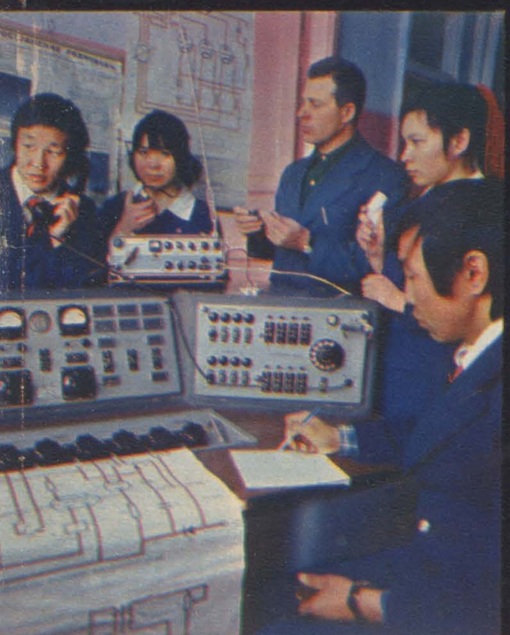
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

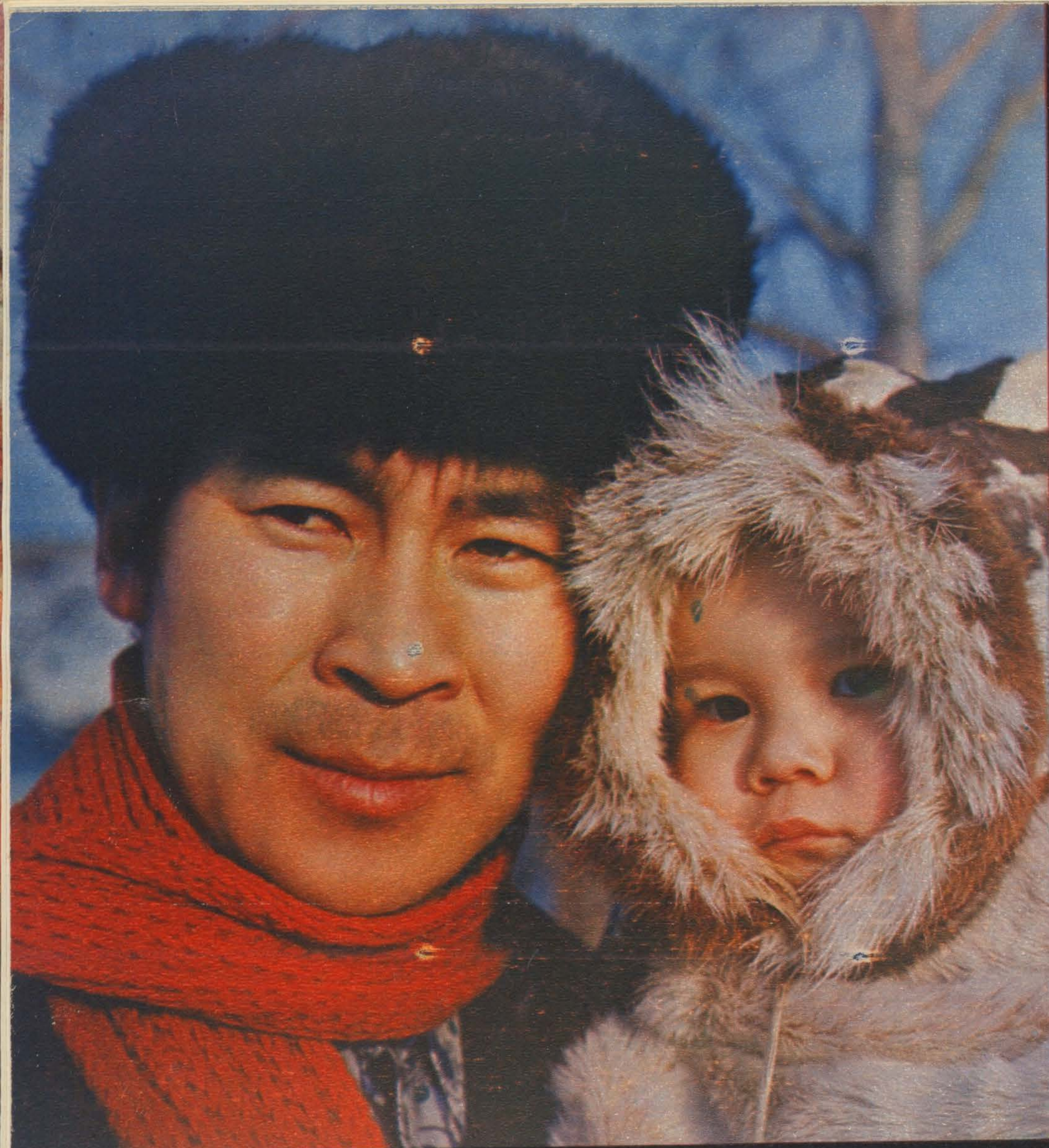
Поселок Палана ● Село Тигиль. Обитатели детского сада «Олененок» ● Школа искусств в окружном центре. Урок в классе народных инструментов ● Будущие оленеводы-радисты ● У «Орбиты».

Любовь ЮНИНА

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ЖЕНЩИНА В ОДНОКОМНАТНОЙ КВАРТИРЕ

Максим едва успел на поезд. Дарья Павловна уже начала беспокоиться и делилась своими волнениями с попутчиками, двумя немолодыми морскими офицерами, когда Максим появился в дверях купе. Он был весь какой-то взъерошенный, как котенок, попавший под струю воды и толком не успевший отряхнуться.

— Что случилось, Максим?—спросила Дарья Павловна.

— Я невезучий,— хмуро ответил он.

Поезд тронулся, и моряки, как по команде, поднялись.

— Как вы смотрите на то, чтоб сходить поужинать? — спросил один из них.

— Избави боже! — серьезно сказала Дарья Павловна.— Ужин я отдаю врагу, обед — другу, а вот завтрак съедаю сама.

Моряки дружно засмеялись.

— Но вы, Максим, сходите, поешьте!

— Нет, спасибо, не хочется.

Моряки ушли, а Дарья Павловна, откинувшись на спинку дивана, слегка улыбаясь, поглядывала на Максима.

— Отдышались? Нет? Вы что, всю дорогу бегом бежали?

— Я хотел вам, Дарья Павловна, розы подарить! Думал, продают у вокзала. Бегал, бегал! Смотрю на часы — поезд сейчас отойдет! Я побежал, еле успел...

— Для чего же розы?

— Разве вы не знаете? — удивился Максим.— Когда человек уезжает, ему дарят цветы...

— Но их обычно дарит тот, кто провожает, чтоб уезжающий подольше сохранил память о том месте, которое покидает.

— Я не подумал об этом,—растерянно проговорил Максим.

— Давайте ваш доклад, иначе я не успею его посмотреть!

Максим торопливо щелкнул замком чемоданчика, достал папку и подал ее Дарье Павловне. Она потянулась было к сумке, чтобы достать очки, и заколебалась: ей почему-то не захотелось читать в очках и показывать тем самым, что она не так молода, как кажется. Дарья Павловна взглянула на текст, он был четок, ясен, она вполне могла бы читать его, чуть дальше отодвинув от себя рукопись. Но тут же рассердившись на себя, она решительно достала очки и водрузила на нос. Очки у Дарьи Павловны, естественно, были самой модной формы, чуть затемнены и, пожалуй, даже шли ей.

Она начала читать, но не сразу могла сосредоточиться. Что, собственно, происходит с ней? Не захотела показаться немолодой? Но она делает это ежечасно, ежеминутно. Хотя нет: обычно это она делает вообще, для всех, а сейчас ей хотелось это сделать для одного конкретного человека — для Максима Туманова. Глупости какие лезут в голову, вздохнула Дарья Павловна и углубилась в чтение.

Дарья Павловна понимала толк в науке, которой занималась, любила ее и поэтому всегда получала настоящее наслаждение от талантливых работ. Она забыла о Максиме, который сидел напротив нее и, вытянув тонкую шею, смотрел испуганно-восторженными глазами; она восхищалась логикой его доказательств, точностью и глубиной мысли.

— Прекрасно, Максим! — сказала она.— Хотя в одном месте я совсем не согласна с вами...

Максим оживился, и, когда они заговорили о проблеме исследования, он как-то переменился, обрел уверенность, в глазах, лице его появилась твердость. Он спорил с ней на равных, жестко, и ничего в нем не было от вчерашнего нелепого рыцаря в райисполкоме и сегодняшнего не менее нелепого искателя роз. Он забыл обо всем, он помнил только о своей науке, и ему безразлично было, кто его оппонент — профессор Попов, Сидоров, Иванов или профессор Лактионова Дарья Павловна, женщина, в которую он внезапно влюбился.

А Дарью Павловну и в остром полемическом споре не покидала способность оценивать все абсолютно трезво. Она все помнила и все считала. Она прекрасно умела считать! И это всегда помогало ей. Но сегодня это губило ее. Потому что зрелость и твердость Максима в споре не заслоняли Максима растерянного, нежного, нелепого, а, наоборот, все стороны его характера воссоединялись в ее воображении — и этот Максим Туманов, и такой, и такой, и такой, почему-то волновал ее и был притягателен.

В дверь постучали, вошла проводница, принесла чай.

— Но чай-то вы не отдадите врагу, а, Дарья Павловна? — весело спросил Туманов.— У меня есть пирожки! Соседка напекла в дорогу. Очень вкусные!..— Он вытащил из чемодана целлофановый мешочек, аккуратно загнул края, получилось нечто вроде вазочки.— Попробуйте!

Дарье Павловне понравилась его аккуратность, обычно мужчины вываливают все на стол, нимало не заботясь о красоте. Она взяла пирожок, откусила.

— Вкусно! Мастерица ваша соседка.

— Ого! Еще какая! Она меня кормит, кормит, а я все равно всегда голодный.

— Что же вы не пошли в ресторан с моряками?

— Да ну!

— Вы же останетесь голодным!

— А! И потом у меня еще пирожки есть.— Он достал из чемодана другой мешочек.

Дарья Павловна засмеялась:

— Сколько же у вас всего мешочков?

— Еще один. На завтрак. Но я думаю, мы с вами все сейчас съедим. Я принесу еще чая!

— Хватит!

— Ну вот еще! Выпьете! — Он забрал со стола стаканы и вышел.

Дарья Павловна вынула пудреницу, нетороплиВо попудрила нос, подумав: «Кажется, он мною командует?»

Максим действительно съел все пирожки. Наблюдая, как он сворачивает пустые пакеты, Дарья Павловна сказала:

— Вам действительно надо поскорее жениться, Максим. А то переедете на новую квартиру, кто вас кормить будет?

— А соседка? — удивился Максим.— Мы уже решили, что она будет жить у меня. В одной комнате я, в другой она.

Дарья Павловна начала смеяться.

— Что вы смеетесь? — забеспокоился Максим. Дарья Павловна смеялась все больше и больше.— Ну что вы смеетесь, Дарья Павловна? Ну, Дарья Павловна!

Отсмеявшись, Дарья Павловна сказала:

— Ох, Максим, ну какой же вы нелепый человек! Институт дает вам отдельную квартиру, чтоб вы спокойно могли заниматься наукой. А вы перевозите туда свою соседку и устраиваете новую коммунальную квартиру. Да кто же так делает?

Максим насупился:

— А я не просил. Я говорил Игорю Васильевичу, что не надо мне никакой квартиры. Я вообще все умею делать сам: и стирать и готовить. Но когда я работаю, я не могу отвлекаться!

— Да! — Дарья Павловна покачала головой.— Нет у меня слов!

— Я вам не нравлюсь, Дарья Павловна? — обеспокоенно заглядывая ей в глаза, спросил Максим.

— А зачем вам нужно, чтобы вы мне нравились, Максим? Вы же не барышня! — Дарья Павловна редко бывала жестокой, но сейчас она чувствовала, что своей непосредственностью Максим создает какую-то опасную для нее ситуацию.

— А я влюблен в вас,— почти дерзко ответил он.

Дарья Павловна легко рассмеялась.

— Да будет вам, Максим, глупости городить! Отправляйтесь-ка в коридор, я буду спать укладываться.

И он послушно вышел за дверь.

Утром она встала рано, когда Максим и моряки еще спали. Натянула брюки, блузку, взяла сумочку с косметикой и отправилась в туалет.

Для женщины, которая, не накрасившись, не появляется перед людьми, путешествовать в поезде — сущая маета. Попробуй наложи ровно тон, намажь ресницы, когда вагон, раскачиваясь, то и дело подпрыгивает. Но Дарья Павловна мужественно справилась с этим делом, причесалась, подушила «шанелью № 5» волосы, брови и за ушами.

И когда Максим и моряки вышли из купе, они увидели Дарью Павловну, стоящую у окна, нарядную, со свежим, гладким лицом, с сигаретой, которая дымилась у нее в пальцах. Дарья Павловна курила редко, по утрам

Окончание. См. «Огонек» № 2.

Инструктор окрисполкома Н. А. Шмагин ● Учительница-ительменка О. С. Косьян и ее питомцы ● Изделия из оленьего меха ● Возвращение из тундры ● Агитбригада у оленеводов.

никогда, но сегодня на душе у нее было неспокойно, и это была уже третья сигарета.

На конференции они с Максимом почти не общались, потому что для Дарьи Павловны на этих совещаниях важны были не только доклады и сообщения, которые она слушала. Не менее важными были для нее и кулуарные встречи и разговоры с учеными, на которые в обычные дни трудно выкроить время. И, кроме того, хотя Максим заведовал лабораторией в руководимом Дарьей Павловной институте, не совсем удобно было ей, женщине, ходить постоянно рука об руку с молодым мужчиной. Репутацию свою она берегла пуще глаза. Однако, не видя Максима, она постоянно ощущала его где-то рядом, все время чувствовала его взгляд.

Уже много лет, пятнадцать — двадцать, Дарья Павловна уже и не помнила, сколько, но с тех пор, как ее бросил летчик Киреев, она, довольно драматично пережив это событие, обрекла себя на одиночество. С тех пор не было рядом с ней ни одного мужчины, который бы заботился о ней, оберегал ее, помнил постоянно, что она есть. Может, кто-то и помнил, да Дарья Павловна этого не знала.

Киреев был самой черной страницей ее жизни. Когда Дарья Павловна разводилась со Степаном, она, конечно, не думала о новом замужестве, но и возможность его для себя теоретически не исключала. С Киреевым она познакомилась в доме отдыха, он бурно влюбился в нее, и она, кажется, тоже. Они встречались несколько месяцев, а потом он стал звонить все реже, ссылаясь на занятость, и, наконец, исчез совсем. Она страдала, особенно страдало ее самолюбие, потому что Дарья Павловна вряд ли любила Киреева по-настоящему. Тогда она никак не могла понять, почему Киреев ее бросил. Впрочем, и сейчас не понимала. Но теперь Дарью Павловну это совершенно не интересовало, она сейчас уже смутно помнила этот свой роман: как Киреев волновался, что она чихнула или кашлянула, как бегал в аптеку, приносил картошку, цветы, конфеты, дарил какие-то платки, духи, бог знает что дарил, лишь бы порадовать ее!

Вечера во время конференции у Дарьи Павловны были заняты: она ужинала с коллегами, и это было продолжением кулуарных встреч, где велись в основном ученые и деловые разговоры. Максим тоже присутствовал на этих встречах. Неожиданно для себя Дарья Павловна обнаружила, что Максим прекрасно умеет себя вести, остроумен, разносторонне образован и что в любой компании он быстро становится душой общества. Иногда она ловила его вопрошающий взгляд. «Я такой? Я нравлюсь вам?» — читала она в его глазах и быстро опускала ресницы.

Иногда после ужина он заходил к ней в номер выпить чашку кофе, и они продолжали одинаково интересный для обоих разговор о делах. Но порой, глядя на нее, Максим вдруг терял нить мысли и смолкал.

— Ну, что с вами? — сердилась Дарья Павловна.

— Ничего,— отвечал он.— Так на чем же я остановился? Ах, да...

Однажды, после того, как она поговорила по телефону с сыном, он спросил:

— Вы замужем, Дарья Павловна?

Дарья Павловна на мгновение потеряла дар речи. О чем он спрашивает ее? Да ведь весь институт знает, что Дарья Павловна давно разведена и что Дарья Павловна...

— Это звонил ваш муж? — настойчиво спросил Максим.

Дарья Павловна молча покосилась на него, чуть заметно усмехнулась.

— Это звонил мой сын.

— А где ваш муж?

— Не знаю,— медленно сказала Дарья Павловна. Давненько ей не приходилось отвечать на такие вопросы.— Вам не кажется, Максим, что вы чересчур любопытны...

— Нет,— ответил он.— Просто я ничего о вас не знаю.

— А зачем вам знать?

— Ну, вы вот обо мне все знаете!

— Это просто в силу обстоятельств.

— А вам неинтересно?

— Вообще-то я любопытная, поэтому мне все интересно.

— Я тоже любопытный... Но вы — не все! Почему вы не хотите мне сказать? Вы не любите своего мужа?

— Липучка! — с сердцем сказала Дарья Павловна.— Никого я не люблю. И с мужем я развелась так давно, что уже не помню, любила я его или нет. И вообще, Максим, нехорошо приставать к старой женщине.

Максим не ответил.

Обычно, когда Дарья Павловна говорила, что она старая женщина, это значило, что она вовсе не думает так о себе, иначе бы ни за что в жизни она таких слов не сказала. И на такие ее слова всегда был ответ: «Да помилуй бог, Дарья Павловна, какая вы старая». Эти ее слова были как бы манок на комплименты, до которых она, по правде говоря, была охоча. И поэтому Дарья Павловна была обескуражена молчанием Максима. Значит, он действительно считает ее старой? Как ни пыталась Дарья Павловна доказать себе, что ей безразлично отношение к ней Максима, на самом деле это было вовсе не так, она все более поддавалась очарованию его и как человека, и как мужчины, и, наконец, как ученого.

Максим же не отвечал вовсе не потому, что он согласился с Дарьей Павловной, что она старая женщина. Скорее, он даже не услышал этих слов. Его вообще не интересовал возраст Дарьи Павловны! Его поразило другое: она сказала «нехорошо приставать». В этом было что-то унизительное для него. Разве он совершил хоть что-нибудь обидное для Дарьи Павловны? Ну, спросил про мужа... Но он так мало знает о ней, о ее личной жизни, а ему хочется знать все, вдруг он может хоть чем-то помочь ей, послужить...

Да, там, в Москве, он влюбился в нее на чьем-то юбилее, когда, закончив наконец свою диссертацию, он из стен лаборатории и своей холостяцкой комнаты вылез на белый свет и увидел, что этот мир прекрасен.

Да, он, конечно, и до этого знал Дарью Павловну, заместителя директора института, красивую, элегантную, насмешливую женщину; встречался с ней на заседании ученого совета и на других заседаниях; читал ее труды, слушал ее блистательные доклады, уважал ее как ученого.

Но тогда, на юбилее, перед ним явилась Дарья Павловна совсем иная — женственная, праздничная, веселая, остроумная. Он танцевал с ней и вдруг увидел ее глаза, лукавые, женские, он обнимал ее талию, тонкую, гибкую, ее волосы щекотали его щеку, и, когда они кончили танцевать, она ласково, кончиком пальца дотронулась до его носа и сказала:

— Спасибо, Максим! Давно танцы не доставляли мне такого наслаждения. Вы великолепный партнер. Все остальные, фу,— медведи!

Они танцевали потом еще и еще, и тогда он вдруг понял, что вот наконец встретил женщину, в которой ему нравится решительно все. Конечно, он не раз влюблялся за свои тридцать семь лет. Но вскоре разочаровывался, потому что был слишком привержен своей науке, а та, которую он мог полюбить, должна была понимать то главное дело, которому он себя посвятил.

Он не рассчитывал на взаимность. Уже то, что Дарья Павловна существует, наполняло его жизнь радостью. Но она сказала «нехорошо приставать», а это значит, что он надоедлив и противен.

Максим поднялся и пошел к двери. Дарья Павловна озадаченно смотрела ему вслед.

— Куда вы, Максим? Да стойте же! Что с вами?

Он повернул к ней растерянное лицо, и Дарья Павловна увидела в его глазах страдание. Она подбежала к нему, взяла за руку, как маленького, подвела к креслу, усадила. Ах, зачем, зачем она бросила эти дурацкие слова «старая женщина»! Дарья Павловна искренне страдала. Как истая женщина, она верила в магию слов.

— Дарья Павловна,— с трудом сказал Максим,— почему вы сказали, что я пристаю к вам?

— Я? — изумилась Дарья Павловна.— Я сказала, что вы пристаете ко мне? Когда? — И вдруг, все поняв, расхохоталась.

Она присела на ручке кресла. Локоть ее опирался о плечо Максима, и русые волосы его были так близки от ее ладони, что она не удержалась и потрепала их.

— Дурачок! Вы совершенно неправильно поняли меня!

Ее близость, запах ее духов пьянили Максима, голова кружилась, и он опустил ресницы, пушистые, как у девчонки. Дарья Павловна гибко склонилась к нему и поцеловала в закрытый глаз.

Максим притянул ее ладонь к губам и зашептал в эту ладонь:

— Дарья Павловна, бросьте все! Выходите за меня замуж!

Она потихоньку освободила из его рук свою, подошла к окну и стала глядеть на пустынную в этот час площадь. Максим встал с ней рядом. Оба молчали.

Нельзя сказать, что Дарье Павловне часто делали предложения. Не часто, но три-четыре раза за ее жизнь делали. Но никто никогда не делал этого с таким пылом, с каким это сделал Максим. Она чувствовала, что сердце ее переполняется нежностью к нему, и она панически боялась этого чувства, потому что понимала, что, подчинившись ему, она перестанет быть той Дарьей Павловной, которую она сама из себя сотворила и в качестве которой уверенно шествовала по жизни. А вот каково будет той Дарье Павловне, иной, она не знала... И боялась этой неизвестности.

Дарья Павловна, профессор, заместитель директора института, здравомыслящая Дарья Павловна должна была бы сейчас отослать Максима спать, сказав: «Перестаньте говорить глупости, Максим!» Но в Дарье Павловне, несмотря на все ее старания, еще теплилось женское начало, которое нельзя задушить никакой эмансипацией, никакими научными степенями, никакими высокими административными постами. И оно, это женское начало, запретило Дарье Павловне рассуждать, подняло ее руки и положило на плечи Максима, приблизило ее губы к его губам.

Дарья Павловна шепнула:

— А теперь идите спать, Максим! — И впервые без бравады просто пожаловалась: — Я что-то ничего не соображаю!

Дарья Павловна уезжала в субботу вечером, а Максим оставался на несколько дней, у него были еще дела в Академии наук. Дарья Павловна сначала намеревалась уехать в пятницу, но Максим сказал:

— Вы же велели мне взять побольше денег и обещали помочь купить разные штучки в квартиру.

— Разве? — притворно удивилась Дарья Павловна. По правде говоря, Дарье Павловне очень не хотелось бы, чтоб Максим забыл этот ее совет, но все дни он ничего не говорил, и она с огорчением решила: все-таки забыл.— А зачем вам эти штучки, раз вы все равно устроите себе коммунальную квартиру?

— Вы обещали,— упрямо повторил Максим.

Они бродили по магазинам и салонам, осматривали вазы, картины, ковры, подсвечники, но Дарья Павловна, обладавшая весьма изысканным вкусом, ни на чем не могла остановить свой выбор. Она не умела покупать вещи вообще, она должна была покупать к чему-то или для чего-то.

— Дарья Павловна, ну давайте, наконец, что-нибудь купим! — взмолился Максим.— Ну хоть вот эту картинку!

— Не знаю,— задумчиво ответила Дарья Павловна.— А куда ее повесить? Вы же не представляете, какая у вас будет мебель, какие обои...

— Вы придумаете, куда повесить!

— Нет, Максим, она какая-то зеленая... Зеленый цвет опасный! Если у обивки будет другой оттенок, они убьют друг друга...

Они вернулись, так ничего и не купив, кроме маленькой керамической вазочки для цветов. Дарья Павловна нашла, что она столь невыразительна, что ничего не сможет убить.

Максим смеялся.

— Дарья Павловна! Вы удивительная! Мне бы никогда не пришла в голову мысль купить вещь именно за ее невыразительность!

— Когда вы поживете с мое,— строго сказала Дарья Павловна,— вам много что придет в голову.

Максим помрачнел.

— И нечего мрачнеть,— так же строго продолжала она.— Оттого, что ты воображаешь,

что я твоя ровесница, я все равно ею не стану.

Они вошли в номер. Дарья Павловна сняла шляпу и положила ее на стул. С некоторых пор она стала носить шляпы, они создавали некоторую импозантность. Дарья Павловна приучала себя постепенно к импозантному стилю, потому что понимала, что надвигающиеся годы не позволят ей еще долго придерживаться столь дорогого ей полуспортивного стиля.

Максим остался стоять у двери.

— Зачем вы сказали мне «ты»?!

Поправляя у зеркала волосы, она полуобернулась к нему.

— Вы, Максим Максимович, кажется, сделали мне предложение?..

— Вы еще не ответили мне на него!— И вдруг он рванулся к ней.— Вы согласны?

— Сядем,— степенно сказала Дарья Павловна,— поезд через два часа, а нам есть что обсудить...

Однако она не имела ни малейшего представления, что им следует обсудить. Она знала одно: она любит Максима, и это последняя в ее жизни любовь. Больше она никого не полюбит. Она чувствовала и то, что Максим ее любит, но будет ли она его последней любовью, этого Дарья Павловна не знала. И еще: как ни вычисляла она, но если из сорока пяти вычесть тридцать семь, получалось восемь. И ни единицей меньше.

Дарья Павловна всегда хорошо умела считать, из разрозненного умела создать единое, единое гармонично расчленить. Но сейчас Дарья Павловна ничего не могла сосчитать, и поэтому она молчала.

Максим смотрел на нее, и в его глазах стояло испуганно-вопросительное выражение, которое у него появлялось тогда, когда он начинал бояться решений Дарьи Павловны.

— Ну что вы молчите?— вдруг рассердилась Дарья Павловна.

— Ты любишь меня? — тихо спросил Максим. И тихий его голос прозвучал в ушах Дарьи Павловны, как колокол.

— Ну и что из того, что люблю!— закричала Дарья Павловна.— Что из того! Я старше тебя на восемь лет! Через десять лет я буду пенсионерка, и ты бросишь меня, потому что сорокасемилетнему мужчине не подобает иметь жену-пенсионерку.— Она вдруг сникла, а потом тихо добавила: — И я не могу стать вашей любовницей, Максим Максимович, потому что как-никак я ваш начальник. А это будет неэтично, опять же из-за разницы наших возрастов.

И тут Дарья Павловна впервые за много лет заплакала, некрасиво хлюпая носом и кулаком размазывая по лицу тушь с ресниц. Максим вытащил носовой платок и стал утирать ей слезы.

— Ну не надо, не плачь. Я люблю тебя... Годы — вздор, мужчины умирают раньше.

Тут Дарья Павловна тихо начала смеяться.

— Ой, дурачок, ну и дурачок...

Она сидела перед ним, морща лицо от слез и смеха, такая домашняя, настоящая, какой редко кто видел эту женщину, одиноко живущую в своей однокомнатной квартире. И он любил ее, заплаканную и совсем немолодую женщину. Вот так случилось, что полюбил именно ее, а не другую. Что делать, раз он запоздал родиться или она поспешила? Разве это повод не дать зажечься счастью? Так он думал.

А Дарья Павловна, увидев измазанные тушью руки, взглянула в зеркало и, ахнув, убежала в ванную.

Через несколько минут она вышла, спокойная, со свежим лицом и аккуратной прической.

— Вот что, Максим,— сказала Дарья Павловна,— все это очень непросто... Мне слишком трудно изменить свою жизнь. Есть десятки «за» и десятки «против».

— Нельзя рассуждать, как счетная машина,— заметил Максим.

— Приходится...

— Есть главное «за» — это то, что мы любим друг друга!

— Сегодня любовь — это главное «за», а завтра она, может статься, будет главным «против»?

Максим осторожно поцеловал ее в висок.

— Нам пора. По дороге я на секунду заскочу к себе в номер.

Из номера он вышел, неловко держа в руке букет роз на очень длинных стеблях. Дарья Павловна улыбнулась.

— И нечего улыбаться! Все правильно. Провожающие дарят цветы отъезжающим...

У Дарьи Павловны билет был в спальный вагон в двухместное купе. Максим ревниво огляделся:

— Не хватало, чтобы здесь ехал еще какой-нибудь франт.

— Франта я не пущу,— миролюбиво сказала Дарья Павловна.

Она не предполагала, что Максим ревнив. Это было еще одно «против», ведь Дарье Павловне чаще всего в работе приходилось иметь дело с мужчинами.

Но в купе так никто и не пришел.

— Может быть, повезет и останусь одна,— мечтательно сказала Дарья Павловна.

— Не повезет. Я невезучий.

Но ей повезло. Поезд тронулся, набрал скорость, миновал предместье Риги, а Дарья Павловна так и осталась одна со своими радостями и печалями. Утром, когда она приедет домой, дела закружат ее и некогда будет основательно решить вопрос, так странно и неожиданно вставший перед ней, решить судьбу Максима и свою. Скорее, свою. А разве судьба Максима ей безразлична?

В дверь постучали. Вошел проводник.

— Ужинать будете?

Дарья Павловна вздохнула.

— Ну что ж! Пожалуй, буду. А чем вы можете накормить?

Он перечислил блюда.

— Салат, бифштекс, минеральная вода.—И, помедлив, добавила:— И дайте мне сто граммов коньяка.

«Старая дама путешествует»,— усмехнувшись, подумала Дарья Павловна, оглядев накрытый стол. Взяла графин, плеснула в рюмочку коньяк и выпила. Тепло разлилось по телу. Она закрыла глаза, представила себе, как она зайдет в кабинет Попова и скажет: «Вообразите, Игорь Васильевич, я вышла замуж». «Вы?— удивится директор.— За кого?» «За Туманова». У него откроется от изумления рот, а Дарья Павловна пойдет прочь из кабинета. А потом она позвонит Скудаеву и скажет: «Вообразите, выяснилось, что мне все-таки нужен муж!»

«Фу, какая чепуха лезет в голову,— подумала Дарья Павловна,— это коньяк виноват». Она попыталась реально оценить свое будущее. Она, вот уже много лет живущая одиноко, со своими привычками, которые ей, человеку немолодому, трудно менять, сможет ли она их изменить, если Максим их не примет. А каковы его привычки? Много лет все, что касается ее, она решает сама... Сможет ли она мириться с тем, что ее решения кто-то будет корректировать? Вряд ли! Но тут перед взором Дарьи Павловны встало лицо Максима, то твердое и решительное, то испуганно-вопросительное, и она почувствовала, как сжимается от нежности и сострадания к нему ее сердце. Нет, Дарья Павловна совершенно не понимала, что с ней происходит, и не могла сейчас принять абсолютно никакого решения. Ей просто хотелось думать о Максиме Максимовиче Туманове.

Дарья Павловна выпила еще одну маленькую рюмочку коньяка, откинулась на спинку дивана.

Поезд вез ее домой, навстречу совершенно неизвестному будущему...

ОТВЕТ ПОЛУЧЕН. А ДАЛЬШЕ!..

МОРЕ ВОЛ

Ия МЕСХИ

Правда, нам неведомо про все Черное море (как говорится в известной песенке: «Я вам не скажу за всю Одессу!..»), а вот в пределах Грузинской ССР можно сказать со всей ответственностью: да, волнуется оно! И давно. И безуспешно. В пределах РСФСР и Украинской ССР волнение — это почти что нормальное морское волнение. Но берега, входящие в Грузию, никак не могут наладить свои отношения с морем. Они, эти берега, выводятся им из равновесия: там съеден целый кусок земли со всеми на ней строениями, в другом месте море разрушило подпорные стены и захламило пляж обломками, а здесь подобралось к самому полотну железной дороги и вот-вот проглотит шпалы с рельсами.

Море, как вся природа, живое: то наступает на сушу, то отступает, то приподнимается чуть-чуть, то опускается. Измерения идут на миллиметры в год. Кажется: что за пустяк! Но процесс этот неуклонный и длительный. И невооруженному, неученому глазу на жизни даже нескольких поколений эти наступления-отступления незаметны.

Другое дело, если в пицундской столовой, на первом этаже, вы видите разбитые вдребезги стекла и громадные камни, заброшенные в зал штормовой волной. Это уже более чем заметно. Или в городке Очамчира построили у берега когда-то два 32-квартирных дома, а сейчас на этом месте морская гладь. Или показывают вам, как плавстройотряд сооружает буны, защищая от моря Гагру, а буны все равно кривятся и расшатываются (сизифов труд!). Размыв морских берегов — больное место Грузии и входящих в состав республики Абхазской и Аджарской автономий: территории прибрежных сел и городов размываются, пляжи уходят из-под ног, море наступает, море угрожает...

И сигнал тревоги по этому поводу «Огонек» подал еще в 1972 году. В № 25 за тот год был опубликован репортаж «Море угрожает». Незамедлительно откликнулся Совет Министров Грузинской ССР. И отклик этот тоже был опубликован («Огонек» № 36, 1972). Совет Министров в лице его тогдашнего председателя Г. Джавахишвили выразил признательность за статью, которая «продиктована добрым желанием журнала принести посильную пользу общенародному важному делу». Было сказано о том, что, видимо, подходит к концу затянувшаяся переписка Совмина Грузии с Госпланом СССР по поводу строительства столь необходимого для берегоукрепительных работ карьера и щебеночного завода в Сухой балке.

Ответ получен. Ну, а дальше что? Ни карьера, ни завода нет по сей день. В письме Г. Джавахишвили было сказано также, что при правительстве республики, очевидно, будет создано Управление по борьбе с разрушениями берегов. Ни управления, ни какого-либо другого органа, координирующего эту сложную работу, нет и сегодня. Такое большое, специфическое дело, как и прежде, тащит на себе со скрипом Министерство жилищно-коммунального хозяйства республики. При чем тут оно, никому невдомек.

Шесть лет с тех пор миновало. А море продолжает свои бесчинства. Оно их усиливает и расширяет. Море волнуется. И люди — жители прибрежных сел и городов, курортные работники, государственные деятели, инженеры, изобретатели, ученые — волнуются. Встревожены любители батумской группы курортов, таких, как Махинджаури, Зеленый мыс, Цихисдзири, пляжа у них нет, жмутся от набегающей волны к подпорной стене, воздвигнутой железнодорожниками. За спинами грохочут поезда. На Пицунде, в Гагре, в Новом Афоне в глубь пляжа, от моря, драпают шезлонги, зонты, топчаны и прочая пляжная утварь. Драпают со скоростью от одного до трех метров в год. Что уж тут говорить о городе Поти, где за последние 35 лет смыта густонаселенная городская территория шириной почти в километр! Волнуются и пишут, пишут, пишут!..

На несколько дней я погружаюсь в чтение пухлых папок, выданных мне в разных организациях. Вот строки из акта высокой комиссии, действующей по поручению Совета Министров СССР и пришедшей к выводу, что «...состояние береговой полосы в пределах республики крайне неудовлетворительно», что «...состояние береговой полосы Черного моря в пределах Грузинской ССР настолько неудовлетворительно, что требует безотлагательного и оперативного осуществления мероприятий по охране и защите прибрежных территорий от размыва и разрушений морскими волнами».

Безотлагательно и оперативно. Акт составлен 25 мая 1977 года.

Попытаемся понять: почему столько неприятностей постигло берега Грузии?

В Институте географии имени Вахушти Академии наук Грузинской ССР есть лаборатория динамики береговой зоны моря. Шесть лет тому назад не было на грузинском побережье стационаров, исследующих вдоль всего берега поведение таинственной границы между морем и сушей. Следовательно, не было еще досконально установлено (хотя, в общем, было известно), что природные условия формирования и развития этих берегов в корне отличаются от берегов Крыма, Одессы, Краснодарского края. Если эти сложены в основном из коренных, устойчивых пород, то берег вдоль Грузии испокон веков образовывался галечно-песчаной смесью. Мощные горные реки несли и несут с вершин Кавказа камни, ломая и кроша их по дороге к морю, а море доделывает их работу своей волной. Кроме того, волна не дает покоя этой смеси, она бесконечно перемещает ее вдоль берега на десятки километров. Один поток с севера, другой — с юга, встреча в центре Колхиды, у Поти. И еще: перемещая эту пищу морских богов, море сбрасывает ее иногда на большие глубины, в подводные каньоны. Каньон Акула возле Пицунды поедает ежегодно 80 тысяч кубометров так называемого твердого стока. Каньон против устья реки Кодори — в два раза больше! Вот такая сложная и нетипичная у этих берегов жизнь.

Советские ученые, инженеры, конструкторы, давая рекомендации для защиты от размыва всего Черноморского побережья (а размывает всюду в связи со строительством портов и прочей хозяйственной деятельностью человека), советуют возводить волноломы, стенки, буны, траверсы и т. д. И в Грузии, следуя этим рекомендациям, создают форпосты в отдельных, особо угрожаемых местах. Форпосты нарушают свободное движение вдоль береговых потоков. Натыкаясь на бетонные преграды, они меняют свой курс и перестают питать галечником те участки берега, которые расположены ниже по течению. А если нет галечника, нет сопротивления, то море идет в атаку. Весь же берег не перегородишь!

Все это я узнаю в лаборатории морских береговиков, беседуя с ее создателем Арчилом Григорьевичем Кикнадзе, ученым, географом, крупным специалистом. Недавно его назначили заместителем председателя республиканского Госкомитета по охране природы. И вот он разворачивает на столе схемы, прогнозы, карты морфодинамики береговой зоны. Что значит, когда есть картина, есть четкие научные знания предмета!

— На Ингури строят мощную гидроэлектростанцию, — говорит Арчил Григорьевич.— Река уже перекрыта плотиной. Вода еще проходит через верхние затворы, а так называемый твердый сток уже не проходит. Ни одного камешка! Теперь взгляните на берег моря — его питание уже нарушено. Водосбрасывающий канал несет к морю чистую, отработанную воду. На этом участке образуется дефицит твердого стока, берег интенсивно размывается. Мы подсчитали: его размоет на протяжении сорока километров. Представляете, какая потеря? Может быть, не строить ГЭС? Нет, строить, конечно, но, зная, чем это грозит берегу, надо провести соответствующие работы, восполняющие урон, наносимый пляжу. У нас есть конкретные предложения. Кто их должен осуществить? Естественно, тот, кто наносит урон,— энергостроители. Точнее, они должны платить за их осуществление. Об этом, кстати, есть строка и в соответствующем решении. Но проектно-сметная документация строительства ИнгуриГЭС этого не предусмотрела. А ГЭСы на реках Грузии будут строиться и впредь.

Разворачивается другая карта.

— В устье этой реки стоит на берегу моря санаторий, который решил защитить себя от размыва. Появились соответствующие сооружения. А рядом другой санаторий. Его берег тотчас лишился «питания», пляж исчез. С одной стороны, нехорошо «партизанить», с другой стороны, трудно сидеть у наступающего моря и ждать. А все вместе результат отсутствия единой технической политики защиты берегов.

— Но есть же Генеральная схема такой защиты, рассчитанная на десять лет и принятая правительством республики в 1972 году?

По поводу Генсхемы разговор продолжился в Министерстве жилищно-коммунального хозяйства у заместителя министра Мераба Николаевича Мгебришвили. Знакомое еще по первому репортажу учреждение, но человек новый, пришедший из партийных органов. Он вник в проблему и «заболел» ею, хотя своих, чисто коммунхозовских дел по горло. Если изложить сказанное им в очень сжатом виде, монолог выглядит примерно так:

— Генсхема 1972 года в большей своей части устарела. Главный ее недостаток в том, что она направлена на укрепление отдельных городов-курортов и железнодорожных путей вдоль берега, а это составляет всего лишь одну треть уже размывающегося побережья. Две трети остались за бортом еще тогда, в 1972 году. Сейчас размывает больше. Как

НУЕТСЯ

Последний дуб шумевшей здесь когда-то рощи.

Фото С. Киладзе

защищалась эта одна треть? Плохо, с отставанием. Вместо требуемых на эти работы десяти миллионов рублей в год министерство в состоянии было выделить только три миллиона, да и то за счет средств на строительство гостиниц, водопроводов, канализации. А может быть, это и хорошо, что мы не успели забетонировать и изуродовать наши берега. Ученые настоятельно рекомендуют при сложившихся обстоятельствах идти по линии восстановления природного равновесия пляжей с помощью гидро- и пневмотранспорта, канатных дорог и т. д., то есть намывать их, как это давно уже делается на схожих побережьях за рубежом. Вообще в этом деле требуются компетентность и средства. Я настоятельно продвигаю в нашем правительстве вопрос о создании научно-технического объединения «Грузморберегозащита». Что же касается средств, мы рассудили так: строишь в курортной полосе санаторий, кемпинг, дом отдыха или другие объекты своего ведомства, изволь принять участие и в берегоукрепительных работах, входи в долю своими финансами. В 1976 году проделана техническая инвентаризация всего берега на трехкилометровую ширину, определены размеры долевого участия всех без исключения ведомств, отправлены им письма. Одни соглашаются, другие отпираются. Словом, контора пишет...

Наконец, пути-дороги приводят нас в республиканский совет профессиональных союзов. Энвер Эрастович Капба, секретарь совпрофа, еще недавно был директором объединения курортов «Пицунда». Вхожу в кабинет, во всю стену фотография Пицунды, вид с моря. Но вид какой-то необычный: коробочки те же, а знаменитая пицундская набережная приподнята и зависла в воздухе. Эстакада. Под эстакадой заканчивается пляж. Это проект, разработанный институтом Гидропроект имени Жука. Десятый вариант защиты берега Пицунды.

— Нравится? — спрашивает Капба.— Мне очень нравится. Держал его на Пицунде, сейчас перетащил сюда. Легко и умно. Стенка набережной снимается, волны в непогоду свободно проходят под эстакадой, ничего им не мешает, и пляж своими силами приходит в равновесие. Что же касается отдыхающих, то прогуливаться в шторм над волнами и любопытно и полезно. В тихую же погоду под эстакадой хорошая тень. Но этот проект отклонен, как и девять предыдущих...

— Кем отклонен?

— Госстроем СССР.

Энвер Эрастович пережил на Пицунде ряд разрушительнейших штормов. При нем на Пицунду приезжали бесчисленные комиссии и группы исследователей. Стоимость исследований только за пять лет составила три миллиона рублей, что в полтора раза выше стоимости двух высотных корпусов, ради которых эти исследования проводились. Для защиты от штормов около этих двух корпусов, самых близких к пляжу, набросали бетонные массивы, так называемые тетраподы. Считалось, что это временно. Не красят они пейзажа, но зато надежно обороняют оба корпуса. Затем все стихло, и море и люди.

И вот свеженькая (май 1978 года) докладная записка, пересланная в совпроф Грузии видным советским географом, академиком АН Грузии Феофаном Фарнеевичем Давитая. Читаешь этот документ, и горько делается за красавицу Пицунду.

«Статистическая обработка метеоданных и их анализ показывают, что для пицундского района характерно чередование периодов штормового затишья (7—8 лет), сменяющееся высокой волновой активностью (2—3 года). Судя по этим материалам, наступающий 1979 год может явиться первым в ряду таких штормовых лет».

Далее о бетонных заграждениях, о том, что они существенно ухудшили режим питания пляжа возле других корпусов, прервали естественный конвейер наносов, и в случае семибалльного шторма следует ожидать здесь катастрофического размыва с еще более серьезными последствиями, чем это было в 1969 году. В докладной говорится о том, что надо срочно искусственно пополнить пляж.

Очевидно, с защитой Пицунды нельзя уже мешкать ни одного года, может быть, даже месяца...

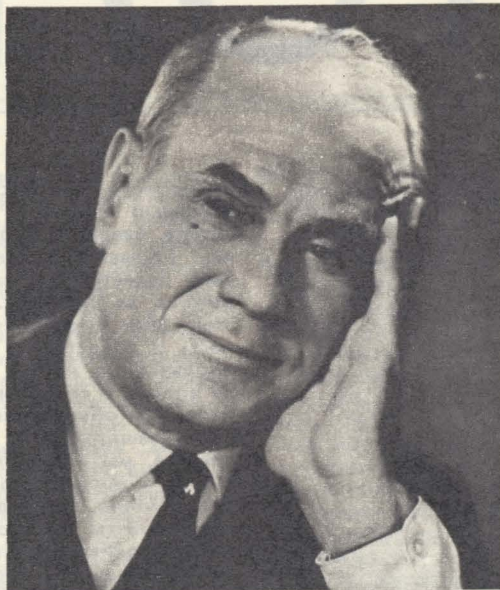
Но у Капбы не одна Пицунда. Он строит профсоюзные санатории, дома отдыха, турбазы на территории всей республики и, следовательно, по всему побережью. В этой пятилетке количество мест для людей, жаждущих полечиться и отдохнуть у моря в Грузии, должно увеличиться на четырнадцать тысяч. Но прежде чем строить столь активно на берегу, надо защитить этот берег, и не только там, где уже идет жизнь, но и на участках, перспективных для курортов, а их в Грузии предостаточно. Строитель должен иметь землю, стройплощадку, пляж. Вот почему волнуется и Капба, инженер, профсоюзный деятель. Его подпись так и мелькает под многочисленными документами о берегозащите рядом с подписями ученых и хозяйственников.

Заканчивая свой репортаж 1972 года, я говорила о том, как важно опередить море, ибо через десять лет, а может быть, и раньше как бы не пришлось составлять новые проекты на более крупные суммы. Тогда на берегоукрепительные работы требовалось десять миллионов рублей в год. Теперь упомянутая выше правительственная комиссия называет в своем акте, как минимум, цифру 13—15 миллионов. Тогда, занимаясь морем, я поднесла микрофон к волне и записала ее для собственного удовольствия. Пленка уловила плеск воды, тихий скрежет камней, что перекатываются волной туда и обратно. Умиротворяет! Теперь мне чудится в этих звуках шелест бумаг, скрип перьев, стук ундервудов. Не скажешь же, что создатели этой гнетущей бюрократической симфонии равнодушны к судьбам нашей родной природы, а значит, и к человеку, который то ли царь, то ли венец ее. Нет, не скажешь. Все горячо обсуждают, спорят, предлагают, изыскивают. Но как же в таком случае понять происходящее? Когда же наступит пора практических дел?

А пока море волнуется, оно не может понять, почему люди не дают ему возможность поскорее восстановить свои добрые отношения с берегом.

ПРИСТРАСТНАЯ ПРАВДА

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. А. БАБОЧКИНА

— Мне трудно говорить об этом: так мало времени прошло... Все еще очень больно...— отвечала Наталья Борисовна, дочь народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда Бориса Андреевича Бабочкина.

Я попросил Наталью Борисовну вспомнить какой-нибудь характерный эпизод из жизни выдающегося советского актера и режиссера. Меня интересовало прежде всего, какой он был человек; как актера я его, конечно, знал. Его, впрочем, как актера знают все. Ну, есть ли среди нас хоть кто-нибудь, кто не видел бы «Чапаева», гениально сыгранного Бабочкиным...

Но когда со дня смерти такого выдающегося человека прошло немногим более трех лет, о нем не только говорить, писать тоже трудно: еще не сказали о нем пока своего слова все те, кто работал и творил рядом с ним плечо к плечу; еще молчат пока архивы... Наверное, позже-то воспоминания польются рекой,— так всегда случается, это и естественно: чтобы понять что-то хорошо, бывает нужна временная дистанция. А пока о Бабочкине вышла прекрасная небольшая книжка Л. Парфёнова. Она так и называется: «Борис Бабочкин».

«Сколько-нибудь обстоятельно рассказать о всем творческом пути прославленного актера и режиссера в небольшой книжке — задача вряд ли выполнимая»,— пишет Л. Парфёнов. А потому автор останавливается лишь на некоторых страницах жизни и творческой деятельности Бориса Андреевича. Остановимся на них и мы.

Кто-то очень верно подметил: все большие люди рождаются в провинции, а умирают в столицах.

Рождение Бориса Бабочкина — человека и будущего актера — произошло в Саратове, в театральном отношении одном из лучших русских поволжских городов. 1919 год... Пятнадцатилетний юноша, которому суждено стать Чапаем, поступает в одну из театральных студий Саратова. Он мечтал быть актером и уже в августе 1920 года приезжает в Москву. Трудное время нечастых и невеликих заработков, и как следствие этого — жизнь впроголодь, ночевки где придется, порою на вокзалах. Частная студия М. А. Чехова. И воспоминание: М. Чеховым можно было «...восхищаться, но учиться у него нельзя было». Бабочкин учился у жизни. И позже о Борисе Андреевиче напишут, что его талант «сродни горьковскому — жизненно достоверный, социально зоркий»...

Но сколько же надо было работать, самообразовываться, чтобы сделать свой талант таким, каким он стал! Сколько надо было пережить неудач и не пасть духом. А Бабочкин был требователен к себе и неудачей в кино считал, например, «Мятеж», принесший ему «одни разочарования, несмотря на внешнее благополучие»...

«Я понял,— напишет позже сам Борис Андреевич,— что спецификой киноактера, так же как и актера театрального, должна быть правда, активная, горячая, пристрастная правда, которая общественное настроение делает твоим личным, интимным настроением, та правда, в которой ты хочешь убедить других».

Вот к чему стремился в творчестве артист, всего себя целиком, всю душу вложивший в звуковой фильм «Чапаев»... Ставили фильм в Ленинграде на кинофабрике «Ленфильм» Георгий и Сергей Васильевы... Борис Андреевич был уже не юноша: в тот год он отметил свое тридцатилетие.

Надо ли говорить, что такое «Чапаев», что нет равных ему по силе воздействия, кроме разве «Броненосца «Потемкина»... С фильмом «Чапаев» пришла к актеру всенародная, а потом и всемирная известность, слава; достойно сумел вынести ее Борис Андреевич. А скольких способных людей она сломила...

«Друзья», «Непобедимые», «Фронт»... Ближе к нашему времени — «Дачники», «Бегство мистера Мак-Кинли». Многие фильмы благодаря Бабочкину стали заметными в истории советского киноискусства.

А Малый театр с Бабочкиным — Достигаевым в горьковском спектакле, Малый театр, где Чехова не играли, но где Борис Андреевич выдвинул «новый принцип понимания и воплощения Чехова»... А сыгранные Бабочкиным на телевидении «Плотницкие рассказы» В. Белова, где этот могучий, зрелый актерский талант проявился, возможно, с наибольшей силой. Русский мужик Бабочкина — плотник Олеша Смолин — потрясает... Начав гениально «Чапаевым», он и лебединую песню спел точно так же в «Плотницких рассказах»...

Принято говорить: «Годы не властны...» Они над всем властны. Над всеми и над всем. Но не над талантом. Все уйдет, а талантливое останется...

Максим ИВАНОВ

Фото И. Ефимова

ГИМН ДОСТОИНСТВУ ЧЕЛОВЕКА

Этот спектакль волнует, на него всегда трудно попасть. И где бы Куйбышевский театр оперы и балета ни играл «Порги и Бесс» — у себя в городе, в Тольятти, на гастролях ближних и дальних,— возникает неизменный контакт с залом, большая человеческая взволнованность.

Ставить и играть знаменитую негритянскую оперу Дж. Гершвина с ее неповторимым национальным колоритом, пронизывающим всю ритмику, мелодику, каждый из многочисленных характеров, очень и очень сложно. Но у молодого режиссера Ольги Ивановой, задумавшей спектакль в содружестве с талантливым ленинградским художником, лауреатом Государственной премии СССР Эдуардом Кочергиным, сложился яркий, целостный замысел постановки, в который театр поверил и не прогадал...

...Все зыбко, шатко, ненадежно в нищем рыбацком поселке, где на берегу бескрайнего моря робко жмутся друг к другу жалкие фанерные лачуги. Кажется, первый слабый порыв ветра сметет с лица земли гетто черных бедняков, и ничего, даже памяти, не останется от жалкого «бидонвиля» и его обитателей... Один за другим обрушиваются на них беспощадные удары судьбы, люди полностью беззащитны перед неправедными законами белых, перед профессиональной преступностью, перед собственными суевериями, перед грозной, беспощадной стихией. Но ничто не может сломить людей.

В самые страшные часы жители поселка, пусть инстинктивно, неосознанно, стремятся друг к другу, объединяются... Эта мысль последовательно проводится в спектакле, звучит ярко и сильно. Не случайно так велико в постановке значение массовых сцен. Во дворе перед лачугами проходят все важнейшие моменты в жизни обитателей гетто: здесь встречают рождение человека и прощаются с умершим, любят, сообща радуются короткому мигу счастья, отмечают редкий праздник, переживают общую беду...

Спектакль исполнен веры в человеческое достоинство, в силу духа. Поэтому так масштабна в постановке фигура Порги — нищего, безногого калеки и вместе с тем человека щедрой и прекрасной души, чистота которого становится силой, непобедимым оружием. Роль Порги нашла в Куйбышеве прекрасного исполнителя: молодой певец В. Навротский играет с огромной сердечной отдачей и наполненностью, наделяя своего героя удивительным даром любви. История чувства Порги к Бесс, красивой, но опустившейся на дно, разуверившейся во всем и всеми презираемой, звучит в спектакле как поэма борьбы за человека. Весьма успешно выступает и партнерша В. Навротского, молодая певица С. Чумакова. У актрисы есть все для сложной партии Бесс — артистизм, обаяние, женственность, голос. Она убедительно показывает, как сердечное тепло Порги отогревает душу Бесс, как на место благодарности приходит любовь.

Добрых слов заслуживают и другие участники спектакля: А. Пономаренко (Краун), В. Бондарев (Спортинг Лайф), С. Бондаренко (Сирина), К. Ветышева (Клара), П. Губская (Мария), З. Базоркин (Джек). Нельзя не отметить профессионализм хорового коллектива, как вокальный, так и сценический (хормейстер В. Навротская). Успех оперы был бы немыслим без чуткого проникновения в ее своеобразную музыкальную стилистику всеми солистами, хором и, конечно же, оркестром под управлением главного дирижера театра Л. Оссовского.

С. Чумакова и В. Навротский в «Порги и Бесс».

...Финал оперы трагичен... Но создатели и участники спектакля утверждают: душу человека, его достоинство нельзя сломить. Светлой нотой надежды оканчивается «Порги и Бесс» Куйбышевского театра оперы и балета.

М. ДОТЛИБОВ

...Значительно улучшить селекционную работу по совершенствованию племенных и продуктивных качеств животных, созданию новых пород, линий и гибридов скота и птицы.

Из постановления июльского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ЗЕБУ!

Подошло время обедать, но не хотелось прерывать интересный разговор, да и столовая была далеко. Александр Андреевич и предложил:

— Знаете что, давайте обойдемся нашим молочком.

Принесли нам эмалированный бидон молока, налили мы себе по большой кружке, остальное я предложил убрать в холодильник. Александр Андреевич сделал неопределенный жест рукой: еще, мол, успеем.

Отхлебнул я из кружки и засомневался: молоко ли это? Не сливки ли? Такое оно было жирное.

— Нет-нет, молоко! — уверял Александр Андреевич. — Самое настоящее молоко. Только не от обычных коров, а от гибридных, которые получены при скрещивании черно-пестрой породы и зебу.

Молоко было и в самом деле отменным. Густое, вкусное, чем-то похоже на топленое. Мы и не заметили, как уговорили весь бидон.

О зебу, этих необычных для наших северных краев животных, и рассказывал доктор биологических наук А. А. Рубенков.

Зебу — его еще называют индийской коровой — одна из древнейших разновидностей домашнего скота. На фотографии вы видите семейство кубинских зебу. Они из числа тех 350 животных, что были подарены нашей стране президентом Кубы Освальдо Дортикосом. От обычной коровы зебу отличишь сразу: длинные уши, короткая шея, на спине горб.

Чем же зебу привлекли селекционеров? Многими ценными качествами. Прежде всего небывалой устойчивостью к инфекционным болезням, таким, как ящур, туберкулез, бруцеллез. Ученые объясняют это тем, что зебу разводятся в условиях тропического и субтропического климата, где широко распространены носители самых различных заболеваний. Постоянное соприкосновение с их возбудителями в течение тысячелетий привело к выживанию только тех особей, у которых выработался стойкий иммунитет к болезням.

Другое важное свойство зебу — он очень неприхотлив к кормам и обладает способностью весьма эффективно их усваивать, то есть кпд желудка, если так можно выразиться, у зебу намного выше, чем у обычного скота.

Зебу — животное более мощное, оно, что называется, крепче сбито. Ноги у него сильнее, копыта прочнее, что особенно важно для современных промышленных животноводческих комплексов с их жестким решетчатым полом.

И, наконец, о молоке. Не удивительно, что на вкус оно напоминает сливки: жирность его намного больше жирности коровьего молока. Выше в нем и содержание белка, ценных микроэлементов и витаминов.

Все эти важные качества зебу передаются его гибридному потомству.

Сегодня в подмосковном научно-экспериментальном хозяйстве «Снегири» Главного Ботанического сада АН СССР (откуда мы ведем рассказ) впервые в мировой практике за пределами сферы обитания зебу создано гибридное стадо. Его численность — 800 голов. Среднее содержание жира в молоке — около 4,5 процента, тогда как по Московской области базисная жирность составляет 3,4 процента. Эти цифры покажутся более убедительными, если сказать, что прибавка жирности молока всего лишь на одну десятую процента в масштабах страны позволит увеличить производство масла на 40 тысяч тонн!

Опыты по гибридизации животных в «Снегирях» были начаты в 1956 году. Тогда мало кто верил в успех. Зебу считали чисто южным животным, неспособным прижиться в холодных условиях средней полосы.

Когда Александр Андреевич двадцать два года назад приехал в Ленкоранский район Азербайджана, директор хозяйства, откуда он забирал двух бычков зебу, спросил:

— Сколько вы получаете в месяц?

Рубенков назвал свой оклад.

— Значит, пять лет вам придется расплачиваться за этих бычков. Стоит ли так рисковать? Ведь животные замерзнут!

Риск был, конечно. Но не такой уж большой, как считали многие. Рубенков, прежде чем взяться за дело, тщательно изучил соответствующую литературу и уже многое знал о способностях зебу. Тем не менее это был смелый эксперимент: в столь суровые условия зебу отправлялся впервые.

— Когда я отбывал из Ленкорани (было это в конце октября), там стояли по-настоящему жаркие дни,— вспоминает Александр Андреевич, — а когда через неделю приехали в Москву, здесь, как назло, было десять градусов мороза. Вагон в пути не отапливался, и я не на шутку испугался. Но никаких признаков простуды у бычков не обнаружилось. Первое испытание они выдержали.

Эту устойчивость зебу к перепадам температур, к жаре, холоду наследует и гибридное потомство. Интересно понаблюдать за нашим экспериментальным стадом на пастбище в самые жаркие дни. Если обычные коровы прячутся от полуденного зноя в тени деревьев и этим сами ограничивают себя в пище, то гибридные спокойно пасутся на открытом месте, там, где побольше травы и где она посочнее.

— В свое время скептики высказывали еще одно подозрение,— продолжает Александр Андреевич, — говорили, будто не удастся получить высокопродуктивные гибриды, ведь зебу и в самом деле дают немного молока. Но мы опровергли и это опасение. Удои наших гибридов третьего поколения не отличаются от удоев лучших черно-пестрых сверстниц, а из-за высокой жирности превосходят их по выходу молочного жира и белка. Например, от одной из наших гибридных коров по кличке Пышечная в прошлом году надоено 8742 килограмма молока жирностью 4,36 процента и содержанием белка 3,92 процента.

Итак, эксперимент, начатый А. А. Рубенковым два десятилетия назад, можно считать завершенным. Доказана возможность создания вне сферы обитания зебу высокопродуктивных гибридов, обладающих всеми положительными качествами зебу и скота молочных заводских пород.

Многолетние исследования гибридного стада показали его явное преимущество в сравнении даже с лучшими чистопородными животными...

Все работы, как и двадцать лет назад, сегодня ведутся под руководством академика Н. В. Цицина.

Редкий день обходится в «Снегирях» без гостей из разных концов страны. Хоть и отрывают они от работы, все же заведующий сектором отдаленной гибридизации А. А. Рубенков всегда рад показать свое большое хозяйство, поделиться опытом — ведь почти полжизни отдал Александр Андреевич бесценному делу выведения новой породы крупного рогатого скота.

Уезжают гости чаще всего со словами: «Вот бы у нас то же самое начать», — и просят прислать несколько гибридов.

Питомцы подмосковного хозяйства отправлены уже в Алтайский край, в Азербайджан, Литву, Таджикистан, в Узбекистан, Северную Осетию и даже за Полярный круг — в Мурманск.

Опыт в «Снегирях» для многих привлекателен еще и тем, что в условиях хозрасчета хозяйство получает от гибридного стада значительную прибыль — ежегодно свыше ста тысяч рублей чистого дохода.

Так что дело пошло. Но проблем у селекционеров еще очень и очень много.

— К сожалению, метод гибридизации,— говорит А. А. Рубенков,— несмотря на очевидные его успехи, часто недооценивается. Исследования в этой области ведутся лишь отдельными, разрозненными группами энтузиастов. До сих пор в стране нет научного центра по гибридизации животных, который бы занимался разработкой фундаментальных проблем и координировал все исследования по зебуводству и созданию гибридного скота.

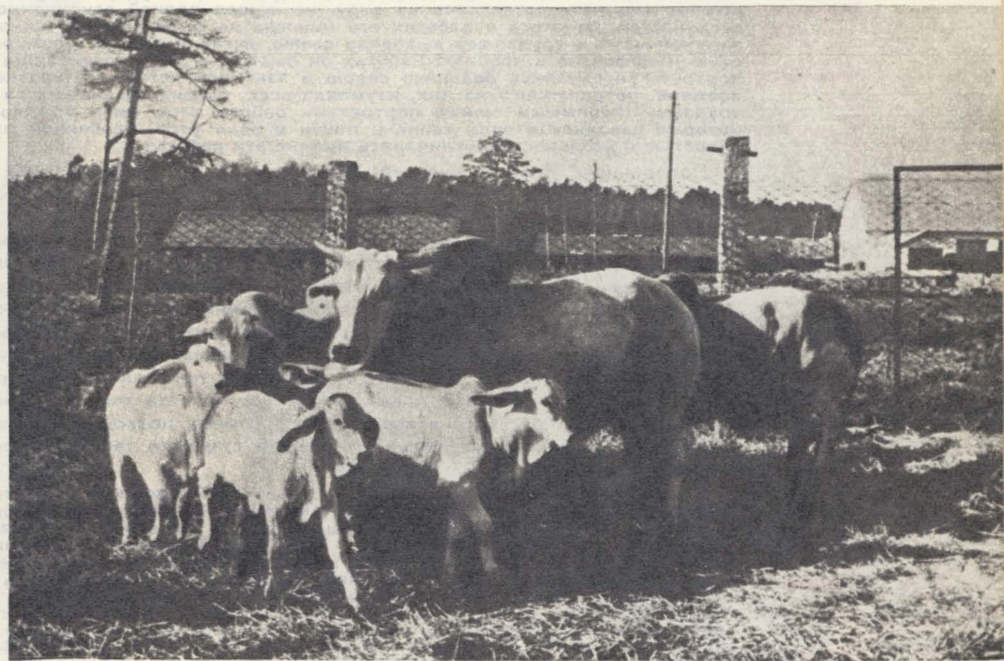
Давно назрела и необходимость в питомнике различных пород зарубежных и отечественных зебу.

Для создания новых пород животных необходимо объединить усилия селекционеров, генетиков, биологов, биохимиков, физиологов, ветеринаров и производственников.

Без этих решительных мер нельзя быть спокойным за будущее генетического фонда в нашем животноводстве.

С. ВЛАСОВ

Пара кубинских зебу и их потомство, полученное уже здесь, в Подмосковье. Фото автора

ПОРТРЕТЫ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

В. ЕНИШЕРЛОВ

Старые москвичи помнят, как одна из немногих бомб, упавших в начале войны на столицу, угодила в центр Арбата, в здание Вахтанговского театра. Ударная волна прокатилась по замершим, пустынным переулкам, качнулись дома, рухнули стекла, посыпалась штукатурка. В мезонине крохотного, спрятанного в глубине двора особнячка взрыв выдавил рамы, смешал книги и письма с осколками посуды, сорвал со стены и бросил на пол небольшой портрет, с которого уже век смотрели на мир двое юношей, почти мальчиков, изображенных мастерски — точной, уверенной рукой. Этим юношам предстояло в будущем стать известными русскими учеными, деятелями отечественного просвещения, а на портрете, созданном в 1840 году, художник запечатлел их на пороге судьбы, перед выбором пути, который посвятили они науке и русскому народу. Взрыв не разбил стекло, которое покрывало лист, пощадил рамку, но не выдержала бумага, и глубокая рваная рана перекрестила фигуры. Заботливая рука подняла и бережно повесила на прежнее место портрет, отмеченный знаком войны.

...Минуло уже почти четыре десятилетия. И я вспомнил этот случай, когда проходил по залу Государственного литературного музея на Петровке, где размещалась прекрасная выставка русского акварельного и карандашного портрета первой половины XIX века, возвращенного к жизни реставраторами-графиками Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И. Э. Грабаря. Спасенные шедевры — иначе нельзя было определить то, что предстало глазам. Здесь явились образы людей пушкинской поры, известных и напрочь забытых, чей облик сохранился лишь в работах мастеров русского камерного портрета.

Во второй четверти XIX века это искусство приобретает массовое распространение. Гостиные и кабинеты столичных особняков и отдаленных дворянских усадеб, дома купцов и разночинцев украшаются акварельными портретами, вытесняющими дорогую аристократическую миниатюру на кости. Собственно, акварель в первой половине XIX века играет ту роль, которая позже перейдет к фотографии, и если мы сравним работы лучших фотопортретистов 60—70-х годов минувшего века с камерным портретом, широко вошедшим в жизнь русского общества в первые годы века, то увидим несомненную преемственность целого ряда приемов и художественных решений образов.

Одним из выдающихся мастеров-портретистов своего времени стал Петр Федорович Соколов, академик акварельной портретной живописи, деливший славу с самим Карлом Брюлловым. Он оставил обширную галерею работ, среди которых портреты декабристов и их близких, людей пушкинского круга, представителей света, лиц официального Петербурга... Они открывают перед нами своеобразный слой русской жизни. Кажется, что с пушкинских страниц перенеслись на эти листы образы прелестных женщин, тонких, загадочных, глубоких. И когда смотришь на них, живших в одно время с российским первым поэтом, встречавшихся или могущих встречаться с ним, то невольно приходят на память стихи Пушкина. Хотя бы вот эти:

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает.

Приходится только удивляться тому количеству портретов, которые создал Соколов. И все еще находятся ранее неизвестные произведения его кисти, а сколько их уничтожило неумолимое время. О том, как работал художник, интересно вспоминает его сын:

«С замечательной смелостью правдивый тон лица, платья, кружева, аксессуара или фона ложился сразу, почти в полную силу, и детализировался смешанными, преимущественно сероватыми тонами с замечательною прелестью и вкусом, так, что ход кисти, ее удары, спускание краски «на нет» оставались на виду, не мешая полной законченности всех частей. От этого в работах его никогда не было заметно никакой замученности и труда; все выходило свежо, легко и вместе с тем рельефно и эффектно в красках. Работал он быстро, и хотя позднейшие его портреты отличались большою силою и законченностью, но краткость времени, потраченного на них, изумляла всех, близко следивших за его трудами. Любимыми моими портретами работы отца были именно те, которые делались в один сеанс и почти в одно утро. Особенной правдивостью и реальностью отличались именно эти работы».

Прозрачная, психологическая живопись П. Ф. Соколова как бы задала высокий тон, которому в целом отвечала вся коллекция портретов, представленная в залах Литературного музея.

В числе их было немало вещей несомненной художественной и исторической ценности. Например, портрет декабриста С. И. Муравьева-Апостола (1815 г.), сделанный известным гравером первой половины XIX века Н. И. Уткиным. Среди произведений этого художника-графика сохранилось очень мало акварельных портретов, выполненных с натуры, и один из интереснейших — С. И. Муравьева-Апостола в мундире Семеновского полка, с боевыми наградами, полученными в битвах Отечественной войны 1812 года. Интересно, что эта работа, относящаяся к истокам русского акварельного портрета, позволила исследователям назвать именно Уткина пионером ставшего так популярным в России жанра.

За каждым из портретов скрыта и судьба изображенного и личность художника. И как часто они переплетаются. Н. И. Уткин был внебрачным сыном известного писателя и общественного деятеля М. Н. Муравьева и сводным братом декабристов Н. М. и А. М. Муравьевых. Достигшего пяти лет мальчика освободили от крепостной зависимости и зачислили в 1785 году в воспитательное училище академии. Исследователь рисунков Н. И. Уткина Г. А. Принцева пишет: «Н. Уткин относится к тем графикам, чье не только творчество, но и жизнь в 1810-е—1820-е годы проходила в тесном контакте с будущими декабристами, и в первую очередь с братьями Н. М. и А. М. Муравьевыми. По возвращении из Парижа в 1814 году гравер прожил два года в доме Муравьевых на Фонтанке у своих сводных братьев. Здесь постоянно собиралась свободомыслящая молодежь... Таким образом, Уткин находился в самом центре передовой общественной мысли и литературы второй половины 1810-х годов». Именно тогда Уткин выполнил портрет С. И. Муравьева-Апостола и И. Д. Якушкина, редчайшие памятники ранней декабристской иконографии.

Второе рождение портрет С. И. Муравьева-Апостола обрел благодаря таланту художников-реставраторов научно-реставрационного центра имени академика И. Э. Грабаря. Достаточно увидеть, как выглядел портрет до того, как прикоснулись к нему руки реставратора, чтобы понять, какую сложнейшую работу, находящуюся на стыке точнейшей науки и высокого искусства, выполняют те, кто возрождает произведения живописи и графики.

Различные музеи России, обладающие первоклассными портретами, были представлены в экспозиции, размещенной в древнем Высоко-Петровском монастыре. Так, интересный портрет графини Толстой постоянно хранится в Моршанском краеведческом музее. Автор этого, также восстановленного листа — известный акварелист-портретист середины XIX века Владимир Иванович Гау. Это, на наш взгляд, одна из удачных работ Гау, чье виртуозное техническое умение порой входило в противоречие с его внешне холодными, эффектными по форме, но часто психологически невыразительными портретами.

К середине прошлого века в жанре акварели уже работало очень много мастеров, некоторые из них не подписывали своих работ, удовлетворяя широкий спрос на камерный акварельный портрет, вошедший в моду в самых широких слоях общества. Но раскрыть секрет памятника — это не только установить точную принадлежность его тому либо другому художнику, но и, конечно, определить личность модели. И, безусловно, с наибольшим интересом рассматриваем мы изображения лиц известных. Таков, несомненно, эффектный портрет А. Я. Панаевой.

Обаятельная женщина, она была всегда окружена замечательными людьми. «Герцен, Белинский, Достоевский, Некрасов — какие имена, какие люди,— восклицал К. И. Чуковский.— И Тургенев, и Гончаров, и Грановский, и Кавелин, и Лев Толстой — все у нее за столом, у Пяти Углов или потом у Аничкова моста... Те, перед кем мы теперь преклоняемся, нередко преклонялись перед нею». Два романа она создавала вместе с Некрасовым, она печаталась в лучшем литературном журнале своего времени, о ее повести писал сам Писарев, ей адресовал стихи Фет, и, наконец, ее любил и посвятил ей многие прекрасные поэтические строки Некрасов:

Бьется сердце беспокойное,
Отуманились глаза,
Дуновение страсти знойное
Налетело, как гроза.

Вспоминаю очи ясные
Дальней странницы моей,
Повторяю стансы страстные,
Что сложил когда-то ей.

Замечательный портрет А. Панаевой дает нам возможность лучше представить ее образ, сложившийся ранее из стихов и литературных воспоминаний.

Камерные, очень интимные акварельные и карандашные портреты первой половины XIX века несут сложную, многообразную информацию.

— Кроме чисто художественной ценности, собрания портретов... дают богатейший исторический, этнографический и литературный материал,— говорит один из организаторов этой выставки, искусствовед Савелий Ямщиков. И продолжает: — Нельзя оставлять без внимания даже малые свидетельства таланта старых русских мастеров, ибо без них немыслимо понять общее развитие национальной культуры. Сложенные воедино, отдельные достижения портретистов-графиков первой половины XIX века превращаются в целостное творческое направление, образуя важный раздел художественного наследия своей эпохи.

И многое рассказывая о жизни и времени, добавим мы к этим справедливым словам.

А недавно русские акварельные и карандашные портреты первой половины XIX века побывали в Париже, где с большим успехом демонстрировались в составе произведений, открытых советскими реставраторами.

...Вновь перед моими глазами тот, раненный в войну портрет двух юношей. Видимо, и он когда-нибудь попадет в умелые руки реставраторов, а затем займет место в музее, дополнив еще один штрих к картине художественной и общественной жизни России минувшего века. Ибо задача всех неравнодушных к прошлому своей Родины не дать исчезнуть ни одному произведению искусства, созданному предками. О том, как осуществляется эта благородная цель, и рассказала выставка, прошедшая в Государственном литературном музее.

Н. И. Уткин. Портрет С. И. Муравьева-Апостола (до реставрации).

Неизвестный художник. ПОРТРЕТ В. П. БАРЫКОВОЙ.

Неизвестный художник. ПОРТРЕТ Н. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Н. Уткин. ПОРТРЕТ С. И. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА. 1815.

П. Соколов. ПОРТРЕТ С. ШУВАЛОВОЙ.

П. Соколов. ПОРТРЕТ ВИШНЯКОВОЙ-ЧЕЛИЩЕВОЙ.

В. Гау. ПОРТРЕТ гр. ТОЛСТОЙ 1844.

К. Брюллов. АВТОПОРТРЕТ. 1833.

Неизвестный художник. ПОРТРЕТ А. ПАНАЕВОЙ.

ПОКЛОН УЧИТЕЛЮ

Имя Агнии Кузнецовой широко известно читателям. В своих книгах писательница поднимает проблемы становления личности, воспитания человека — строителя нового общества.

Новая повесть А. А. Кузнецовой «Земной поклон» рассказывает о жизни одного класса сибирской школы. Главные герои — ученики и их классный руководитель, преподаватель истории Николай Михайлович Грозный. В книге нет конфликта, который зачастую встречается в так называемой «школьной литературе»,— конфликта между учителем и классом. Николай Михайлович для ребят не только талантливый преподаватель, что, конечно, немаловажно, но и старший друг.

Дети, как говорил Сухомлинский, обладают тонкой и обостренной душой, главное — найти те ее потаенные струны, которые скрыты в глубине сердца и открываются далеко не каждому. Для учителя Грозного жизнь вне школы тягостна и неприятна, после работы он неохотно возвращается в свою пустую квартиру (личная судьба не сложилась,— была девушка, была любовь). И сначала, чтобы скрасить часы вечернего одиночества, а затем с большим увлечением он пишет книгу о своем земляке, прекрасном педагоге, отдавшем всю свою жизнь детям, Николае Михайловиче Саратовкине. Главы ее он читает школьникам. Они «вершат суд», обсуждают книгу с детской эмоциональностью, которая помогает Грозному видеть сильные и слабые стороны своего произведения. Ребята увлекаются книгой, начинают задумываться о своем призвании и месте в жизни, об отношении к людям. Перед ними оказываются два учителя, два Николая Михайловича — Грозный и Саратовкин. Один из них живет рядом с ними, другого же они не видели, о нем прежде не знали, но он становится путеводной звездой в их жизни. Автор книги напоминает, что добро, которое совершил Саратовкин, не пропало бесследно, оно и после его смерти осталось и дало те силы, умение, педагогические принципы, которые воплощает в жизни Николай Грозный.

Его девиз: «Легче сделать воспитанника образованным, чем утвердить в его душе уважение к человеку как высшей ценности, чтобы с детства человек был другом, товарищем, братом для другого человека. Поэтому учитель в первую очередь должен быть воспитателем».

Читая книгу, думаешь о том, что писательница очень тонко уловила и показала, что в детстве ребенку нужен живой пример для подражания. Ребенок, подражая, как губка, впитает в себя мировоззрение, отношение к людям, жизненные принципы того, кто прививал ему их. Ребенок или будет добрым, честным, правдивым, или же войдет в жизнь приспособленцем, эгоистом с черствой душой. Ученикам Грозного жизнь кажется прекрасной, оттого что им представится возможность отдать всех себя без остатка людям.

Почему же книга все-таки названа «Земной поклон»? Ответ на этот вопрос дает ее последняя глава. Собравшись после выпускного вечера в «Избе раздумий», ребята прощаются со школой, с детством, и, стоя на рубеже новой, самостоятельной жизни, одна из героинь повести, не заметив сидящего в избе Грозного, с жаром говорит: «Наш учитель Николай Михайлович равен тому Николаю Михайловичу из прошлого века, о котором сведения мы, как ошалелые, разыскивали в архивах, бегали по городу, дежурили на кладбище. Да понимаете ли вы, ребята и девчата, как наполнил он нашу жизнь важным, воспитывающим, увлекательным делом?!. А эта «Изба раздумий»! Здесь он вдумчиво и осторожно открывал нам жизнь со всей сложностью ее, жестокостью и радостью. Мы все это ценим и сейчас. Но особенно оценим, наверное, тогда, когда пройдут годы... Я от лица нашего десятого «А» принесу земной поклон нашему учителю».

Вот и закрыта последняя страница книги, и мы простились с героями, с радостью сознавая, что появилась еще одна умная книга, которая по достоинству будет оценена не только юными, но и взрослыми читателями.

Алексей МАКСИМОВ

Агния Кузнецова. Земной поклон. М., «Детская литература», 175 стр.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

ГАЛАНТЕРЕЙНАЯ «ЧЕКАНКА»

Министерство местной промышленности РСФСР рассмотрело статью К. Барыкина «Галантерейная «чеканка», опубликованную в журнале «Огонек» (№ 47, 1978), и дало указание Управлению местной промышленности Астраханского облисполкома обсудить эту статью на коллегии управления и принять меры к повышению художественного уровня изделий из металла с чеканкой, выпускаемых экспериментальным предприятием народных художественных промыслов «Каспийские умельцы».

Одновременно сообщаем, что наше министерство совместно с Минторгом РСФСР в I квартале 1979 года проведет просмотр ассортимента и качества изделий из металла с чеканкой, вырабатываемых предприятиями местной промышленности РСФСР.

Первый заместитель министра местной промышленности РСФСР
Б. В. СОРОКИН

ОТ РЕДАКЦИИ. Редакция ждет, что свое отношение к проблеме, поднятой в заметке «Галантерейная «чеканка», выскажут Министерство местной промышленности Украины, другие организации и ведомства.

ЗЛАТОКУЗНЕЦ МАНАБА МАГОМЕДОВА

В конце прошлого года в Москве в залах Государственного музея искусства народов Востока состоялась выставка ювелирного искусства Манабы Магомедовой. Более трехсот произведений, среди которых декоративные панно и пластины, женские украшения, кувшины и вазы, созданные из серебра и мельхиора, золота и меди, как бы подводят итог 30-летней творческой работы народного художника Дагестана, заслуженного художника Грузинской ССР. Трудно представить, что это не коллективное творчество, а дело рук хрупкой моложавой женщины.

Манаба Магомедова родилась полвека назад в высокогорном дагестанском ауле Кубачи, всемирно известном своими златокузнечными промыслами. Ювелирным и оружейным делом, чеканкой и резьбой по камню здесь занимались только мужчины. Женщины обрабатывали шерсть, вязали, вышивали, ткали, изготовляли войлочные ковры и бурки. Однажды бабушка показала девочке серебряный портсигар, гравированный отцом Манабы. Работа поразила ее воображение — это был сложный гравировальный прием «гумус накыш» — орнамент белым серебром по черному фону. «Портсигар отца,— вспоминает М. Магомедова,— натолкнул меня на мысль самой взяться за штихель».

Впервые она взяла в руки штихель, когда ей было десять лет. Долгие часы проводила она в мастерских учителей, овладевая техническими приемами, постигая тайны творчества. Первое время кубачинские мастера относились к увлечениям Манабы недоверчиво, скептически. Ведь ювелирное дело, считали они, исконно мужская профессия. Но своим упорством, кропотливым трудом, целеустремленностью Манаба обрела признание у земляков. Лучшие кубачинские умельцы как эстафету передавали ей секреты своего мастерства.

М. Магомедова овладела всеми приемами обработки драгоценных металлов. И теперь она не только гравирует, чернит, золотит, делает филигрань, зернь, насечку, но создает новые формы для своих произведений. Художник смело вводит в изысканный, но строгий и условный орнамент кубачинского ювелирного искусства XIX века крупные растительные узоры, создает композиции, основанные на общекавказских традициях. Широко и свободно использует она грузинский орнамент, чеканку. Ее излюбленной техникой становится перегородчатая эмаль. В этой технике она создает портрет Шота Руставели, комплект украшений «Царица Тамара», целый ряд колье, браслетов, перстней. Перегородчатую эмаль она часто чередует с драгоценными и поделочными камнями, чеканными изображениями, орнаментом, выполненным накладной филигранью и зернью.

М. Магомедова упорно экспериментирует, ищет цветовую гамму, позволяющую добиться ощущения пространственности и прозрачности, стремится к оригинальным цветовым сочетаниям. В работе с эмалью ей принадлежит несколько новых интересных художественных приемов.

Постоянное обращение художника к дагестанским и грузинским древним традициям сочетается в ее творчестве с обостренным чувством современности. Она работает над ленинской темой и темой героической защиты Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, создает произведения, посвященные космосу.

В 1960 году ее пригласили в тбилисскую Академию художеств. Здесь на факультете декоративно-прикладного искусства она преподавала студентам все виды ювелирного искусства.

Работы М. Магомедовой известны не только в нашей стране. Они экспонировались на выставках в ГДР, Польше, Чехословакии, Австрии, Бельгии, Канаде, США, ФРГ, Франции, Турции, Финляндии, Югославии, Японии. Ее лучшие произведения находятся в крупнейших музеях нашей страны. В Москве их можно увидеть в Музее искусства народов Востока и в Государственном историческом музее.

О. ГАБУЕВА

Л. КОЛОСОВ,
М. МИХАЙЛОВ

ЛИЦО ФАШИСТСКОГО ПРИЗРАКА

На Западе сейчас в ходу утверждения о том, что поскольку со смертью Франко приказала долго жить последняя открыто запрограммированная фашистская диктатура, то потеряла свою актуальность и проблема неофашизма. Вряд ли стоит много говорить о том, что подобные успокоительные заявления представляют собой сознательную дезинформацию. Ведь физическая смерть Франко не означала автоматического и моментального уничтожения франкистской идеологии в Испании. В то же время хунта Пиночета и другие фашистские режимы продолжают ставить новые «рекорды» беззаконий и бесчинств. И, наконец, если иметь в виду неофашизм, то он, как правило, не рекламирует себя официально, а тщательно маскируется. Легко понять, что в условиях международной разрядки и роста влияния демократических сил фашистская реакция все глубже уходит в подполье, но оставляет следы заговоров, убийств из-за угла, разбойничьих налетов.

Именно такие формы «деятельности» характерны для неофашизма. Непросто установить связь между пресловутой «португальской армией освобождения» (ПАО) и иностранными наемниками родезийских и южноафриканских расистов, между неофашистским Итальянским социальным движением (ИСД) и «четвертой партией» в ФРГ, которую намеревается использовать как свое «секретное оружие» Франц-Иозеф Штраус. Но такая связь существует, она отрабатывалась в течение ряда лет.

Особую тревогу прогрессивной общественности вызывает тенденция нынешних неофашистов к объединению в международном масштабе, к созданию своего центра, или, как его назвал итальянский еженедельник «Темпо», «черного интернационала». По свидетельству западной печати, это логово неофашизма переместилось временно в Барселону.

Именно там состоялся несколько лет назад слет неофашистов, который «является наиболее важным в истории «черного интернационала». О чем говорили на этом слете? До сих пор точные данные отсутствуют, кроме известной директивы: «Стрелять и незаметно уходить в подполье». Но из чего стрелять? Откуда у неофашистов оружие? Четыре наиболее крупных торговца оружием в Европе категорически отрицают какие-либо «деловые отношения» с «черным интернационалом». Имеются сведения о том, что оружие закупается через посредников в Швейцарии и Ливане, а также в Чили — у Пиночета.

Для «черного интернационала» оружие — вопрос очень важный, ибо оно служит не только для террористических целей, но для пополнения казны: неофашисты тайно перепродают его почти всем реакционным режимам. Многочисленные ограбления, в том числе и кража людей с целью получения выкупа, свидетельствовал один из чиновников Интерпола, зачастую дело рук «черного интернационала», который пополняет свою кассу и таким способом. Имеются сведения о том, что эта организация начала печатать фальшивые доллары. Тайный «монетный двор» находится на небольшой яхте, которая путешествовала недавно по Сене.

Особо следует остановиться на активизации гитлеровских неонацистов в ФРГ. Преемником СС там является пресловутое общество взаимопомощи (ХИАГ). В 1977 году ему удалось организовать более восьмидесяти встреч своих участников. В 1978 году эта тенденция сохранилась. В ХИАГ состоит сорок тысяч человек, причем новые ее члены — люди тех возрастов, которые были слишком молоды в годы гитлеризма. В мае 1978 года участники традиционного сборища бывших военнослужащих дивизий СС «Лейбштандарте Адольф Гитлер» и «Гитлерюгенд» в Нассау выбросили на свалку венок, возложенный антифашистами в память о шести миллионах евреев — жертвах фашистского террора, и устроили чествование как «героев» участников убийств этих шести миллионов. «Роты» новой нацистской партии ФРГ, называющей себя национал-демократической, систематически оскверняют памятники антифашистам, могилы советских и польских военнопленных. Они совершают набеги на помещения местных организаций Германской компартии, малюют нацистские лозунги и свастику на стенах общественных зданий. Обученные как военные, они маршируют по улицам в коричневой или черной униформе со знаками «черной головы».

Национал-демократическая партия (НДП) по численности представляет собой самую крупную неофашистскую организацию в Европе. Однако западногерманские неонацисты ищут «родственников» и за океаном. Они демонстративно распространяют материалы «заграничной организации национал-социализма», имеющей резиденцию в Линкольне, штат Небраска (США).

Неофашисты более активно заявляют о себе в Аргентине, Гватемале, Уругвае. Что касается США, то здесь «нацистская партия» как политическая организация оказалась нежизнеспособной. Но влияние правых, реакционных, расистских сил в Соединенных Штатах было и остается весьма велико. Расследование деятельности Центрального разведывательного управления приоткрыло тайну над частью грязных зарубежных операций американской разведки. Но большая доля айсберга осталась под водой. Между тем без участия ЦРУ не обходится, как известно, ни одно темное дело. В прошлом это переворот Пиночета в Чили, заговор греческих «черных полковников». Ныне щупальца ЦРУ протянулись к Португалии, Анголе, Аргентине, Испании и многим другим странам.

Осенью 1975 года генерал Спинола, руководитель заговора против демократических преобразований в Португалии, совершил турне по Европе и США. До возвращения в Португалию он жил в Бразилии, где поддерживал тесные связи с бывшим губернатором штата Гуанабара архиреакционером Карлушем Ласердой, который, в свою очередь, был другом бывшего работника американской дипломатической службы в Бразилии и нынешнего посла США в Португалии Фрэнка Карлуччи.

Спинола встречался в Швейцарии с бывшим директором ЦРУ Маккоуном, ныне вице-президентом американской монополии «ИТТ», щедро финансирующей заговорщиков в тех странах, где она видит угрозу своим интересам. Встречался Спинола тайно и со Штраусом.

К последнему времени в вышеупомянутую «португальскую армию освобождения» завербовано примерно четыре тысячи португальцев, бежавших после революции апреля 1974 года из Лиссабона, а также из бывших португальских колоний, в частности из Анголы. Значительную часть «бойцов» ПАО составляют наемники: французы из ОАС, недобитые немецкие, итальянские фашисты. Инструктором в ПАО служит полковник Шрамм, тот самый, который вербовал и возглавлял банды наемников в Африке.

Современный неофашизм — ударный отряд мировой реакции. «Черный интернационал», тесно связанный с иностранными разведками, главным образом американской, не брезгует никакой черной работой. Его следы обязательно обнаруживаются там, где совершаются преступления против демократических режимов. За примером далеко ходить не надо...

Тогда печать окрестила это происшествие необычно длинно: «Самая загадочная политическая сенсация послевоенной Италии». Может быть. Хотя и раньше и позже случались истории и похлестче. Убивали профсоюзного вожака, который начинал беспокоить сиятельных земельных баронов; расставался с жизнью прокурор, который слишком открыто намекал на то, что «много знает»... На этот раз обошлось без смертоубийства: в Генуе некоторое время назад похитили генерального прокурора города Марио Сосси.

Пока три тысячи карабинеров разыскивали его по Апеннинскому полуострову и вне его, аншлаги газет и журналов пестрели вопросами: «Кто похитил? Зачем?» Впрочем, некоторые пытались ответить на них. Неофашисты, например, вопили вовсю: «Это дело рук коммунистов!» Те, кто поосторожней, блудливо намекали: «Террористы из «красных бригад»...

Да, вот уже много лет, как в Италии гремят взрывы, совершаются поджоги, организуются бандитские налеты... Все это называется «стратегией напряженности». Цель — ликвидация буржуазно-демократических порядков в Италии; авторы — наиболее реакционные и экстремистские круги на Апеннинах, поддерживаемые из-за рубежа; основные исполнители — Итальянское социальное движение и смыкающиеся с ним «ультра».

Не выяснена до конца история похищения и убийства бывшего премьер-министра, одного из наиболее прогрессивных деятелей Христианско-демократической партии Альдо Моро.

Лидер ХДП был похищен 16 марта 1978 года «красными бригадами». И именно 16 марта произошло важнейшее событие в политической жизни Италии — был вынесен вотум доверия только что сформированному правительству, опиравшемуся на парламентское большинство, в состав которого впервые за последние три десятка лет вошли коммунисты. Создание этого правительства во многом было и личной заслугой Альдо Моро. Новый поворот событий на Апеннинах не всем пришелся по вкусу как в самой Италии, так и за рубежом. Как подчеркивала итальянская печать, преступление «красных бригад» было направлено именно против нового парламентского большинства, против перспективы вхождения коммунистов в правительство, против тех демохристианских деятелей, которые решались, наконец, «попробовать» наладить отношения с ИКП, то есть, короче говоря, «красные бригады» преследовали те же цели, что и «черные» неофашисты. Ни у кого не вызвало сомнений и то, что к похищению и убийству Моро имеет отношение международная реакция. Незадолго до трагических событий бывший премьер-министр говорил своему ближайшему другу — сенатору от ХДП Витторио Червоне, что опасается за свою жизнь и за безопасность своих близких, что ему «не про-

стят новой политики», что его «не понимают в Соединенных Штатах и кое-кто в ФРГ».

Террористам и тем, кто стоит за ними, в целом не удалось добиться того, что они задумали, осуществляя злодейский замысел. Правительство, опирающееся на поддержку коммунистов, осталось у власти. Это несомненная заслуга демократических сил страны. Однако реакционные силы Италии все еще пытаются разыгрывать «карту Моро» в темных политических махинациях, а итальянская полиция никак не может покончить с террористами, вне зависимости от их окраски. Впрочем, в полиции иногда творятся дела более чем удивительные...

Еще 16 октября 1973 года прокурор города Падуи подписал ордер на арест комиссара полиции Молино по обвинению его в причастности к антиправительственному заговору. А несколькими днями позже министр внутренних дел лишил Молино всех званий и регалий. «Это было сделано не только для того, чтобы наказать нарушившего присягу сотрудника полиции,— отмечал еженедельник «Панорама»,— но и чтобы вернуть силам правопорядка утраченное доверие общественности, узнавшей, что многие служащие полиции и министерства внутренних дел замешаны в неофашистских преступлениях. Среди них карабинеры, утаивавшие улики против чернорубашечников, агенты секретных служб, сотрудничавшие с фашистскими провокаторами, работники прокуратуры и судов, делавшие все возможное, чтобы не предавать виновных суду...»

Но что же изменилось за прошедшие годы? Недавно у руководителя одной из фашистских группировок был найден оперативный план военного переворота, а также перечень адресов примерно 400 политических деятелей, подлежащих физическому уничтожению в первую очередь: конечно, коммунисты, социалисты, профсоюзные и прогрессивные общественные деятели. Но не только они. Премьер-министра Италии, например, уточняет «Панорама», должны были арестовать и расстрелять в горном местечке Аспаго, где он обычно проводит отпуск. Министра внутренних дел предполагалось убить у дверей его собственного дома в Генуе... Полиция давно знала об этом, но молчала. Более того, следствию стало известно, что один полицейский в свое время предупредил некоторых неофашистских главарей об особом внимании полиции к их персонам...

А теперь возвратимся к украденному Сосси, которого в конечном счете отпустили, и «красным бригадам». Вопрос, который задал еженедельник «Эспрессо» одному из высоких полицейских чинов, занимавшемуся «делом Сосси», родился, наверное, не случайно: «А не фашистские ли провокаторы эти похитители, маскирующиеся под «красных»?» Ответ полицейского был хотя и категоричен, но мало аргументирован. «Нет,— изрек он.— Они сами это отрицают. И потом речь идет о четырех десятках юнцов, которые нам известны...» «Раз они известны, почему вы их не арестуете?» — задала этот естественный вопрос все та же «Панорама».

Действительно, почему? Ответ напрашивается сам собой. Потому, что кое-кому нужны провокаторы, которые могли бы легко менять цвета. И не являлась ли еще одной неофашистской клюквой эта «самая загадочная политическая сенсация послевоенной Италии», которая произошла с Сосси? Почерк меняется, но перо террора водит одна и та же рука...

Хотелось бы обратить внимание вот еще на какое обстоятельство. То, что на политической авансцене в некоторых западных странах наибольший шум производят так называемые леваки, в конечном счете льет воду на мельницу правых сил. Создаются большие удобства для их активности, причем не только в национальных рамках. Не так давно в Риме, а затем в Париже состоялась конференция крайне правых группировок Италии, Франции и Испании. В их программе — создание антикоммунистической организации под названием «правые силы Европы». Кто ее участники? Это все те же ИСД, французская организация «Форс нувель» и испанская «Фуэрса нуэва». Руководители этих группировок провели в итальянской столице пресс-конференцию, на которой заявили, что цель создания новой региональной неофашистской организации заключается в том, чтобы вести борьбу с наступлением левых сил в Европе и прежде всего с ростом авторитета и влияния коммунистических партий. На конференции в Риме был принят так называемый базовый документ с призывом ко всем реакционным и консервативным силам Европы присоединиться к тройственному союзу итальянских, французских и испанских неофашистов. Одной из ближайших задач этого союза должно стать создание единого фронта правых на намеченных на 1979 год выборах в так называемый «европейский парламент». Эти выборы собирается организовать страны Европейского экономического сообщества.

Примерно в это же время в австрийском городе Зальцбурге состоялась встреча 18 консервативных и христианско-демократических партий из 14 европейских стран. Они создали «европейский демократический союз». В действительности этот союз антидемократический, и западногерманская буржуазная газета «Франкфуртер рундшау» метко окрестила его «новым черным интернационалом».

Радиостанция «Немецкая волна» поведала о том, что в городе Вюрцбурге состоялся симпозиум, на котором главным оратором был Штраус. Цель симпозиума, как говорилось в радиопередаче, «критически проанализировать итоги изучения фашизма на международной арене». Понимать эту псевдонаучную формулу надо как поиски аргументов для реабилитации фашизма.

То, о чем мы говорили, свидетельствует, что речь идет не только о теории, но и о практике. Последователи фашизма не перевелись, они пытаются расширять сферу своей деятельности.

Жизнь полностью подтверждает вывод, который был сделан на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 году. **«Мы считаем,—** говорилось в одном из документов Совещания,— **что необходимо усилить борьбу против фашистской угрозы, давать беспощадный отпор профашистским вылазкам.** Фашизм усиливает свою активность в момент обострения кризиса империализма, когда возрастает стремление реакции применять методы грубого подавления демократических и революционных сил... Неофашизм смыкается с деятельностью империалистических разведок, организующих реакционные перевороты.

Все эти проявления фашизма наталкиваются на возрастающее сопротивление народных масс. Чтобы это сопротивление было успешным, необходимы единые действия всех антифашистских сил, а также усиление международной поддержки со стороны коммунистических и рабочих партий, демократических и прогрессивных движений всех стран».

«РЕКИ ДОЛЛАРОВ» И БЕРЕГА РЕАЛЬНОСТЕЙ

Известны случаи творческих неудач и даже явных поражений, когда наши отечественные авторы обращались к художественному воспроизведению зарубежной темы — особенно заметно это было в кинематографе. Избежать «развесистой клюквы» можно лишь с помощью досконального знания материала плюс наличия незаурядного и в то же время самого обычного мастерства — мастерства режиссера, романиста, публициста, актера и т. д.

Заметным оказалось в связи с этим появление романа Олеся Бенюха в журнале «Новый мир», избравшего местом основных событий очень редко появляющуюся в поле обзора страну — Новую Зеландию. Время действия — критическое в жизни этой страны и ее союзников по АНЗЮСу США и Австралии: война во Вьетнаме, война безнадежная, несправедливая, отвергаемая народами этих же стран, но раздуваемая радетелями военного бизнеса, сулящими каждому наемнику «реку долларов» и к тому же неустанно повторяющими сказку про защиту «идеалов свободы».

Вот таким клюнувшим на эту приманку («Вьетнам — это хорошие деньги») предстает перед читателем маори (коренной новозеландец) Мервин, юноша со смуглой кожей, полюбивший белую девушку Джун, дочь главы концерна, миллионера Седрика Томпсона. Некоторый холодок вначале, когда Джун еще находится под влиянием своих подружек, высмеивающих «черномазого» ее избранника, окончательно вытесняется у девушки настоящим высоким чувством и решимостью защищать свою любовь, а в конечном счете свою честь, свои права.

Рекламный плакат обещает безбедную жизнь до глубокой старости, и Мервин едет во Вьетнам, чтобы иметь что-то для старта в семейную жизнь. Драматические перипетии, насыщающие структуру романа,— это вроде бы уже знакомые по прессе, но в романе оригинальные в своих решениях ситуации: бесчинства «усмирителей», акты их жестокости, их убогие развлечения, раздоры, междоусобицы, прозрение одиночек и прозрение нации. Мервин чудом остался в живых, но потерял обе ноги; он летит на родину без обещанных денег, но с закодированным диагнозом в карточке: прогрессирующий паралич после травмы позвоночника.

А дома тем временем происходили события не менее драматичные, но ординарные для капиталистического общества — Седрик Томпсон становится банкротом и кончает жизнь самоубийством (эта часть одна из самых сильных в романе). Джун, оставшаяся без средств, используя свое мастерство в каратэ, превращается в «Кровавую Джуди» — зарабатывает борьбой с такими же обездоленными на рингах, покрытых сырой рыбой и мазутом.

Поначалу кажется, что вряд ли дороги Джун и Мервина вновь пересекутся — прошумели события, герои потеряли друг друга в джунглях войны, нищеты, равнодушия общества. Но благодаря случаю Джун и Мервин находят друг друга — ненадолго. Узнав, что Мервин неизлечимо болен, что потеряны последние надежды выбраться на поверхность, оба добровольно уходят из жизни, и финал этот оправдан.

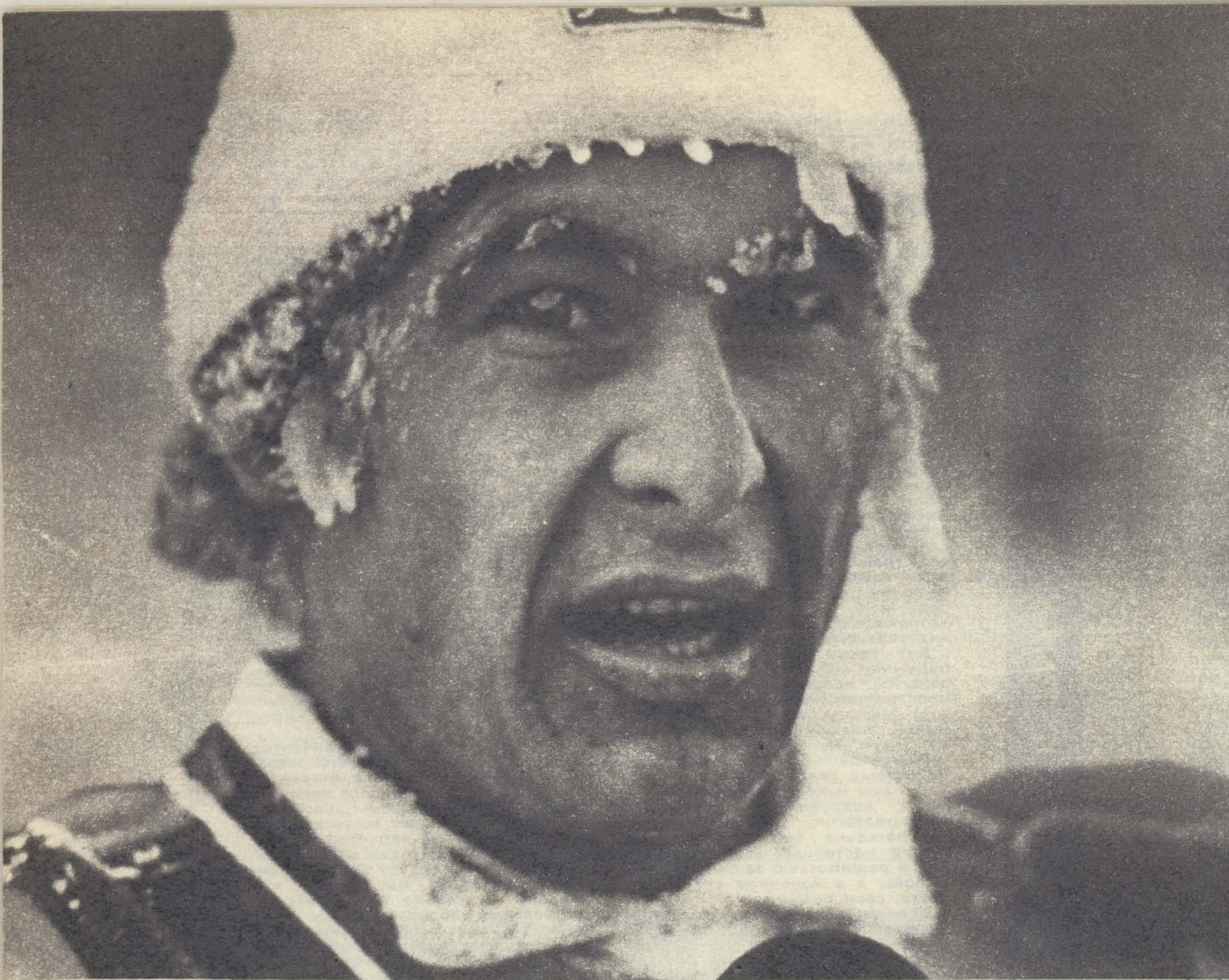
Автору, советскому журналисту, многие годы работавшему в Новой Зеландии, удалось создать по-настоящему волнующее произведение. Может быть, он более всего раскован в изображении социально-политических нюансов жизни своих героев, бытовая сторона даже перенасыщена деталями — лирическая же линия, сфера интимных переживаний влюбленных (диалоги, письма и т. д.) временами уступают в совершенстве, но все равно веришь и сострадаешь героям без всяких оговорок, и это главное.

Стиль повествования отличается разумным лаконизмом, что позволяет автору удержаться от сентиментальности, слащавого тона, но иногда этот лаконизм приводит к крайности — лишает живых черточек человеческие характеры. Есть, на наш взгляд, и один явный просчет. В финале из уст второстепенного персонажа мы узнаем, что Мервин не только ради денег завербовался добровольцем, он, оказывается, считал, «что нашу жизнь, наши устои действительно нужно было защищать во Вьетнаме». Эта скороговорка «под занавес» неубедительна в применении к главному герою. Какие устои имел в виду цветной маори, терпевший унижения, видевший контраст между виллой Томпсона и обшарпанным общежитием пожарников, где он обитал сам? В военных эпизодах Мервин ни активностью, ни бездумностью не отличается. Он обычная жертва рекламы и социального прозябания, как и его друг Дылда Ричард, сложивший голову в топях под Сайгоном. Автор постфактум расширил свою задачу — такого Мервина в романе нет, его пришлось бы досоздавать.

Однако в целом роман читается легко, он говорит о несомненной одаренности автора, сделавшего удачный опыт художественного поиска в изображении далекой страны.

Ю. НОВИКОВ

Олесь Бенюх. Джун и Мервин. Роман. «Новый мир» №№ 4, 5, 1978.

Вот он, двукратный победитель Кавголовских игр-79 Евгений Беляев.

НАЧ

В. ВИКТОРОВ
Фото А. БОЧИНИНА

Лахти, Фалун, Холменколлен — три эти скандинавских лыжных центра давно уже известны любителям зимнего спорта: там проходят апробацию сильнейшие гонщики мира. А восемнадцать лет тому назад этот спортивный триумвират принял в свои ряды четвертого партнера — наше Кавголово под Ленинградом, самой природой созданный лыжный стадион. Теперь Кавголово стало не менее популярно, чем традиционные международные трассы, и успешное выступление в Кавголовских играх дает право на получение лыжного аттестата зрелости.

Победа на ленинградском снегу всегда была очень трудна и поэтому особенно почетна. Достаточно сказать, что в Кавголово испытывали свои силы сильнейшие зарубежные гонщики и только четырем из них: двум шведам С. Еренбергу и Р. Ремгорду в 1961 году, Г. Гриммеру из ГДР в 1971 году и норвежцу О. Бро в 1975 году — удавалось добиться победы. Еще более скупой счет у женщин, и среди зарубежных участниц соревнований в Кавголово лишь одной нашей гостье, чехословацкой лыжнице Х. Шиноловой, удалось дважды подняться на высшую ступеньку пьдестала почета.

В Кавголово начинали свой путь и оттачивали свое мастерство многие советские гонщики и среди них такие асы, как И. Утробин, П. Колчин, А. Акентьев, В. Веденин, Ю. Скобов, В. Рочев, С. Савельев. Здесь блистали Р. Ерошина, К. Боярских, Г. Кулакова, Р. Сметанина. И вот проведены десятые юбилейные кавголовские гонки, и снова наши гости должны были уступить призовые места советским спортсменам. На сей раз на четырех дистанциях — двух мужских и двух женских — мы получили лишь двух победителей, потому что Евгений Беляев и Галина Кулакова побеждали дважды.

Для истории кавголовской лыжни такой «дубль» у мужчин — большая редкость. Только Сергею Савельеву в 1977 году удалось стать победителем в гонках и на 30 и на 15 километров. И вот теперь такой же полновесный успех выпал на долю известного ленинградского гонщика Евгения Беляева, что дает нам право назвать его хозяином кавголовской лыжни. А лыжня эта на нынешних соревнованиях была очень усложнена и доведена до международной кондиции высшего класса. По крайней мере такую лестную оценку дистанциям дал технический делегат Международной федерации лыжного спорта финн Ханну Коскивуори.

Большой знаток кавголовских мест А. Г. Торопов много потрудился, чтобы реконструировать трассы гонок, и Евгений Беляев на пресс-конференции после своей первой победы заявил журналистам, что теперь кавголовские дистанции ни в чем не уступают самым трудным трассам.

Конечно, такая реконструкция значительно усложнила задачу участников соревнований и потребовала от них исключительного мастерства и высокой подготовки. И наши лыжники, несмотря на то, что сезон только начинается и за плечами у них всего лишь два соревнования у мужчин и три у женщин, достигли уже боевых кондиций. Это и понятно. Зима предстоит трудная. Дело в том, что Международная федерация учредила Кубок Мира, и победу в этих соревнованиях определит результат, показанный лыжниками в пяти лучших для них гонках (а всего им будет предоставлена возможность 9 раз испытать свои силы).

В число 9 международных соревнований на Кубок Мира включены и Кавголовские игры, и тем почетнее на них победы Евгения Беляева и Галины Кулаковой и успех тех, кто стоял рядом с ними на пьедестале почета и занял в итоговых протоколах первые двенадцать мест.

Финские лыжники, наши главные соперники на последнем чемпионате мира, в Кавголово не попали в число призеров, но результаты, показанные ими, внушительны: Матти Питкянен был четвертым в гонке на 15 километров, а Йоуко Лильероос — пятым на дистанции 30 километров. В числе двенадцати сильнейших мы увидели также норвежскую лыжницу Марит Мюрмель, имеющую после трех этапов борьбы за Кубок Мира больше всех очков — 51, а также финна Перти Теураярви и лыжника из ГДР Арндта Краузе.

Приятным сюрпризом для нас был успех в гонке на 30 километров двадцатитрехлетнего гонщика Розалина Бакиева, занявшего второе место и оттеснившего на третье самого Сергея Савельева, олимпийского и мирового чемпиона на этой дистанции. Радует, что после ряда неудач мы снова увидели среди сильнейших В. Лукьянова, шестого на 30-километровой и пятого на 15-километровой дистанциях. Доказал свои большие возможности В. Рочев — второй призер в гонке на 15 километров и занявший четвертое месте в гонке на 30 километров. Ну, а у женщин, помимо нашего блестящего квартета — Кулаковой, Рочевой, Амосовой, Сметаниной, — обращают на себя внимание успехи таких лыжниц, как Л. Лядова, Н. Шамакова, Т. Першина, Т. Рыбакова.

Итак, лыжный сезон-79 начался для наших гонщиков успешно. Будем же теперь ждать вестей с других соревнований на Кубок Мира из ФРГ, Швейцарии, Финляндии, Швеции, Норвегии и, наконец, из американского Лейк-Плэсида, где в начале февраля будут проведены предолимпийские соревнования.

Кавголово передает им всем свою эстафету.

Сильнейшая лыжница Финляндии Х. Такало (справа) и ее подруга по команде Т. Импиё.

На питательном пункте.

Знаменитый лыжный квартет — Г. Кулакова, Н. Рочева, З. Амосова и Р. Сметанина. Спортивный жребий разбросал их по дистанции, но на нашем снимке они по праву стоят рядом.

АЛО ЛЫЖНИ

Ленинградцы любят лыжи.

Сергей Савельев (№ 40) на кавголовской трассе.

Все на дистанции.

Спорт! Спорт! Спорт!

Евгений ДУБРОВИН

Виктор Степанович Погребенников встал с кровати, открыл форточку и сделал несколько приседаний.

— Фр-фр-р...— запел глава семьи, несколько отдышавшись.

Виктору Степановичу приснился сон, как будто он защитил диссертацию и стал академиком. И даже вроде бы не простым академиком, а вице-президентом или еще что-то в этом роде, так как во время доклада ему каждые десять минут меняли чай с лимоном.

Еще под впечатлением сна, находясь в бодром и приподнятом настроении («А что? Чем черт не шутит?»), Виктор Степанович проследовал в ванную. В ванной в свалявшемся свитере и в не менее мятых брюках умывался младший Погребенников. Славик умывался так: сначала смачивал два пальца, потом проводил ими по глазам, потом снова смачивал и тер щеки. Из воротника свитера высовывались бледные, дрожащие уши отпрыска Погребенниковых.

— Ты почему в свитере умываешься? — привычно удивился Виктор Степанович.

— Потому что холодно,— как всегда, огрызнулся Славик.

— Надо делать зарядку,— машинально дал свой обычный совет глава семьи и уже собирался закрыть дверь, как вдруг задумался: «А в самом деле, почему молодой парень не увлекается спортом?»

Тут мимо на кухню прошла одетая, как на картинке, готовая к борьбе с преступниками мама-следователь Погребенникова.

— А чем он увлекается? — тоже машинально, по привычке подлила масла в огонь мама Ира Ивановна.

— Сними свитер,— приказал глава семьи.

— Не сниму.

— Почему?

— Звериный холод. Как в космосе.— Славик взял полотенце и принялся тереть почти сухую физиономию.

— Я кому сказал: сними свитер! — Папа Погребенников растопырился и набычился, готовый подкрепить свои слова силой. Младший Погребенников правильно оценил ситуацию.

— Пожалуйста,— пожал он плечами и стянул через голову свитер. Обнажились хилая грудная клетка и ручки-спички.

— Ты посмотри, на кого он похож! — сказал папа Погребенников с нотками ужаса.

— На труп? — предположила следователь Погребенникова.

— Хуже! Много хуже! Он похож на Микки Мауса!

— Микки Маус все-таки живой, а этот мертвец! — не согласилась Ира Ивановна.

— Но Микки Маус—вымышленное существо,— возразил папа Погребенников.— А это еще хуже, нежели труп.

— Можно одеваться? — спросил младший Погребенников. На физиономии «трупа» и Микки Мауса было написано полнейшее равнодушие к теоретическому спору своих родителей.

— На зарядку становись! — вдруг закричал Виктор Степанович голосом физкультработника из дома отдыха. (Сон про вице-президента продолжал оказывать свое бодрящее действие.) — Теперь каждое утро будешь у меня делать зарядку!

— Я не люблю зарядку, — уныло сказал Славик.— Я ее ненавижу. Это все равно что есть живую лягушку.

— Ты ел когда-нибудь живую лягушку? — спросила мама.

— Я съел однажды консервированную гусеницу, — сказал Славик.— А это почти одно и то же.

— Нет, не одно и то же,— заметила мама Погребенникова, подкрашивая губы у зеркала. Консервированная гусеница — это, по сути дела, овощ...

— Овощ? — поразился Славик.

— Да. Овощ.

— Консервированная гусеница — овощ?

— Почти что овощ.

— А ты докажи! — Славик натянул свитер и приготовился к спору. Его сонные глазки оживились. Восьмиклассник Погребенников любил теоретические споры. Однако Виктор Степанович предвидел такого рода опасность и пресек теоретический спор в самом зародыше.

— Делай со мной, делай, как я! Делай лучше меня!

С этими словами будущий вице-президент выбросил вперед руки, с шумом выдохнул воздух и присел. Однако пример отца не увлек сына.

— Ты похож на носорога,— заметил младший Погребенников.

— Я? На носорога?

— Да. Ты. На носорога.

— Учись, Микки Маус! — Глава семьи подобрал живот и начал энергично приседать, но на шестом разе выдохся. Глаза его налились кровью, дыхание вырывалось, как пар из кофеварки «Экспресс».

— Хватит, Витенька, показал, и хватит,— пришла на помощь супруга Ира Ивановна. — Полюбуйся на отца,— сказала она сыну.— Пятый десяток, а как...

— Носорог,— подсказал Славик.

— Молодой носорог,— поправила следователь.

«Молодой носорог», тяжело дыша, удалился на кухню готовить чай. За чаем беседа шла о спорте.

— Только спорт делает из человека человека,— философствовал Виктор Степанович.

— Как это из человека можно сделать человека? — удивился Славик. Но глава семьи не дал увести себя в сторону.

— Спорт! Спорт! Спорт! — воскликнул Виктор Степанович. — Каждый день спорт! Ни дня без спорта! Будешь тренироваться под моим наблюдением. — Будущий вице-президент энергично намазывал масло на овсяное печенье.

— Давно бы так,— активно поддерживала мужа Ира Ивановна.— Может, и заниматься лучше будет и родителей слушаться начнет.

— Спорт делает чудеса!

Младший Погребенников уныло слушал этот разговор. По опыту он знал, что никакая сила теперь не может выбить из головы отца навязчивую идею насчет спорта.

— Ну хорошо,— сказал Славик, высасывая через носик остатки заварки из чайника.— Я начну заниматься спортом... с понедельника... Но не вообще, а, допустим, боксом.

— Боксом? Отлично! — воскликнул Виктор Степанович.— Мужественный спорт!

— Он может сломать себе нос,— заметила следователь Погребенникова.— У всех боксеров перебитые носы.

— Пусть! — Виктор Степанович энергично взмахнул ножом с повидлом, и повидло улетело.— Пусть сломает нос, зато станет человеком. Кстати, у него некрасивый нос, курносый.

— Кроссовки,— сказал младший Погребенников.

— Какие кроссовки?— удивилась Ира Ивановна.

— Что значит этот бред? — строго спросил Виктор Степанович.

— Я начну заниматься, если вы мне купите кроссовки, японские боксерские перчатки, английское чучело...

— Какое еще чучело? — спросила мама Погребенникова.

— Для тренировок.

— Груша, что ли?

— Называй как хочешь.

— Где же это мы все достанем?

— Меня это не касается. И еще американские солнечные очки.

— Очки к спорту не имеют никакого отношения,— запротестовал Виктор Степанович.

— Это как компенсация. Должен же я что-то иметь от этого вашего спорта.

Пришлось Виктору Степановичу пустить в ход свои научные связи, чтобы достать адидасы, японские боксерские перчатки и английское чучело.

Теперь жизнь в семье Погребенниковых резко изменилась. Жизнь встала на спортивные рельсы. Раньше всех поднимался Виктор Степанович. Сделав у форточки свои традиционные пять приседаний, глава семьи спешил в комнату сына, поднимал заспанного Славика и спешил на кухню готовить чай, чтобы спортсмену было чем прополоснуть пересохшее горло. Даже следователь Погребенникова, несмотря на сложный утренний туалет («Сердце преступника смягчается при виде красивого следователя, и он быстрее раскалывается» — слова младшего Погребенникова), находила время, чтобы ткнуть несколько раз в боксерское чучело. («Руки следователя должны быть сильными, чтобы в случае чего можно было крепко схватить преступника за шиворот» — слова младшего Погребенникова.)

Славик же увлекся боксом не на шутку. Едва встав с постели, он спешил в ванную, где был оборудован спортивный зал, закрывался на крючок и приступал к тренировкам. Из ванной неслись уханье, звуки ударов, сопение, топот и даже хруст костей. Когда слышался хруст костей, мама Погребенникова не выдерживала, стучала в дверь.

— Славик! Не увлекайся, прошу тебя! Еще сломаешь себе какую-нибудь часть!

В ответ удары, невнятные слова.

— Ничего, пусть порезвится,— успокаивал жену Виктор Степанович. — Почувствует силу — сразу человеком станет. У него вся дурь в грушу уйдет.

— Дай-то бог, — вздыхала неверующая следователь Погребенникова. — Хоть и влетело нам все это в копеечку...

— Было бы здоровье, а деньги—дело наживное,—изрекал Виктор Степанович житейскую мудрость.

Славик увлекся боксом так, что тренировался утром, днем и даже в обед. Глава семьи был очень доволен. По утрам он ощупывал у сына на руках мускулы и удовлетворенно говорил:

— Качаешь понемногу, молодец. И живот подобрался. И плечи шире стали. Да и вообще осанка появилась. На мужчину хоть стал похож. На д' Артаньяна.

Младший Погребенников скромно опускал глаза:

— Прямо уж и на д' Артаньяна...

— Ну, уж, во всяком случае, от Микки Мауса ты удалился на приличное расстояние. Продолжай в том же духе.

— Есть продолжать в том же духе! — бодро отвечал Славик.

— В меня весь, мерзавец, упорный,— говорил Виктор Степанович супруге за чаем.— Я тоже такой же заводной. Уж если что вобью себе в голову...

— А я разве не упорная?—удивлялась Ира Ивановна.

— Ты тоже упорная,— снисходительно соглашался глава семьи.

— Но не настолько, как ты?

— Да. Чуть-чуть поменьше.

— Почему ты так решил?

— Ну, все-таки ты женщина...

— Выходит, по-твоему, женщина — человек второго сорта?

— Ты что? — пугался Виктор Степанович, предвидя спор об эмансипации женщин.— Это я пошутил. Ты еще упорнее меня. Но все-таки идея со спортом была моя. Тут ты не сможешь отрицать.

— Твоя, — нехотя соглашалась следователь Погребенникова. — Но я раньше тебя твердила о его сутулости. Возможно, мои слова и натолкнули тебя на мысль о спорте.

— Вполне может быть, — великодушно соглашался Виктор Степанович. — Однако в любом деле главное — идея. А идею родил я. Разве не так? Все-таки как отец я кое-чего стою, дорогая? А?

— Конечно, стоишь, дорогой...

Супруги любовно глядели друг на друга и в счастливом оцепенении слушали доносившийся из ванной гул боя их сына с чучелом.

Безоблачная спортивная жизнь в семье Погребенниковых продолжалась вплоть до утра вторника четырнадцатого ноября. В этот день утром, когда Славик, как всегда, тренировался в ванной, следователь Погребенникова готовилась перед зеркалом к схватке с преступниками, а Виктор Степанович колдовал над чаем, раздался телефонный звонок. Кто-то девчоночьим голосом просил к телефону младшего Погребенникова.

Виктор Степанович вежливо, почти благоговейно постучал в дверь, из-за которой неслись уханье и глухие зверские удары по тяжелому, толстому, тупому.

Будущий соперник Мохаммеда Али никак не реагировал на тактичный стук. Тогда Виктор Степанович потянул за ручку. Дверь открылась.

То, что увидел Виктор Степанович, потрясло его до глубины души. Его сын, растянувшись в удобной позе, подложив под голову грушу и перчатки, спал в ванной, а на раковине стоял магнитофон и издавал рычащие, ухающие и другие звуки, которые издает вошедший в раж боксер.

— Ах, ты, мерзавец! — закричал Виктор Степанович таким голосом, что мигом заглушил все звуки. Славик вскочил, вытаращив глаза.

— Так ты... Да? Ах, вон оно что! — Глава семейства мог говорить лишь одними междометиями. — Значит, так! Спорт! Ах, ты...

Славик слушал, опустив голову. Потом он выключил магнитофон. Прибежала Ира Ивановна.

— Что случилось? Сломался нос?

— Если бы! Если бы нос! — рявкнул Виктор Степанович.—Где ты взял пленку?

— Я... я записал... тренировку по боксу. Я больше не буду. Я займусь легкой атлетикой.

Глава семьи вышел, хлопнув дверью так, что посыпалась штукатурка.

— Весь в меня, находчивый,— сказала Ира Ивановна, выходя следом за мужем.—Наверно, следователем будет.

Виктору Степановичу нечего было возразить. Он пошел на кухню и, весь багровый, принялся заваривать чай. Сыну он не заварил. Пусть это была мелкая, но все же месть.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Река в Красноярском крае. 8. Роман Ж. Санд. 9. Учреждение связи. 10 Хлопчатобумажная или шелковая ткань. 11. Всесоюзный пионерский лагерь в Крыму. 13. Настольная папка. 15. Сладкий картофель. 17. Материк. 18. Советский поэт. 19. Наука об управлении, связи и переработке информации. 20. Порт на Черном море. 22. Молочный продукт. 24. Поток воздуха. 26. Хищное животное семейства куньих. 28. Остров в Балтийском море. 30. Планка для рамок и карнизов. 31. Декабрист. 32. Сборник литературных произведений. 33. Гимнаст, цирковой артист.

По вертикали: 1. Порода собак. 2. Подразделение пограничных войск. 3. Физическая величина, одна из основных характеристик материи. 5. Расплав, возникающий в мантии Земли. 6. Пролив между Европой и Азией. 7. Конный экипаж с открывающимся верхом. 10. Чертежный прибор. 12. Духовой инструмент. 13. Русский композитор, пианист и дирижер. 14. Совокупность пьес, исполняемых в театре. 15. Спортивная игра. 16. Керамическое изделие. 21. Приток Сырдарьи. 23. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 25. Ягодный кустарник. 27. Столица союзной советской республики. 29. Город в Чехословакии. 30. Способ плавания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали: 6. Космовидение. 8. Аэростат. 9. Габардин. 10. Агама. 12. Сумма. 14. Литр. 16. Пуна. 18. Рабле. 19. Риска. 20. Чибурданидзе. 21. Бенуа. 22. Норка. 23. Нура. 25. Арка. 27. Старт. 29. Сопка. 31. Панорама. 32. Орнамент. 33. Новороссийск.

По вертикали: 1. Акоста. 2. Аметист. 3. Кенгуру. 4. Секанс. 5. Драга. 7. Тонна. 11. Авансцена. 13. Микроскоп. 14. Левитан. 15. Реприза. 16. Пятница. 17. Аризона. 24. Рубанок. 26. Рагозин. 27. Сопло. 28. Тарань. 29. Сказка. 30. Астра.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Монтажник Иван Дулуца приехал строить Экибастузскую ГРЭС из Молдавии * Этому роторному экскаватору нет равных в мире.
(См. в номере материал «Богатырь»). **Фото Ю. Лушина**

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Работы М. Магомедовой.
(См. в номере материал «Златокузнец Манаба Магомедова»).

Фото Б. Кузьмина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 22.12.78. Подп. к печати 10.01.79. А 00602.
Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1800 000 экз. Изд. № 46. Заказ № 3286.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

В Московском цирке на проспекте Вернадского с большим успехом проходит цирковая программа «Праздник на арене», поставленная заслуженным работником культуры РСФСР Юрием Архипцевым. Первое отделение собрало букет прекрасных цирковых номеров: акробаты Канагины, эквилибристы на першах под руководством А. Сарача, своеобразная конная сюита «Березка» под руководством заслуженного артиста РСФСР Ю. Ермолаева; высокое мастерство воздушных гимнастов демонстрируют артисты Папазовы. Новизна дрессуры отличает работу юной исполнительницы М. Лапиадо. Весело, с неподдельным юмором и фантазией заполняют паузы клоуны С. Щукин и В. Серебряков.

Центральным номером программы является большой иллюзионный аттракцион под управлением профессора магии Мексиканского общества иллюзионистов Ю. Авьерино. Это почетное звание советскому артисту было присвоено во время гастролей в Мексике. Ему аплодировали зрители Австрии, Венгрии, Японии, Румынии и других стран. С постоянным успехом проходит выступление Ю. Авьерино в самых разных уголках нашей страны. Аттракцион поражает своей оригинальностью, разнообразными сценическими эффектами, которые построены на современных достижениях техники, и отличается масштабностью трюков. Интересна и оригинальна работа Ю. Авьерино не только как артиста, но и как режиссера и художественного руководителя аттракциона. Высокая постановочная культура, умение точно соединить разрозненные номера внутри аттракциона в единый целостный спектакль дают ему возможность создать на манеже яркое иллюзионное представление.

Ю. Авьерино творит свои чудеса...

ВОЛШЕБ

Н. КОФАНОВА

Фото А. НИКОЛАЕВА

Уже само начало аттракциона захватывает зрителя: манеж медленно начинает окутываться дымкой, звучит мелодия песни композитора В. Гамалии «Мать-земля моя», которая доносится сначала откуда-то издалека и вдруг, словно раздвинув стены, заполняет собой огромный зал... В голубой дымке плывут девушки в русских нарядах... На глазах у зрителя манеж превращается в золотое поле пшеницы, а через несколько мгновений — это уже красивый яблоневый сад.

А дальше мы становимся свидетелями совершенно невероятных явлений. Например, взгляд Авьерино заставляет девушку заснуть на остриях трех кинжалов, тот же взгляд заставляет ее внезапно исчезнуть. Необходимо подчеркнуть хорошую исполнительскую манеру артиста, легкость и непринужденность подачи трюков, быстрый темп работы, мягкость и еле уловимую иронию, свидетельствующие о высоком мастерстве артиста.

Аттракцион и многие другие номера программы сопровождаются музыкой композитора В. Гамалии, чье имя известно и по песням, звучащим по радио и телевидению, и работой в кино и театрах. Отлично звучит оркестр Московского цирка под управлением заслуженного артиста РСФСР Н. Соколова.

На арене М. Лапиадо и ее способные ученики.

Акробаты Канагины.

НИКИ ЦИРКА

Клоуны С. Щукин и В. Серебряков.

И. Сербина — танец на проволоке.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

